

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ.

А. Вспомогательныя для Судебнаго Слѣдователя средства.

ГЛАВА V.

О лицахъ свѣдущихъ

и о значеніи ихъ въ предварительномъ слѣдствіи.

1. Общія замѣчанія.

Безъ сомнѣнія, важнѣйшимъ вспомогательнымъ средствомъ, имѣющимся въ распоряженіи С. С., являются лица свѣдущія, заключенія которыхъ часто оказываютъ рѣшающее вліяніе на дѣло.— Правда, С. С., особенно живущій въ захолустьи, не всегда можетъ располагать лицами, стоящими на высотѣ требованій современной науки, но во-1-хъ, въ серьезныхъ случаяхъ онъ всегда имѣетъ возможность обратиться къ свѣдущимъ лицамъ, проживающимъ въ центрѣ судебного округа, и во-2-хъ, слѣдуетъ помнить, что при извѣстномъ умѣніи пользоваться экспертами, хотя бы и не очень высокой компетентности, С. С. имѣетъ возможность достигнуть вполне цѣнныхъ для дѣла результатовъ.—Я позволяю себѣ даже утверждать, что нерѣдко для дѣла далеко не такъ важно, кто именно былъ спрошенъ, а гораздо важнѣе, *какъ* формулированы были вопросы, *о чемъ именно и въ какой моментъ* предварительнаго слѣдствія.

Главное всегда состоитъ въ томъ, чтобы 1) С. С. выяснилъ себѣ вполне, *кого* онъ долженъ спросить, т. е. къ какой категоріи свѣдущихъ лицъ ему слѣдуетъ обратиться, 2) чтобы онъ зналъ, *что* ему можетъ сказать экспертъ, т. е. знать сущность и предѣлы его знаній и 3) чтобы онъ умѣлъ выбрать для этого *надлежащій моментъ*, т. е. тотъ моментъ предварительнаго слѣдствія, когда достаточный матеріалъ собранъ, и дальнѣйшіе розыски представляются

нашлинами. Поэтому слѣдствія его пріобрѣтутъ исчерпывающій характеръ, если онъ, напр., по обстоятельствамъ дѣла съумѣетъ пригласить микроскописта тамъ, гдѣ знанія судебного врача окажутся недостаточными, а въ другомъ случаѣ добыть цѣнныя свѣдѣнія отъ простыхъ охотниковъ—тамъ, гдѣ оказались несостоятельными познанія специалиста, оружейнаго техника. Въ подобныхъ случаяхъ шаблонныя пріемы не приведутъ къ цѣли: каждое дѣло требуетъ особыхъ размышлений, соотвѣтственно обстановкѣ случая.

Въ отношеніи существа и предѣловъ знаній свѣдущихъ лицъ, С. С. можетъ или ставить себя въ смѣшное положеніе предъявляемъ чрезмѣрныхъ требованій, или, наоборотъ, можетъ лишить себя существенныхъ уликъ, если предложить слишкомъ мало вопросовъ. Я знаю случай, въ которомъ С. С. предложилъ эксперту вопросъ о томъ, кому принадлежитъ замѣченная на платкѣ кровь, мальчику или дѣвочкѣ,—и другой случай, въ которомъ С. С., сдѣлавъ распоряженіе сломать печь, послалъ ее въ запакованномъ видѣ въ главный городъ округа къ судебному химику для разрѣшенія вопроса, сожигались ли въ ней банковыя билеты. А въ новѣйшее время даже коллегіальный судъ по одному дѣлу, по которому возникъ вопросъ, было ли отравленіе мышьякомъ или отъ испорченной колбасы, потребовалъ заключенія о томъ, не могъ ли образоваться самъ собою мышьякъ въ трупѣ или даже въ колбасѣ. Съ другой стороны, каждому изъ насъ извѣстны такіе случаи, когда экспертами были разрѣшены вопросы, казавшіеся людямъ несвѣдущимъ совершенно необъяснимыми. Такъ, въ одномъ дѣлѣ эксперт-физикъ доказать мнѣ посредствомъ магнетизма присутствіе желѣза тамъ, гдѣ химикъ не въ состояніи былъ найти что-либо; въ другомъ же дѣлѣ ботаникъ представилъ несомнѣнное доказательство того, что стебли хмѣля были перерѣзаны извѣстнымъ ножомъ. А то, что можетъ быть достигнуто при помощи рентгеновскихъ лучей, усовершенствованной фотографіи, активныхъ лучей радія и другихъ открытій нашего времени,—нельзя даже и предугадать.

По вопросу о времени, когда слѣдуетъ обращаться къ свѣдущимъ людямъ, должно прежде всего остерегаться упустить надлежащій моментъ, но въ то же время экспертъ долженъ быть осведомленнымъ и о всѣхъ, сопровождавшихъ событіе преступленія, обстоятельствахъ. Часто приходится встрѣчать утвержденія, что эксперту нѣтъ дѣла ни до чего иного, кромѣ изслѣдуемаго имъ предмета; напр., предъявляя ему рану, требуютъ, чтобы онъ высказалъ заключеніе свое не только о свойствѣ поврежденія, послѣдствіяхъ

его и времени излечения, но и объ орудіи, которымъ она была нанесена, о положеніи обвиняемаго при нанесеніи и о способѣ нанесения. Эти лица забываютъ, какія трудности представляютъ подобные случаи, и упускаютъ изъ виду, что самыя разнообразѣйшія причины часто сопровождаются одинаковыми послѣдствіями. Когда же научно образованный экспертъ ознакомленъ со всѣми сопровождавшими событіе преступленія обстоятельствами, прочель показанія свидѣтелей, видѣлъ предполагаемое орудіе преступленія, то онъ не сдѣлаетъ въ силу этого поспѣшнаго заключенія; наоборотъ, взвѣсивъ всевозможныя комбинаціи, имѣя передъ собой полную картину событія, онъ выскажетъ сужденіе свое смѣлѣе, совершеннѣе и что важнѣе всего—*кратко*, безъ лишннихъ словъ. И чѣмъ менѣе опредѣленнаго онъ выскажетъ, тѣмъ лучше для С. С., которому менѣе шансовъ впасть въ заблужденіе. Не слѣдуетъ забывать, что при всѣхъ успѣхахъ знанія и именно вслѣдствіе этого въ настоящее время менѣе увѣренно дѣлаются выводы, нежели прежде: стоитъ только сравнить прежніе учебники судебной медицины, появившіеся 30 лѣтъ назадъ, и современные, чтобы убѣдиться въ томъ, что, вслѣдствіе немногочисленности имѣвшихся ранѣе опытныхъ данныхъ, ученые установили смѣло извѣстныя основныя положенія, нынѣ оказавшіяся несостоятельными, такъ какъ масса обнаружившихся эпизодическихъ случаевъ представили столько исключеній, что эти послѣднія оказались болѣе частыми, чѣмъ такъ называемыя обобщенія.

Это соображеніе слѣдуетъ имѣть въ виду и относительно другихъ отраслей знанія, т. е. отнюдь не полагаться на свои собственныя, всегда неполныя познанія и во всѣхъ случаяхъ обращаться къ компетентнымъ лицамъ. Слѣдуя этому правилу, можно достигать удивительныхъ результатовъ, и какъ часто на обычное замѣчаніе: «я думалъ, что такъ всегда бываетъ», экспертъ представляетъ цѣлый рядъ явленій исключительныхъ, въ которыхъ «бываетъ иначе». Поэтому слѣдуетъ по возможности расширить число случаевъ обращеній къ свѣдущимъ лицамъ и прибѣгать къ помощи ихъ даже тогда, когда, на первый взглядъ, не можетъ возникнуть никакихъ сомнѣній. Мы извѣстно, что бываютъ С., которые въ теченіе своей, часто продолжительной, службы не обращались къ другимъ свѣдущимъ лицамъ, кромѣ врачей, химиковъ, микроскопистовъ и оружейныхъ мастеровъ, которымъ никогда не случалось приглашать ни простыхъ ремесленниковъ, ни профессоровъ,—хотя бы они и могли заручиться отъ нихъ весьма цѣнными данными.

Признаюсь, что я часто приглашалъ свидущихъ лицъ, не зная, что собственно они могутъ мнѣ сказать. Я вызвалъ однажды мастера ножеваго дѣла и, предъявивъ ему ножъ, извлеченный изъ трупа убитаго, предложилъ вопросъ: не можетъ ли онъ мнѣ чтонибудь сказать объ этомъ ножѣ. Онъ далъ отвѣтъ, что такіе ножи дѣлаются только въ сѣверной Богеміи, и это повело къ обнаруженію убійцы. Одинъ вызванный мною токарь обратилъ мое вниманіе на то, что одинъ изъ предметовъ, оставленныхъ преступникомъ, выточенъ токаремъ-лѣвшею. Обвиняемый, отрицавшій свою вину, былъ пришельцемъ изъ одного отдаленнаго города; въ этомъ городѣ оказался проживающимъ токарь-лѣвшя, который въ подозрѣваемомъ призналъ покупателя этой, имъ выточенной, вещи. Лингвисты опредѣлили мнѣ національное происхожденіе лица, написавшаго одно письмо; школьные учителя на основаніи небольшихъ ошибокъ въ буквахъ опредѣлили мнѣ возрастъ лица, — въ то время еще необнаруженнаго, — поддѣлавшаго банковые билеты, а астрономы опредѣлили мнѣ весенній день, соотвѣтствовавшій по смѣнѣ свѣта и мрака данному осеннему дню: вслѣдствіе этого оказалось возможнымъ *весною* произвести осмотръ мѣстности для того, чтобы установить, могъ ли обвиняемый *осеню* въ извѣстный часъ и въ извѣстный день видѣть то или другое.

Серьезную услугу оказалъ мнѣ однажды нумизматикъ, приглашенный въ качествѣ эксперта, такъ какъ на мѣстѣ преступленія (убійства) оказалась монета св. Георгія (на лицевой сторонѣ — изображеніе св. Георгія и на оборотѣ — изображеніе корабля и на немъ І. Христа съ учениками). Между тѣмъ одинъ изъ свидѣтелей удостовѣрилъ, что онъ видѣлъ у лица подозрѣваемаго какую-то монету, на одной сторонѣ которой замѣтилъ изображеніе корабля (другой стороны монеты онъ не видѣлъ). Экспертъ-нумизматикъ подтвердилъ, что эта монета съ высокой степенью вѣроятности должна быть именно монета св. Георгія, такъ какъ изображеніе корабля встрѣчается на немногихъ, очень рѣдкихъ монетахъ и при томъ такихъ, которыя не могли попасть въ руки подозрѣваемаго. Но дѣламъ о крупныхъ кражахъ, совершенныхъ изъ поѣздовъ на итальянскихъ желѣзныхъ дорогахъ, въ которыхъ вмѣсто похищеннаго въ сундукахъ и ящикахъ оказались положенными камни для приданія прежняго вѣса. — удалось обнаружить преступниковъ и мѣста совершенія преступленій на основаніи заключеній экспертовъ-минералоговъ, которые указали, гдѣ встрѣчаются эти камни (трахиты, весьма рѣдко встрѣчающіеся).

Весьма понятно, что многія подобныя попытки добыть полезныя свѣдѣнія путемъ вызова различныхъ экспертовъ останутся безплодными, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ отказываться отъ такихъ попытокъ, и въ серьезныхъ дѣлахъ неудачи не должны вести къ отчаянію. Если же при этомъ С. С. будетъ ограничивать участіе свѣдущихъ лицъ простымъ описаніемъ и измѣреніемъ вещественныхъ доказательствъ и констатировать, что «болѣе по осмотру ничего не оказалось», тотъ въ рѣдкихъ случаяхъ добудетъ что-либо цѣнное. Необходимо всегда вступать съ свѣдущимъ лицомъ—особенно, если онъ простой ремесленникъ,—въ продолжительную бесѣду, конечно, дѣловую, рассказать ему сущность дѣла, выяснить, въ чемъ заключается вопросъ, и только при этихъ условіяхъ мало-по-малу и можетъ обнаружиться что-либо полезное для дѣла.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ полезно бываетъ пригласить нѣсколькихъ ремесленниковъ, по одному отъ cadaго ремесла, если можно надѣяться, что по характеру пріемовъ при совершеніи какого-либо преступленія, по особенной, обнаруженной при этомъ, ловкости преступника можно заключить о его ремеслѣ. Напр., одна крупная, въ высшей степени дерзкая кража совершена была такимъ образомъ: похититель, бывший лакей потерпѣвшаго банкира, жившаго совершенно одиноко, пробрался днемъ въ домъ и спрятался въ комнату, сосѣдней съ спальней банкира. Онъ хорошо зналъ, что банкиръ вечеромъ, ложась спать, обыкновенно запираетъ на замокъ дверь, ведущую въ эту сосѣднюю комнату; поэтому намѣреніемъ его было выждать, пока банкиръ заснетъ, и затѣмъ проникнуть въ спальню, взять кассовые ключи съ ночного столика, затѣмъ отпереть кассу и похитить деньги,—все именно такъ и было сдѣлано имъ. Для того же, чтобы дверь въ спальню не была заперта на замокъ банкиромъ, воръ придумалъ способъ убѣдить банкира въ томъ, что дверь уже заперта: онъ приготовилъ тонко вырѣзанный кусочекъ дерева и вложилъ его въ отверстіе, находившееся въ притолкѣ двери для язычка замка. Когда банкиръ вечеромъ, запирая дверь, повернулъ ключемъ, то получилось впечатлѣніе, что замокъ уже запертъ. Такъ именно впоследствии банкиръ и объяснялъ, что дверь была заперта имъ еще ранѣе ночи, о чемъ онъ, вѣроятно, забылъ. Такимъ образомъ, дверь осталась отпертой, и воръ могъ свободно совершить кражу. Призматическій кусочекъ дерева, вложенный имъ въ отверстіе притолки, былъ оставленъ въ этомъ отверстіи и затѣмъ былъ предъявленъ свѣдущимъ лицамъ.

Первымъ изъ нихъ былъ допрошенъ столяръ, который весьма

остроумно заключилъ: «эту колодочку вырѣзываетъ человекъ болѣе аккуратный, чѣмъ мы, столяры: вѣдь совсѣмъ не нужно было такъ тщательно задѣлывать все отверстіе, достаточно было небольшого кусочка дерева, кое-какъ обтесаннаго, чтобы онъ только вдоль закрывалъ отверстіе». Затѣмъ былъ приглашенъ токарь, который высказалъ, что колодочка сдѣлана лицомъ, знакомымъ съ рѣзной работой: токарь вытачиваетъ дерево, поэтому колодочка—не дѣло рукъ токаря. Такимъ образомъ оставалось пригласить рѣзчика по дереву, и этотъ послѣдній обнаружилъ на этомъ кусочкѣ указанія на то орудіе, которое обыкновенно встрѣчается у лицъ, работающихъ сапожныя колодки. Когда такое орудіе было представлено для образца, то заключеніе рѣзчика оказалось правильнымъ; объ этомъ было сообщено потерпѣвшему, и тогда виновный былъ обнаруженъ, потому что послѣдній лакей банкира былъ по ремеслу «колодочникъ» и всегда занимался имъ, когда оставался безъ мѣста.

Вообще удивительно, какъ трудно людямъ, въ особенности изъ рабочаго класса, воздерживаться отъ привычныхъ пріемовъ своего ремесла. Эти люди до такой степени освоились съ этими пріемами, что не видятъ въ нихъ ровно ничего обращающаго вниманія и совсѣмъ не думаютъ, чтобы ихъ можно было признать по характеру работы. Они полагаютъ, что дѣло ихъ въ той же степени обыкновенно для каждаго другого: поэтому ткачъ всегда будетъ связывать веревку своимъ ткацкимъ узломъ, мельникъ—такъ, какъ онъ связываетъ на мельницѣ мѣшки, матросъ—свой канатный узелъ, рыбакъ—свою рыболовную сѣть, мясникъ—такъ, какъ онъ закрѣпляетъ веревку у роговъ убойнаго скота, и цыганъ, проникая въ чужое помѣщеніе, завяжетъ дверь въ сосѣднюю комнату, чтобы ему не помѣшали, такъ, какъ онъ дѣлаетъ свой «заворотень». Весьма понятно, что специалистовъ «въ завязываніи узловъ» не имѣется, поэтому остается лишь одно: приглашать лицъ разныхъ профессій одного за другимъ, пока не найдешь знатока.

Такіе случаи бывають и въ дѣлахъ другого характера. Новорожденный младенецъ оказался убитымъ посредствомъ укола въ затылокъ (на границѣ головного и спинного мозга) — «совершенно такъ, какъ добивають подстрѣленнаго рябчика», сказалъ бургомистръ, опытный стрѣлокъ—и, дѣйствительно, убійца, любовникъ матери ребенка, оказался охотникомъ.

Но если свѣдущіе люди въ состояніи высказать С. С. слишкомъ многое, то не слѣдуетъ требовать отъ нихъ, особенно отъ

врачей, слишком обширных и, главное, слишком категорических заключений.

Не буду распространяться о томъ, что С. С. может скомпрометтировать себя въ глазахъ судебного врача, если будетъ предлагать ему нелѣпые вопросы, или пожелаетъ опредѣленнаго отвѣта на такіе вопросы, которые по здравому смыслу и съ точки зрѣнія науки не могутъ быть разрѣшены съ достовѣрностью. Позволю себѣ напомнить только о томъ, что врачъ, какъ и вообще каждый изъ насъ, составляетъ себѣ мнѣніе о лицѣ, предлагающемъ вопросы, нерѣдко только по тому, какъ ставятся эти вопросы, касающіеся его специальности. Онъ, конечно, не ожидаетъ отъ С. С. основательныхъ медицинскихъ познаній, но вправѣ требовать, чтобы у него не спрашивали нелѣпостей. Врачъ невольно спроситъ себя, зачѣмъ онъ будетъ расточать на такіе дѣтскіе вопросы свои познанія, цѣною огромнаго труда имъ пріобрѣтенныя. Такимъ образомъ, не говоря уже о томъ, что у врача исчезаетъ желаніе поработать для дѣла, С. С. рискуетъ свести свое слѣдствіе къ нулю, если будетъ настойчиво добиваться отвѣта на вопросы, по существу своему неразрѣшимые. Повторяю, что С. С. не всегда имѣетъ возможность обращаться къ судебнымъ врачамъ, проживающимъ въ главномъ городѣ и обладающимъ солидной подготовкой, большимъ опытомъ и вооруженнымъ всѣми научными пособіями. Ему приходится часто работать съ врачами, только что сошедшими съ университетской скамьи, или уже престарѣлыми, или же съ малоопытными врачами; они могутъ быть хорошими практиками, но не судебными врачами въ строгомъ смыслѣ этого слова. Кому пришлось много поработать вмѣстѣ съ судебными врачами, тотъ знаетъ, какія широкія требованія предъявляются обыкновенно къ хорошему судебному врачу: онъ не только долженъ знать всѣ отрасли медицины, но и быть на высотѣ научныхъ требованій по всѣмъ труднѣйшимъ вопросамъ каждой изъ этихъ отраслей и въ то же время имѣть особый уголовный опытъ. Такимъ образомъ утверждать, что каждый земскій врачъ, хотя бы и самый лучшій, можетъ быть въ то же время вполне авторитетнымъ судебнымъ врачомъ, это значило бы унижать достоинство судебной медицины, которая черпаетъ свои положенія и пользуется данными изъ всѣхъ прочихъ отраслей медицинской науки.

Именно въ силу этого обстоятельства С. С. и долженъ остерегаться слишкомъ многого требовать отъ судебного врача. Нужно помнить, что человѣкъ болѣе склоненъ сказать: «да, это именно

такъ», нежели сознаться въ своемъ невѣдѣніи, и вслѣдствіе этого врачъ слишкомъ настойчивому С. С. можетъ дать такое заключеніе, которое впослѣдствіи передъ судомъ науки оказывается несостоятельнымъ. И только благодаря великимъ ученымъ, поработавшимъ въ этой области знанія, мы часто слышимъ теперь смѣлыя и честныя слова: «мы этого не знаемъ». «мы еще многого не знаемъ»,—тогда какъ наука истекшихъ десятилѣтій еще мнила это многое не подлежащимъ сомнѣнію.

Я хочу подтвердить это нѣсколькими примѣрами. Съ какою увѣренностью отличали ранѣ поврежденія, причиненныя убитому при жизни, отъ поврежденій, причиненныхъ послѣ смерти,—нынѣ же всѣ лучшіе представители медицинской науки доказываютъ съ очевидностью, что несомнѣнныхъ отличительныхъ признаковъ для тѣхъ и другихъ поврежденій не существуетъ. Затѣмъ судебные врачи прежняго времени съ достовѣрностью разрѣшали вопросъ, гдѣ начало и конецъ рѣзаной раны (для опредѣленія направленія удара), что очень важно напр. для рѣшенія, было ли въ извѣстномъ случаѣ убійство, или самоубійство; современные врачи не рѣшаются на такое различіе въ огромномъ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ на основаніи одного наружнаго вида раны. Съ какою увѣренностью ранѣ отличали кровь изъ раны отъ крови менструальной, нынѣ же пришли къ убѣжденію, что это различіе далеко не такъ ясно и только въ исключительныхъ случаяхъ можетъ быть опредѣлено съ точностью. И наоборотъ, поврежденія гортани у живыхъ людей, роды вслѣдствіе паденія и разрываніе плуповины считались прежде невозможностью, — нынѣ явленія эти никѣмъ уже не отрицаются.

2. О судебномъ врачѣ и о дѣятельности его.

Изъ всѣхъ свѣдущихъ лицъ, съ которыми приходится имѣть дѣло С. С., самыми важными и наиболѣе частыми являются судебные врачи, вслѣдствіе чего С. С. и долженъ вступать съ ними въ болѣе близкія отношенія. Быть можетъ, это покажется не имѣющимъ прямого отношенія къ дѣлу и даже несогласнымъ съ тѣмъ главенствующимъ значеніемъ, какое долженъ сохранять С. С. по отношенію къ судебному врачу. Но дѣло въ томъ, что если эти связи будутъ имѣть чисто внѣшній, дѣловой характеръ, то и самое отношеніе къ дѣлу со стороны врачей въ большинствѣ дѣлъ, даже

самыхъ серьезныхъ, будетъ исключительно формальнымъ. Если же отношенія между врачомъ и С. С. установились болѣе тѣсныя, дружескія, основанныя на общей любви къ дѣлу, то и работа перваго будетъ проникнута тѣмъ же чувствомъ, и ихъ общія совмѣстныя усилія принесутъ несомнѣнно плодотворные результаты. Но, конечно, для этого необходимо, чтобы и С. С., и врачъ любили свое дѣло; при отсутствіи этого условія, оба они достойны сожалѣнія и совершенно непригодны къ избранной ими дѣятельности. Если же они ревностно относятся къ дѣлу, то рвеніе ихъ удваивается вслѣдствіе взаимной поддержки, а совмѣстныя бесѣды ихъ способствуютъ наибольшему разъясненію дѣла.

Съ благодарностью вспоминаю я о своемъ, нынѣ умершемъ, другѣ, который служилъ вмѣстѣ со мною при одномъ ландгерихтѣ, состоя въ то же время и уѣзднымъ врачомъ. Мы работали вмѣстѣ въ теченіе пяти лѣтъ и общими силами довели до успѣшнаго конца значительное количество дѣлъ. Многія изъ нихъ производились вдали отъ мѣста нашего пребыванія, и мы дорогой всегда вели бесѣду о дѣлахъ, находившихся въ производствѣ, обсуждая всевозможныя комбинаціи какого-нибудь случая съ судебно-медицинской точки зрѣнія. Всѣ дѣла, по которымъ онъ приглашался къ качествѣ судебного врача, считались нашею общаю собственностью, и мы съ одинаковымъ рвеніемъ стремились къ разъясненію ихъ. Невозможно описать, въ какой степени была поучительна и для будущаго, какъ поощряла и облегчала трудъ, и — я смѣло скажу — какимъ огромнымъ успѣхомъ завершалась эта наша совмѣстная работа. И я утверждаю, что тамъ, гдѣ С. С. и судебный врачъ не находятся въ взаимномъ живомъ и дружескомъ общеніи, нельзя рассчитывать на многое отъ дѣятельности *обоихъ* и особенно перваго изъ нихъ. Помимо описанныхъ преимуществъ, вытекающихъ изъ тѣснаго общенія С. С. съ врачомъ, слѣдуетъ указать и на то, что при такомъ положеніи С. С. весьма легко узнать, *когда именно* онъ долженъ прибѣгнуть къ врачу. Мнѣ извѣстно, что во многихъ случаяхъ эксперты не приглашаются главнымъ образомъ потому, что С. С. не знаетъ, какъ далеко простираются знанія ихъ, и въ частности врача. Насколько это трудно при существованіи сухо-дѣловыхъ отношеній, настолько же легко при частномъ знакомствѣ съ врачомъ.

Въ случаяхъ, касающихся врача, должно приглашать его всегда, хотя бы вопросъ и казался выходящимъ за предѣлы человѣческихъ знаній, напр. вопросъ о томъ, сколько времени истекло

сь момента совершения преступления. Такъ Лима нъ рассказываетъ, что при вскрытіи одного совершенно разложившагося трупа по состоянію сердца оказалось возможнымъ установить, что смерть послѣдовала отъ разрыва сердца, т. е. что смерть была естественная. Тотъ же ученый приводитъ слѣдующій случай: когда были вынуты изъ могилы въ С. Дени кости короля Дагоберта, умершаго 1200 лѣтъ назадъ, то онѣ оказались до такой степени сохранившимися, что было бы возможно установить всякое насильственное дѣйствіе, которому онъ подвергся бы при жизни. И наконецъ, изслѣдованія органовъ пищеваренія убитаго доказываютъ, какъ точно можно опредѣлить время смерти по состоянію пищи въ желудкѣ умершаго.

Въ склепѣ монастыря св. Флоріана, въ Верхней Австріи, можно видѣть 6000 череповъ, принадлежащихъ павшимъ въ какомъ-то неизвѣстномъ сраженіи въ концѣ эпохи великаго переселенія народовъ. Они сохранились такъ хорошо, что историки по усмотрѣннымъ на черепахъ поврежденіямъ конструировали въ точности употреблявшееся въ то время оружіе (напр. у одного черепа оказались поврежденія отъ стрѣлы, на одномъ концѣ которой была укрѣплена рыба кость (рис. 2-й). («Склепъ въ монастырѣ» Св. Флоріана Альфонса Мюллера, Линцъ 1883 г.). Хотя такія отдаленныя событія и не относятся къ дѣятельности С. С., но они представляютъ ясное доказательство, что никогда не слѣдуетъ ссылаться на значительную давность, такъ какъ она значенія сама по себѣ не имѣетъ: предвари- тельно слѣдуетъ спросить судебного врача. Перейдемъ теперь къ изложенію дѣятельности судебныхъ врачей въ подробностяхъ и остановимся прежде всего на дѣятельности ихъ:

Рис. 2.
Поврежде-
ніе на од-
номъ чере-
пѣ въ скле-
пѣ мона-
стыря св.
Флоріана.

а) въ случаяхъ чисто суд. медицинскаго свойства.

Сюда относятся вскрытія труповъ, тѣлесныя поврежденія, явленія патологическаго характера, преступления противъ прав- ственности, вопросы объ опредѣленіи чьей-либо физической силы, возраста, способности къ извѣстному дѣйствію, о симулированіи и многіе другіе. О чемъ, и какъ должно предлагать вопросы, этому можетъ научить лишь опытъ и при томъ болѣе или менѣе продол- жительный, и если С. С. съ теченіемъ времени усвоить надлежащую мѣру при постановкѣ вопросовъ, то онъ пойметъ, что именно пу- темъ разумнаго ограниченія своихъ требованій можно достигнуть

при помощи врача разъясненія всего существеннаго. Слѣдуетъ быть довольнымъ, если врачъ далъ заключеніе осторожно, не категорично, а болѣе въ общихъ чертахъ, но за то по каждому случаю, относительно котораго можно имѣть хотя бы слабую надежду, что врачъ компетентнѣе всякаго другого не медика, вопросъ долженъ быть поставленъ. Въ весьма многихъ случаяхъ С. С., удовлетворившись условнымъ заключеніемъ врача, впоследствии долженъ быть ему благодарнымъ за такое заключеніе, когда по ходу слѣдствія выясняется, что вопросъ и не могъ быть разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Между А. и не А. лежитъ болѣе, нежели цѣлый алфавитъ, и каждая буква имѣетъ свое значеніе. Особенно не слѣдуетъ настаивать на точномъ опредѣленіи врачомъ времени совершенія чего-либо. Если при освидѣтельствованіи врачъ не придетъ къ какому-нибудь несомнѣнному заключенію, то слѣдуетъ предоставить ему возможность вторичнаго осмотра и болѣе. С. С., не имѣя въ началѣ слѣдствія заключенія врача, менѣе рискуетъ впасть въ ошибки, нежели тогда, когда врачъ, уступая настояніямъ С. С., дастъ опредѣленное заключеніе, которое затѣмъ, съ теченіемъ слѣдствія, приходится измѣнять; этого бы не было, если бы С. С. освидѣтельствовалъ потерпѣвшаго еще разъ, черезъ извѣстный срокъ.

Еще болѣе важно соблюденіе этого правила при вскрытіяхъ труповъ; если врачъ не можетъ тотчасъ же дать свое заключеніе, то слѣдуетъ спросить его, какія ему необходимы дополнительные данныя, кромѣ обнаруженныхъ вскрытіемъ. Повторяю, что совершенно несправедливо лишать судебного врача свѣдѣній, добытыхъ слѣдствіемъ, и требовать заключенія его лишь по даннымъ вскрытія. Врачъ въ данныхъ судебно-медицинскаго вскрытія видитъ лишь *конечный результатъ* и по очень многимъ дѣламъ не видитъ того пути, по которому былъ достигнутъ этотъ результатъ. Число 6 можетъ быть составлено одинаково и изъ 2, и изъ 3: можетъ быть суммой 3 и 3, или суммой 2, взятыхъ три раза. Въ большинствѣ случаевъ самое важное заключается въ томъ, какимъ именно способомъ случилось то и то, а это можетъ быть обнаружено иногда только при помощи врача, ознакомленнаго съ актами слѣдствія. Совершенно напрасны опасенія, что врачъ можетъ быть введенъ этими свѣдѣніями въ заблужденіе: такъ какъ ему извѣстенъ конечный итогъ, то, если бы даже почерпнутыя имъ изъ протоколовъ слѣдствія свѣдѣнія и навели его на ложный путь, этотъ конечный итогъ, въ формѣ данныхъ вскрытія, будетъ для него постояннымъ контролемъ. Кромѣ того, онъ можетъ подмѣтить и обра-

тить вниманіе С. С. на неправильности въ свидѣтельскихъ показаніяхъ. Результатъ освидѣтельствванія и данныя слѣдствія тѣсно связаны, одно дополняетъ другое, и если врачъ знаетъ, что С. С. не станетъ вынуждать его къ предположительнымъ заключеніямъ во что бы то ни стало, то онъ, благодаря знанію обстоятельствъ дѣла, скорѣе придетъ къ какому-нибудь осторожному заключенію и не позволитъ себѣ сдѣлать легкомысленный и поспѣшный выводъ.

Помимо приведенныхъ случаевъ, въ которыхъ врачъ обыкновенно работаетъ вмѣстѣ съ С., я упомяну еще о нѣкоторыхъ, въ которыхъ врачъ можетъ оказывать услуги правосудію, а именно:

в) при консервированіи частей человѣческаго тѣла.

Часто случается, что найденный трупъ человѣка, вслѣдствіе сильной степени разложенія, становится неузнаваемымъ, и опредѣленіе личности его — невозможнымъ при отсутствіи характерныхъ особенностей тѣлосложенія или какихъ-нибудь другихъ примѣтъ умершаго. Между тѣмъ, установленіе личности его при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ быть весьма важно. Предположимъ, что дѣло идетъ объ установленіи тождества личности найденнаго трупа съ тѣмъ человѣкомъ, котораго двѣ недѣли назадъ свидѣтели видѣли въ одной гостинницѣ; съ нимъ никто не былъ знакомъ; но свидѣтели могли бы узнать его по чертамъ лица. Въ этомъ случаѣ, если они не помнятъ его одежды, часовъ, кошелька съ деньгами, и если имъ — весьма естественно — неизвѣстны его особыя примѣты въ видѣ рубца на бедрѣ или что-нибудь подобное, то единственнымъ средствомъ для опознанія трупа остаются черты его лица. Если же вслѣдствіе разложенія черты лица стали неузнаваемы, то слѣдуетъ предложить врачу примѣнить въ этомъ случаѣ такъ называемые «регенерационные приемы», рекомендованные проф. ф. Гофманомъ.

Въ своемъ «Lehrbuch der gerichtlichen Medicin» (гл. 4, стр. 848), Гофманъ пишетъ: «голова трупа отрѣзывается, мозгъ вынимается, въ затылочной и боковыхъ частяхъ головы дѣлается нѣсколько глубокихъ надрѣзовъ, затѣмъ голова погружается въ чистую проточную воду. Спустя 12 часовъ, зеленый цвѣтъ лица почти исчезаетъ или блѣднѣетъ, а также значительно уменьшается эмфизематозное вздутіе покрововъ, затѣмъ черепная крышка накладывается на мѣсто, черепная кожа зашивается, и вся голова кладется въ крѣпкій спиртный растворъ сулемы. По прошествіи слѣдующихъ 12 часовъ, зе-

леная окраска и гнилостная эмфизема совершенно исчезаютъ, такъ что лицо принимаетъ нормальный видъ, какой наблюдается на бальзамированныхъ свѣжихъ трупахъ. Съ одинаковымъ успѣхомъ можно, вмѣсто сулемы, употреблять и хлористый цинкъ. Само собою разумѣется, возможность возстановленія естественной наружности имѣть свои предѣлы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда волосы облѣзли и кожа лица начала подвергаться разрушенію, тогда о возстановленіи нечего и думать.

По моему мнѣнію, описанные приемы тѣмъ болѣе цѣнны, что въ этихъ случаяхъ голова можетъ быть сохранена до судебного разбирательства для предьявленія ея свидѣтелямъ. — Я подробно изложилъ эти приемы потому, что возвращеніе лицу первоначальнаго вида часто оказывается необходимымъ, между тѣмъ, немногіе изъ провинціальныхъ врачей знаютъ объ этомъ способѣ. Считаю нужнымъ при этомъ обратить вниманіе на два обстоятельства. Если эта мѣра примѣняется въ той мѣстности, гдѣ нѣтъ водопроводовъ съ постоянной свѣжей водой,—а въ большинствѣ случаевъ ихъ не имѣется,—то остается только одинъ способъ: выдержать голову въ теченіи указаннаго срока въ какомъ-нибудь ручьѣ или рѣкѣ (чтобы только не было вреда отъ загрязненія воды), и при этомъ принять мѣры къ тому, чтобы устранить доступъ къ головѣ всякимъ воднымъ животнымъ (рыбамъ, ракамъ и пр.). Иначе они могутъ въ теченіе *одной* ночи объѣсть большую часть кожи на лицѣ, и весь трудъ, конечно, будетъ напрасенъ. Поэтому, я совѣтую помѣщать голову въ ящикъ соотвѣтствующей величины, въ боковыхъ стѣнкахъ котораго сдѣлать нѣсколько большихъ отверстій и затянуть ихъ простымъ холстомъ или еще лучше плетенкой отъ тонкаго рѣшета,—такъ, чтобы вода протекала свободно, но чтобы не было доступа самымъ миниатюрнымъ водянымъ животнымъ.

Затѣмъ, необходимое количество сулемы или хлористаго цинка въ наше время, я думаю, можно достать въ самой глухой мѣстности, тѣмъ болѣе, что эти средства должны быть подъ рукой у каждаго земскаго врача. Во всякомъ случаѣ, къ извѣстному сроку то или другое средство должно быть налицо. Большое значеніе имѣеть для подобныхъ цѣлей и формалинъ, который дѣйствуетъ такъ же, какъ спиртъ, только значительно сильнѣе; примѣненіе его двоякое: для консервированія, или же для дезинфекціи; напр., при вскрытіи сильно разлежившагося трупа можно предварительно уничтожить дурной запахъ.—Также можетъ быть примѣнена получившая привиллегію жидкость Рамберга, которая можетъ дѣйствовать не

только какъ антисептическое и уничтожающее дурной запахъ средство, но и какъ сохраняющее цвѣтъ кожи, и полученные препараты могутъ сохраняться много лѣтъ въ свѣжемъ видѣ,—что, конечно, весьма важно для судебныхъ цѣлей.

Въ той же степени важно бываетъ сохранить осколки костей при разнаго рода тѣлесныхъ поврежденіяхъ. Сохраненіе ихъ иногда бываетъ необходимо и въ тѣхъ случаяхъ, когда потерпѣвшій остается въ живыхъ, и осколки кости (чаще всего черепа и трубчатыхъ костей) были извлечены при подачѣ помощи или получились оперативнымъ путемъ. Обязанность сохраненія такихъ осколковъ всегда должна быть возложена на судебныхъ врачей, такъ какъ рано или поздно осколки эти могутъ послужить серьезной уликой. Наиболее необходимо сохраненіе такихъ осколковъ костей въ случаяхъ причиненія смертельныхъ поврежденій, т. е. по преимуществу при поврежденіяхъ черепа. Въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ безусловно принять мѣры къ сохраненію осколковъ кости,—какъ это и установлено издавна практикой.

Если черепъ мацерировать и препарировать, то несравненно легче производить освидѣтельствованіе кости, нежели когда на немъ имѣются окровавленная кожа и мягкіе покровы. Чистый, обнаженный черепъ можно брать руками, какъ угодно, можно подвергать точнымъ измѣреніямъ, дѣлать опыты примѣрки орудій, которыми поврежденія были причинены и т. п. Затѣмъ черепъ можно подвергнуть новому освидѣтельствуванію всякій разъ по обнаруженіи новыхъ обстоятельствъ, и кромѣ того онъ можетъ служить на судебномъ слѣдствіи превосходнымъ вещественнымъ доказательствомъ.

Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду еще два обстоятельства. Въ университетскихъ городахъ препарированіе костей обыкновенно возлагается на прислугу при анатомическихъ театрахъ. кости при этомъ хранятся всегда въ большомъ количествѣ въ кадкахъ съ водой и затѣмъ въ сушильняхъ. Поэтому С. С. ни подъ какимъ условіемъ не долженъ поручать ей этихъ подготовительныхъ дѣйствій для освидѣтельствованія черепа, въ случаѣ важныхъ на немъ поврежденій, такъ какъ прислуга эта легко можетъ затерять мелкіе осколки, произвести по неосторожности новыя поврежденія кости и даже потерять самый *corpus delicti*. За тождество и цѣлость *corpus delicti* отвѣтственны С. С. и присяжный экспертъ, но ни въ коемъ случаѣ не прислужники клиники. *Corpus delicti* теряетъ всякое право на достовѣрность и свою доказательную силу, разъ оно перешло изъ рукъ С. С. или эксперта въ третьи руки. Поэтому С. С.

долженъ требовать, чтобы всѣ подготовительныя дѣйствія надъ такимъ черепомъ производились или самимъ экспертомъ, или его помощникомъ подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. Затѣмъ отнюдь не должна быть допускаема совмѣстная работа надъ этимъ черепомъ и другими объектами.

Другое замѣчаніе касается способа, какимъ части препарированнаго черепа можно привести въ прежнее состояніе. Для дѣла безусловно превосходно, если всѣ отдѣльныя части раздробленнаго черепа собраны и соединены такъ, что выносятся несомнѣнное убѣжденіе о правильности и цѣльности этого соединенія, и въ то же время получается ясное впечатлѣніе о томъ, какъ, въ какомъ направленіи и какимъ орудіемъ причинено поврежденіе. Я живо помню о томъ сильномъ впечатлѣніи, какое произвелъ судебный врачъ въ судебномъ засѣданіи по одному дѣлу на присяжныхъ засѣдателяхъ, предъявивъ имъ сначала, повидимому, неповрежденный черепъ убитаго, въ дѣйствительности же склеенный тонкой папиросной бумагой, и затѣмъ легкимъ нажатіемъ руки разбивъ его на многочисленныя мелкія части,—на каковыя черепъ былъ раздробленъ смертельнымъ ударомъ. Такой способъ предъявленія разбитаго на части черепа представляется мнѣ самымъ правильнымъ, но не слѣдуетъ при этомъ соединять эти части прочнымъ образомъ. Такъ, мнѣ пришлось видѣть черепъ, раздробленный обухомъ топора на мелкія части и склеенный самымъ лучшимъ клеемъ настолько прочно и тщательно, что нельзя было замѣтить ни слѣдовъ удара, ни направленія трещинъ. Дѣло было непоправимо, такъ какъ клей не распускался даже при продолжительномъ вымачиваніи въ водѣ. Поэтому слѣдуетъ требовать, какъ уже сказано, чтобы части черепа соединялись и склеивались посредствомъ тонкой гуммированной бумаги, подклеенной съ внутренней стороны.

Было бы весьма важно, если бы подтвердились предположенія проф. Гиса о возможности возстановленія на черепѣ человѣческаго лица. Проф. Гисъ (для установленія тождества черепа, приписывавшагося композитору Юганну Себастьяну Баху) сначала произвелъ измѣренія средней толщины тканей частей человѣческаго лица на различныхъ мѣстахъ черепа. Затѣмъ на гипсовый слѣпокъ, снятый съ черепа, приписывавшагося Баху, онъ наложилъ соответственной толщины слой изъ мягкаго гипса, и получившійся обликъ неожиданно оказался схожимъ съ портретомъ композитора. Идея профессора Гиса можетъ быть весьма полезною и для насъ, криминалистовъ, такъ какъ на каждомъ скелетѣ неизвѣстнаго человѣка, най-

денномъ съ признаками насильственной смерти, можно было бы по способу Гиса восстановить лицо настолько, чтобы можно было определить личность убитаго. Не слѣдуетъ, конечно, очень далеко заходить въ этомъ отношеніи, такъ какъ толщина частей лица у разныхъ людей все же весьма неодинакова.—Тѣмъ не менѣе можно надѣяться на успѣхъ въ томъ случаѣ, когда о найденномъ скелетѣ имѣется определенное предположеніе или догадка, что скелетъ принадлежитъ лицу X., и надлежитъ установить, правильно ли это предположеніе. Въ данномъ случаѣ извѣстны возрастъ, полъ и наружный видъ фізіономіи убитаго, и тогда можно приступить къ наложеніямъ гипсовыхъ слоевъ (конечно, долженъ дѣлать это тотъ, кто не знаетъ X). При наличности этихъ данныхъ нетрудно представить себѣ возможность получить такой гипсовый обликъ, который послужилъ бы къ обнаруженію личности. Нѣкоторыя указанія на возрастъ и полъ убитаго могутъ быть добыты впрочемъ и изъ анатомическаго изслѣдованія черепа.

Въ заключеніе слѣдуетъ предостеречь отъ попытокъ обнаружить личность убитаго только на основаніи его одежды и оказавшихся бумагъ, такъ какъ достаточно извѣстно случаевъ, когда для вовлеченія въ заблужденіе на трупъ надѣвали платье и клали бумаги другого лица.—О томъ, какъ слѣдуетъ поступать при подобныхъ изслѣдованіяхъ, о значеніи аномалій въ скелетѣ, въ строеніи зубовъ, о татуировкѣ см. у Гоффмана: «Учебникъ суд. медицины». Рекомендуются всегда, въ важныхъ случаяхъ, голову неизвѣстнаго убитаго отдѣлять и при помощи суд. врача класть для сохраненія въ спиртъ, формалинъ или другую подобную жидкость.

О томъ, какъ вообще слѣдуетъ быть осторожнымъ при обнаруженіи личности убитыхъ, свидѣтельствуютъ многочисленные, извѣстные случаи, въ которыхъ имѣли мѣсто роковыя ошибки (въ любомъ учебникѣ суд. медицины просмотрите напр., главу: о волосахъ).

с) при татуировкѣ.

Важное значеніе для определенія личности имѣютъ также и найденные при освидѣтельствованіи слѣды татуировки и самые знаки этой операціи. Весьма понятно, такіе знаки должны быть осмотрѣны и описаны съ особенною тщательностью. Остановимся сначала на такой татуировкѣ, слѣды которой уже исчезли. Что слѣды татуировки могутъ изгладиться, не подлежитъ сомнѣнію: они изглажи-

ваются съ теченіемъ времени и при томъ очень быстро, если, татуировка была сдѣлана слабо, или если были употреблены растворимыя краски. Кромѣ того они могутъ быть уничтожены искусственнымъ путемъ посредствомъ вытравленія какой-нибудь кислотой, особенно при помощи смазыванія татуировки индиго-сѣрной кислотой (Parent Duchatelet). Своеобразный приемъ предлагаетъ д-ръ Variot («Detatouage» Arch. d'anthr. crim. V. 542), при которомъ остаются только рубцы; даже дву или трехкратное наложеніе салициловой кислоты съ глицериномъ (каждый разъ въ продолженіе одной недѣли) уничтожаетъ слѣды татуировки. Недавно было предложено: сначала на мѣста татуировки накладываются нѣсколько разъ сильные растворы танина, затѣмъ эти мѣста прокалываются иглами, подобно тому, какъ это дѣлается при самой татуировкѣ, и, наконецъ, всѣ эти мѣста кожи покрываютъ крѣпкимъ растворомъ ляписа. Тардье примѣнялъ въ этомъ случаѣ уксусную кислоту съ саломъ, затѣмъ поташъ, окись хлораль-гидрата и, наконецъ, растворъ калия.—Каждый опытъ производился достаточно обстоятельно, и рубцы все же оставались, хотя бы и незначительные. Поэтому, если имѣются основанія для предположенія, что у извѣстнаго лица была татуировка, нынѣ исчезнувшая, то чрезъ судебного врача должно подвергнуть тщательному освидѣтельствованію всѣ тѣ мѣста тѣла, на которыхъ (по какимъ бы то ни было даннымъ) имѣются слѣды таковой, или были ранѣе, или вообще могутъ быть (предплечье, грудь и т. п.). Тамъ, гдѣ татуировка была удалена искусственнымъ путемъ, все-таки остаются слѣды рубчиковъ, замѣтные и для простаго глаза, которые должны быть тщательно описаны по формѣ, величинѣ и т. п. Относительно времени, въ теченіе котораго татуировка исчезаетъ, Касперъ Лиманъ въ своемъ учебникѣ (ч. 2-я, л. 128) утверждаетъ, что (напр. у старыхъ инвалидовъ) спустя 40 и до 54 лѣтъ можно было еще видѣть хорошо сохранившіеся слѣды татуировки. Изъ 36 татуированныхъ у 2-хъ татуировка поблѣднѣла, у 2-хъ она частью сошла, и у 4-хъ исчезла совершенно. Подобное же численное отношеніе наблюдалъ и Н у т и н («Recherches sur les tatouages». Paris 1855 г.), который изъ 3000 инвалидовъ нашелъ слѣды татуировки болѣе, чѣмъ у 6-й части (506). Тардье (Annales d'hygiene. Janvier. 1855) приводитъ еще большій процентъ, такъ какъ всѣ подвергавшіеся его изслѣдованіямъ большею частью употребляли уголь. Изъ веществъ, употребляющихся для татуированія, легче всего исчезаетъ киноварь, затѣмъ порошокъ, чернила, и труднѣе всего сходить уголь (въ видѣ ли порошка, сажи, также тушь).

Если же татуировка исчезла сама по себѣ, то врачъ при помощи хорошаго увеличительнаго стекла въ большей части случаевъ обнаружить рубчики въ видѣ точекъ или штриховъ, происшедшіе вслѣдствіе уколовъ или разрѣзовъ. Иногда эти рубчики такъ хорошо сохраняются, что можно возстановить весь рисунокъ: особенно это удается, если покрыть соотвѣтствующее мѣсто какимъ-нибудь красящимъ веществомъ, напр., чернилами, сажей, масломъ, такъ какъ эти вещества прочнѣе удерживаются на рубчикахъ. нѣсколько возвышающихся надъ кожей, и татуировка явственно окрашивается.

Такимъ же способомъ можно возстановить татуирные знаки и на трупѣ,—что является особенно важнымъ, если татуировка исчезла вслѣдствіе истеченія продолжительнаго времени. Фоллинъ, ф. Меркель, Вирховъ и др. доказали, что красяція вещества никогда не заходятъ за предѣлы ближайшихъ лимфатическихъ железъ, въ этихъ послѣднихъ они остаются и могутъ быть обнаружены даже и въ томъ случаѣ, если знаки на кожѣ совершенно исчезли. Частицы краски сидятъ преимущественно въ периферическихъ частяхъ железъ и бываютъ видны *микроскопически* въ цѣлой железѣ, а еще лучше на поперечномъ ея разрѣзѣ. Онѣ превосходно видны подъ микроскопомъ съ тою особенностью, что частицы киновари, наичаще употребляемой для татуирования, имѣютъ яркій красный цвѣтъ только въ отраженномъ свѣтѣ, въ проходящемъ же представляются черными (по Гофману). Поэтому, въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ требовать отъ врача изслѣдованія именно ближайшихъ железъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что на трупахъ, лежавшихъ въ водѣ или высохшихъ (мумифицированныхъ), татуирные знаки могутъ стать трудно замѣтными, въ первомъ случаѣ соотвѣтственные части тѣла слѣдуетъ вырѣзать и высушить, а въ послѣднемъ случаѣ размочить въ водѣ. По вопросу объ опредѣленіи давности татуировки сказать можно немного. Зарубцеваніе заканчивается послѣ операціи скоро и въ теченіе долгаго времени внѣшній видъ не подвергается существеннымъ измѣненіямъ. Болѣе сильная татуировка или болѣе слабая не отличаются по окрашиванію: свѣжая татуировка при маломъ количествѣ пигмента и давняя у субъекта съ значительнымъ запасомъ пигмента имѣютъ внѣшній видъ почти одинъ и тотъ же; какимъ способомъ производилось татуированіе, впоследствии установить уже невозможно. Только въ единичныхъ случаяхъ можно придти къ опредѣленнымъ заключеніямъ: напр. если у ребенка на спинѣ будетъ сдѣлано по возможности большое

изображеніе круга, то съ возрастомъ ребенка это изображеніе будетъ удлинняться и окажется несоразмѣрнымъ въ частяхъ; также значительно измѣнится кругъ, татуированный у молодого человѣка, ко времени его старости.—Растягиваніе кожи (ростъ ея) совершается вовсе неравномѣрно на тѣлѣ (это лучше всего наблюдается на рубцахъ отъ оспенныхъ прививокъ, которые отъ первоначальнаго своего мѣста часто оказываются далеко въ сторонѣ. Не такъ давно во всѣхъ городахъ Европы показывалась публикѣ молодая американка, все тѣло которой положительно было разрисовано очень изящной татуировкой. Ея татуировка была несомнѣнно подлинная и интересная, но нельзя было повѣрить ея разсказу о томъ, что татуирована она была отцомъ своимъ еще въ дѣтствѣ, именно потому, что рисунокъ нигдѣ не представлялъ удлинненности или несоразмѣрности; а это должно бы было случиться съ ранней татуировкой, по мѣрѣ роста дѣвочки. При слѣдствіи же можетъ иногда имѣть значеніе этотъ моментъ, если дѣло идетъ именно о выясненіи вопроса о времени.

По этому поводу я долженъ остановиться на важномъ значеніи татуировки вообще. Не слѣдуетъ, конечно, заходить такъ далеко, какъ Ломброзо съ 1874 г. и его многочисленные послѣдователи Марро, Лакассанъ, *Batut*, Салилласъ, Драго, Еллисъ, Гровэ, Бергъ, и др., которые татуированіе прямо относятъ къ числу примѣтъ, характеризующихъ только преступника, тѣмъ не менѣе татуированіе всегда имѣетъ то или иное значеніе въ дѣлѣ. Это подтверждается и статистическими изслѣдованіями д-ра Куррелла ¹⁾, который нашелъ слѣды татуировки у 14% изслѣдованныхъ имъ преступниковъ.

Въ общемъ можно сказать, что склонность къ татуированію замѣчается у лицъ, отличающихся энергіей стремленій, при чемъ эта энергія сказывается даже и въ избранной ими профессіи. Такъ по преимуществу татуированіе встрѣчается у солдатъ, матросовъ, мясниковъ, лицъ, занимающихся гонкой плотовъ, рубкой дровъ, кузнецовъ и т. п.; у портнаго же, ткача, слуги такіе знаки встрѣчаются рѣдко. Это объясняется вовсе не тѣмъ, что энергичные люди легче переносятъ боль, неизбѣжную при татуированіи, а главнымъ образомъ особенностью ихъ характера добывать, приобрѣтать что нибудь необычное, не легко дающееся. Значительную роль при этомъ играетъ чувственность: хотя и трудно объяснимый, но несо-

¹⁾ *Naturgeschichte des Verbrechers*, Штутгартъ 1893.

мѣнный фактъ, что натуры сильныя и чувственныя охотно ставятъ на первомъ планѣ свое тѣло и не безъ удовольствія занимаютъ имъ себя и другихъ. Этимъ объясняется, почему среди женскаго пола татуированіе встрѣчается только исключительно у проститутки. Татуированныя женщины также нерѣдки у народовъ малокультурныхъ: напр. въ Босніи среди поселяногъ католичекъ рѣдкая дѣвушка или женщина не имѣетъ татуировки: впрочемъ эта татуировка состоитъ большею частью изъ изображенія креста, болѣе или менѣе изукрашеннаго, на лбу, на груди или на верхней части предплечья.—Весьма интересны наблюденія, сдѣланныя докторомъ Машко (см. цитированное сочиненіе); онъ взялъ на себя трудъ подвергать изслѣдованію всѣхъ солдатъ, которые подвергались лишенію свободы; обнаружилось характерное явленіе, что люди, не имѣвшіе татуировки до ареста, имѣли таковую по выходѣ изъ-подъ ареста, чтѣ, конечно, можно объяснить скукой продолжительнаго заключенія.—Также и Гантеръ разспрашивалъ (въ психіатрической больницѣ) у татуировавшихъ себя о причинѣ, и всѣ безъ исключенія объяснили свою татуировку скукою заключенія и раздражительностью. Если мы при этомъ еще примемъ въ соображеніе, что такое грубое средство украшенія своего тѣла встрѣчается только у людей низшихъ классовъ (по Ломброзо: у народовъ кельтискаго происхожденія), то этимъ исчерпывается все, что можно сказать о татуированіи у преступниковъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ основаніе заключить, что и среди преступниковъ татуировку можно встрѣтить лишь у натуръ энергичныхъ: убійць, разбойниковъ, вооруженныхъ воровъ и т. д., и затѣмъ у лицъ съ сильно развитою чувственностью: занимающихся сводничествомъ, мужеложствомъ, виновныхъ въ растлѣніи, въ изнасилованіи,—и никогда у мошенниковъ, мелкихъ воровъ и т. п. Мы наблюдаемъ также, что простой и порядочный человѣкъ довольствуется обыкновенно несложнымъ рисункомъ: матросъ—изображеніемъ якоря, числомъ года и инициалами, солдатъ—изображеніемъ сабли или пушки, мясникъ — скрещенныхъ топоровъ и т. д.; и притомъ всѣ рисунки — на правой рукѣ съ внутренней стороны. Грубый же и порочной жизни человѣкъ этимъ не удовлетворяется и украшаетъ себя рисунками, относящимися къ его преступному ремеслу, говорящими о мести, или заключающими въ себѣ наглую насмѣшку надъ ожидающимъ его концомъ (напр. рисунокъ висѣлицы, или слова: «le baigne m' attend»). Если такой человѣкъ отличается безстыдствомъ, то это выражается или въ характерѣ изображеній, или въ томъ, на какихъ частяхъ тѣла они

помѣщаются (половые органы, ягодицы). Вполнѣ естественно, что большинство преступниковъ выходятъ изъ людей, отличающихся грубою энергіей и невысокимъ нравственнымъ уровнемъ, вслѣдствіе же этого мы находимъ среди преступниковъ многихъ татуированныхъ. Такимъ образомъ одна и та же причина (невѣжество и грубость нравовъ) порождаетъ два послѣдствія (преступность и татуированіе). Въ этомъ и вся связь между преступленіемъ и татуированіемъ, но для насъ она вовсе не безразлична, и мы обязаны отнестись внимательно ко всякимъ татуирнымъ знакамъ, обнаруженнымъ на тѣлѣ задержаннаго преступника. Что не только преступники и люди, склонные къ преступленіямъ, занимаются татуировкой, — доказываетъ тѣмъ, что, какъ это недавно стало извѣстно, аристократическая молодежь въ Англіи и во главѣ ихъ сынъ наслѣдника престола установили моду татуирования. Разумѣется, они татуировали себя не примитивнымъ способомъ: раскаленной булавкой, иглою, а при помощи специально подготовленныхъ «художниковъ», посредствомъ электрическихъ аппаратовъ. Эти данныя не колеблютъ однако моего мнѣнія о природѣ татуировки: не стоитъ ли это увлеченіе въ связи съ играми въ мячъ и занятіями боксированіемъ?

Въ подтвержденіе древности этого обычая, Карль Блиндъ пытается доказать, что еще древніе германцы соблюдали его, у фракійцевъ же татуировка свидѣтельствовала о дворянскомъ происхожденіи, а въ Нортумберлендѣ, еще въ 787 году послѣдовало воспрещеніе этого «языческаго» обычая. Здѣсь уместно упомянуть и о «Tractatus de superstitionibus» магистра Nicol. v. Jauer (1405 г.), въ которомъ онъ возстаетъ противъ «надкалыванія и разрисовыванія кожи и другихъ запрещенныхъ обычаевъ» ¹⁾.

д) при душевныхъ болѣзняхъ.

Въ какихъ случаяхъ С. С. обязанъ приглашать психіатра для освидѣтельствованія обвиняемаго или важнаго свидѣтеля, вотъ вопросъ, важность котораго до сего времени еще достаточно не оценена. Само собой разумѣется, что слѣдуетъ немедленно свидѣтельствовать лицъ, страдающихъ бѣшенствомъ, ясно выраженной меланхоліей, слабоумныхъ и т. п., какъ дѣлалось еще и сто лѣтъ назадъ. Въ наше же время высокое развитіе медицинскихъ и юри-

¹⁾ С. Ганзена. Quellen und Untersuchungen zur Gesch. Hexenwahnee. Боннъ. 1901.

дическихъ наукъ требуетъ отъ насъ зоркаго вниманія по отношенію и къ тѣмъ душевно-больнымъ, которые не кажутся таковыми для обыкновенныхъ людей, дабы не подверглись уголовной карѣ лица, дѣйствительно больныя, за дѣяніе, совершенное въ припадкѣ душевной болѣзни. Только чрезвычайною заботливостью и строжайшею добросовѣстностью мы можемъ искупить грѣхи постыднаго прошлаго, когда несчастные душевно-больные подвергались часто самымъ суровымъ наказаніямъ за ихъ мнимыя преступленія.

Строгое изслѣдованіе этого труднаго и печальнаго вопроса приводитъ къ убѣжденію, что въ сущности *каждый* обвиняемый, *каждый* свидѣтель, показаніе котораго важно для дѣла и является одинокимъ, должны подлежать освидѣтельствуванію въ состояніи умственныхъ способностей. Только узко-практическія соображенія и недостатокъ времени и денежныхъ средствъ не позволяютъ сдѣлать такое изслѣдованіе обязательнымъ. А разъ это такъ, то наука, совѣсть и чувство гуманности налагаютъ на насъ обязанность, чтобы мы неуклонно, разъ существуетъ малѣйшее сомнѣніе относительно вѣрности обвиняемаго, обращали вниманіе на всѣ обстоятельства, которыя подтверждаютъ это сомнѣніе въ состояніи его умственныхъ способностей, и отнюдь не стѣснялись вновь приглашать психіатровъ, если находимъ поводъ къ сомнѣніямъ тамъ, гдѣ ранѣе эксперты этого не усматривали.

Если юристъ заблуждается въ медицинскихъ вопросахъ, то это не можетъ быть поставлено ему въ вину, и если онъ сто разъ приглашаетъ психіатровъ и напрасно, то это лишь свидѣлствуетъ о его добросовѣстности. Между тѣмъ любой изъ врачей можетъ удостовѣрить, что при рѣшеніи вопроса о нормальномъ состояніи умственныхъ способностей встрѣчаются чрезвычайныя трудности. Всякій честно направленный человѣкъ согласится, что лучше свидѣлствовать въ отношеніи умственныхъ способностей многихъ здоровыхъ, нежели подвергнуть карѣ одного, который вслѣдствіе душевной болѣзни долженъ быть признанъ неотвѣтственнымъ за свой поступокъ. Обращаясь же къ практической сторонѣ вопроса, мы прежде всего приходимъ къ убѣжденію, что и въ этомъ отношеніи С. С., и при томъ въ весьма значительной степени, самъ долженъ быть лицомъ компетентнымъ. По крайней мѣрѣ онъ долженъ быть настолько въ этомъ направленіи освѣдомленнымъ, чтобы, не допуская съ своей стороны грубыхъ ошибокъ, знать, *когда* ему слѣдуетъ обратиться къ психіатру. На его долю выпадаетъ до извѣстной степени первымъ разрѣшить тотъ вопросъ, кото-

рымъ всегда и опредѣляется послѣдующее направленіе дѣла. И разъ С. С. приглашаетъ психіатра, то этимъ онъ снимаетъ съ себя всю отвѣтственность; если же онъ не находитъ нужнымъ обращаться къ нему, то лишь въ рѣдкихъ случаяхъ это приглашеніе исходитъ отъ прокуратуры или суда, и такимъ образомъ вся нравственная отвѣтственность падаетъ на С. С. Чтобы дѣйствовать въ этомъ отношеніи вполне добросовѣстно и въ послѣдующей своей жизни избѣжать мучительныхъ упрековъ совѣсти, С. С. долженъ производить освидѣтельствованія въ состояніи умственныхъ способностей лучше слишкомъ часто, нежели рѣдко. Для того же, чтобы избѣжать излишняго труда и не выходить за предѣлы разумнаго, С. С. необходимо имѣть значительный запасъ специальныхъ знаній. Конечно, это весьма не легко, но вѣдь и вся дѣятельность С. С. вообще не легка, главная же трудность этой службы именно и заключается въ томъ, чтобы неустанно приобрѣтать познанія, въ началѣ чуждыя, по разнообразнымъ отдѣламъ науки и искусства.

Для приобрѣтенія познаній въ данной области существуетъ для С. С. нѣсколько путей. Прежде всего, онъ долженъ изучить нѣсколько учебниковъ по судебной психопатологіи: въ началѣ это очень трудно, но затѣмъ, по истеченіи нѣкотораго времени, изучающій совершенно освоится съ предметомъ, особенно если можно пользоваться услугами специалиста, который въ состояніи указать и руководства и разъяснить встрѣчающіяся затрудненія. Но С. С. не долженъ ограничиваться мертвымъ матеріаломъ; если онъ относится къ своему дѣлу серьезно, то онъ не упуститъ случая прослушать курсъ университетскихъ лекцій о душевныхъ болѣзняхъ. И когда С. С. увидитъ демонстрированными отдѣльные случаи на живыхъ людяхъ и выслушаетъ разъясненія, то онъ будетъ въ состояніи примѣнить съ пользою приобрѣтенныя изъ книгъ познанія и съумѣетъ найти въ дѣйствительности описанныя въ нихъ явленія. Но и самые лучшіе учебники не могутъ дать читателю точнаго представленія о степени развитія и свойствъ той или другой душевной болѣзни. Когда говорятъ: «блуждающій взоръ», «безпорядочная рѣчь», «медленность мышленія» и многое подобное, то не-психіатръ понимаетъ подъ ними или слишкомъ много, или слишкомъ мало, поэтому онъ приметъ обыкновенный смущенный взглядъ, часто наблюдаемый нами у совершенно нормальныхъ людей, именно за этотъ «блуждающій взглядъ», или же, понимая это выраженіе, какъ «страшное вращеніе глазами», сочтетъ нѣкоторыхъ дѣйствительно больныхъ съ «блуждающимъ взглядомъ» за совершенно здо-

ровыхъ людей. Чему именно соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности этотъ терминъ, психіатръ можетъ объяснить только путемъ демонстраціи на живомъ лицѣ, и никакое описаніе этого не замѣнитъ.

Самымъ поучительнымъ въ этомъ отношеніи для С. С. являются его дѣла, по которымъ онъ можетъ самъ наблюдать, какъ врачъ свидѣтельствуетъ больного, можетъ останавливать свое вниманіе на отдѣльныхъ признакахъ и затѣмъ изучать самое заключеніе эксперта. Если С. С. ограничится прочтеніемъ лишь послѣднихъ словъ его заключенія для того, чтобы знать, въ нормальномъ ли состояніи или ненормальномъ изслѣдуемый, то онъ, конечно, ничего новаго не извлечетъ. А между тѣмъ, какъ легко ему учиться именно на этихъ заключеніяхъ! Заключеніе психіатра обнимаетъ весь этотъ случай, всѣ нити котораго у С. С. въ рукахъ; онъ считалъ сначала пациента «здоровымъ», затѣмъ у него возникли первыя сомнѣнія въ немъ, и онъ знаетъ, какъ объяснялъ онъ всѣ эти симптомы душевной болѣзни, проявившіеся въ поступкѣ пациента. И вотъ онъ получаетъ подробно мотивированное заключеніе свѣдущаго лица, въ которомъ все имъ подмѣченное, какъ профаномъ, научно обосновано и разъяснено, и всѣ его взгляды исправлены. Если же тѣ или другія обстоятельства окажутся неясными или сомнительными, то онъ всегда имѣетъ возможность получить отъ эксперта разъясненіе и наставленіе, и такимъ образомъ послѣ нѣкотораго въ этомъ смыслѣ опыта онъ уже будетъ знать, какъ вообще слѣдуетъ поступать въ подобныхъ случаяхъ. Но, конечно, для этого онъ долженъ самымъ точнымъ образомъ изучать больного, тщательно продумать заключеніе экспертовъ, спрашивать у нихъ разъясненія и знакомиться съ литературой предмета.

Въ основаніе всѣхъ подобныхъ занятій должно быть положено сочиненіе профессора ф. Крафтъ - Эбинга: «Grundzüge der Criminal-Psychologie für Juristen»: каждый С. С. долженъ знать эту книгу наизусть ранѣе, чѣмъ приступить къ своей отвѣтственной дѣятельности.

Выдающіеся авторитеты предприняли задачу помочь С. С. въ разрѣшеніи вопроса, когда именно онъ долженъ обращаться къ психіатру, и перечисляютъ тѣ отличительные признаки, по которымъ неспециалистъ можетъ съ полнымъ основаніемъ предположить о ненормальности умственныхъ способностей извѣстнаго лица. Такъ, по Касперу-Лиману С. С. долженъ обращаться къ психіатру всегда, когда имѣетъ передъ собой: 1) наследственное предрасположеніе, т. е. если С. С. стало извѣстно, что родители или иные родствен-

ники (въ числѣ ихъ и дѣти) страдали душевнымъ разстройствомъ, 2) поврежденія, касающіяся мозга (поврежденія головы, тяжкія болѣзни, сопровождающіяся мозговыми страданіями и т. д.), 3) неврозы (эпилепсія, ипохондрія, истерія и др.), 4) алкоголизмъ, 5) нѣкоторыя болѣзни (головныя боли, бессонница, головокруженіе, судороги, параличъ, треморъ), 6) галлюцинаціи, 7) нелѣпыя или такъ называемыя бредовыя идеи, 8) особенная ограниченность умственныхъ способностей, 9) характерная періодичность извѣстныхъ явленій, 10) своеобразная манера держать себя и 11) странная манера письма и почеркъ.

ф. Крафтъ-Эбингъ прежде всего обращаетъ вниманіе на тѣ признаки, которые могутъ повести къ ошибочному заключенію о нормальномъ состояніи умственныхъ способностей, а именно: 1) поступки умалишеннаго могутъ имѣть такой же мотивъ, какъ и дѣйствія нормальнаго человѣка, 2) вопросъ о томъ, является ли поступокъ совершенно изолированнымъ въ жизни извѣстнаго лица, самъ по себѣ не имѣетъ практическаго значенія, 3) обдуманность, хитрость, разсчитанность дѣйствій наблюдаются и у душевно-больныхъ, 4) въ той же степени и сознаніе о наказуемости дѣянія и о своей виновности, 5) раскаяніе въ совершенномъ преступленіи, 6) повидимому «вполнѣ разумная рѣчь», и 7) даже и у безумныхъ наблюдается методичность и присутствіе логики. Затѣмъ Крафтъ-Эбингъ отмѣчаетъ все, что можетъ имѣть значеніе при обсужденіи вопроса о состояніи умственныхъ способностей, а именно: прежнія дѣла о томъ же лицѣ, протоколъ первоначальнаго дознанія, всѣ документы о личности, оцѣненіе, знаніе о случившемся или совершенномъ, способъ совершенія дѣянія, побочныя обстоятельства, не стоящія въ непосредственной связи съ самимъ дѣяніемъ и его цѣлью, напр. излишняя жестокость, безцѣльное разрушеніе и т. п. Наконецъ, въ случаѣ явки съ повинной лица, отличающагося замкнутостью и меланхолическимъ настроеніемъ, слѣдуетъ со всевозможною тщательностью установить событіе преступленія, такъ какъ возможны при этомъ и ложныя самообвиненія.

Свидѣтельствовать о душевномъ разстройствѣ могутъ также и преступленія, совершаемыя противъ близкихъ родныхъ, друзей, главы государства и т. п. безъ всякаго (видимаго) основанія, — преступленія, когда виновный старается изобразить свое дѣяніе въ самомъ дурномъ свѣтѣ, или когда проявляетъ полное равнодушіе къ происшествіямъ, для него безразличнымъ, или становится чрезмерно раздраженнымъ, обидчивымъ и вспыльчивымъ, слишкомъ

болтливымъ или молчаливымъ, или когда упорно не желаетъ знать ничего о своемъ поступкѣ. По отношенію къ такимъ случаямъ не слѣдуетъ забывать, что, напр., при скоропреходящихъ разстройствахъ сознанія могутъ быть мгновенныя пробужденія сознанія, сопровождающіяся вполне разумною рѣчью.

Обстоятельствами, навлегающими подозрѣніе, могутъ быть еще: рѣзкое, необъяснимое измѣненіе образа мыслей и характера въ связи съ совершеннымъ равнодушіемъ къ тѣмъ или другимъ жизненнымъ отношеніямъ, ранѣе высоко цѣнимымъ (профессія, общественное положеніе, семейство), гнѣвное настроеніе духа, внезапное пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, стремленіе къ бродяжничеству, къ половымъ излишествамъ, ухудшеніе памяти, скорое утомленіе при умственной работѣ, утрата нравственнаго и правового чувства, пренебреженіе обычными занятіями, непріязненное, недовѣрчивое и раздражительное отношеніе къ людямъ, ревность, жалобы на клевету и преслѣдованія, угрожающія жизни, жалобы на физическія, преимущественно нервныя страданія, ощущеніе страха, безпокойства, головныя боли, бессонница, боязнь сойти съ ума, состояніе тоски, состояніе раздраженія или волненія, отвращеніе къ жизни и покушеніе на самоубійство, жалобы на навязчивыя и странныя идеи, чрезмѣрная, ранѣе не замѣчавшаяся религіозность, высказываемыя опасенія чего-то ужаснаго и нелѣпыя указанія признаковъ приближающагося несчастья, предостереженія или угрозы по адресу окружающихъ, попытки устранить отъ себя всѣ возможные орудія для совершенія того или другого преступленія. Затѣмъ Крафтъ-Эбингъ считаетъ необходимымъ изслѣдованіе слѣдующихъ обстоятельствъ: были ли ранѣе тяжелыя мозговыя, нервныя и душевныя заболѣванія, покушеніе на самоубійство, пьянство, выдающаяся безнравственность и склонность къ преступленіямъ въ семьѣ обвиняемаго, — не включаетъ ли въ себѣ **предрасположенія** къ тому или другому преступленію **возрастъ обвиняемаго**, такъ, напр., **начальный періодъ старческаго возраста** къ преступленіямъ противъ нравственности, къ клеветѣ, **періодъ развивающейся возмужалости** — къ воображаемымъ преступленіямъ, или состояніе субъекта: беременность, менструація, климактерическій періодъ, и не совершалъ ли онъ въ эти періоды какихъ-нибудь поступковъ, несвойственныхъ въ обычномъ состояніи (напр. нѣкоторыя женщины во время менструаціи).

Съ своей стороны я нахожу необходимымъ остановить вниманіе на «своеобразномъ почеркѣ и манерѣ письма», о чемъ упоми-

наеть Касперъ-Лиманъ ¹⁾). Это «своеобразное письмо» душевнобольныхъ имѣетъ для С. С. совершенно особое значеніе, такъ какъ это обстоятельство онъ можетъ подмѣтить скорѣе, нежели психіатръ. и во всякомъ случаѣ легче обнаружить душевное расстройство по способу письма, нежели разгадать это по выраженію лица обвиняемаго. С. С. такъ много приходится читать рукописей совершенно здоровыхъ лицъ, что въ этомъ отношеніи онъ располагаетъ большимъ опытомъ и скорѣе, чѣмъ кто-либо, можетъ подмѣтить уклоненіе отъ нормы. Независимо отъ этого, вниманіе ко всякому письму подозрительнаго характера для С. С. весьма необходимо еще и потому, что этимъ онъ можетъ избѣгнуть иногда прямо неудобнаго для себя положенія.

Душевнобольные пзвѣстныхъ категорій охотно занимаются писаніемъ, особенно тогда, когда они удаляются отъ людей, такъ какъ письмами и заявленіями они замѣняютъ личныя сношенія. Кромѣ того лица, страдающія бредомъ преслѣдованія, часто обращаются къ заступничеству суда, и каждому изъ насъ знакомы такіе «судяжные помѣшанные», которые время отъ времени наводятъ справки о своемъ дѣлѣ, наслѣдствѣ, имуществѣ и пр. И напротивъ, есть люди, которые ни за что не обратятся въ судъ изъ боязни, что ихъ заключатъ въ тюрьму, обманутъ или убьютъ. Вотъ эти послѣдніе и прибѣгаютъ къ письменнымъ сношеніямъ, и заявленія ихъ о мнимыхъ, никогда не существовавшихъ преступленіяхъ поступаютъ къ С. С. и нерѣдко вводятъ его въ заблужденіе своимъ, по видимому, разумнымъ содержаніемъ, вынуждая иногда къ принятію мѣръ, стѣснительныхъ для другихъ.

Въ случаѣ заявленій подобнаго рода, если требуются слѣшныя распоряженія, не всегда имѣется возможность пригласить психіатра для осмотра почерка заявленія, и поэтому приходится самому С. С. выработать нѣкоторую зоркость по отношенію къ такимъ письменнымъ заявленіямъ. Въ любомъ присутственномъ мѣстѣ можно найти такія заявленія, и начинающему С. С. полезно просматривать ихъ съ вниманіемъ и стараться при этомъ подмѣтить характерныя ихъ признаки. Въ чемъ заключаются отличительныя признаки и особенности такихъ рукописей, сказать невозможно: они угадываются инстинктивно. Можно лишь дать нѣкоторыя указанія: такъ, прежде

¹⁾ Почеркъ письма также служитъ хорошимъ средствомъ для изобличенія людей, симулирующихъ тупоуміе. Ср. Макса Симона: „de l'expertise mentale“. Лионъ. 1885 г.

всего такія заявленія отличаются обширностью и тѣмъ, что содержаніе ихъ вращается всегда около одной и той же мысли. По преимуществу они наполнены всяческими преувеличеніями, такъ что невѣроятность жалобы бросается въ глаза (напр. заявитель лежитъ гдѣ-то съ раздробленнымъ черепомъ, или содержится въ заключеніи уже нѣсколько мѣсяцевъ и получаетъ каждый день только по кусочку хлѣба и т. п.). Слогъ этихъ заявленій иногда запутанъ, непонятенъ, или высокопаренъ, иногда состоитъ изъ отрывочныхъ короткихъ фразъ, но никогда не бываетъ естественнымъ.

Самымъ характернымъ является то обстоятельство, что такой душевнобольной, одержимый маніей писанія, употребляетъ слова, имъ самымъ образованныя, часто довольно сложныя. Я заимствую для примѣра слова изъ рукописей, полученныхъ мною и принадлежащихъ несомнѣнно душевнобольнымъ; «несчастіе постояннаго пребыванія подъ наблюденіемъ» (*Fortwährende Beobachtetwerdens-Fatalität*), «я прошу о слѣдственной любезности» (*ich bitte um Untersuchungs-Gefälligkeit*), «эти постоянныя нагроможденія грубостей» (*diese fortwährenden Grobheitsaufthürmungen*), «судья принялъ фizioномію, единомысленную съ моими врагами» (*der Richter hat mit schon meinen Feinden ein Einverständnis*) и т. п. Конечно, такія изъ ряда вонъ выходящія словообразованія не встрѣчаются постоянно, но подобное необычное сочетаніе словъ С. С. можетъ найти въ любомъ заявленіи душевнобольного, и оно должно внушать ему о необходимости быть осторожнымъ.

Тѣмъ не менѣе, далеко не все, что говорятъ и пишутъ душевнобольные, представляется неправдой, и каждое заявленіе, даже за вѣдомо безумнаго, должно быть провѣрено. Слишкомъ часто бываетъ, что люди злоупотребляютъ слабоуміемъ другихъ въ своихъ интересахъ въ томъ предположеніи, что «дураку вѣры нѣтъ». Но если бы это было такъ, то несчастные были бы дѣйствительно брошены на произволъ дурныхъ и злонамѣренныхъ людей, въ особенности когда эти люди убѣдились, что неоднократныя жалобы душевнобольныхъ не имѣютъ успѣха. Поэтому С. С. безусловно обязанъ каждое подобное заявленіе провѣрять, не заключаетъ ли оно въ себѣ хотя бы доли истины, не взирая на то, что подобныя заявленія ранѣе оказывались вымышленными... Я припоминаю случай, когда одинъ душевнобольной старикъ крестьянинъ подавалъ въ судъ безсмысленныя жалобы, въ которыхъ онъ утверждалъ, что «его враги» устраиваютъ ему передъ домомъ или на пути западни, замаскированныя ямы и разныя загражденія, въ которыхъ

онъ можетъ погибнуть или получить поврежденіа. Многія изъ этихъ жалобъ снабжены были хорошо сдѣланными рисунками устроенныхъ ему препятствій. Эти жалобы стали извѣстны въ населеніи, и однажды какіе-то парни рѣшились произвести надъ нимъ грубую шутку, устроили передъ домомъ его дѣйствительно замаскированную яму, наполнивъ ее навозной жижей. Бѣднякъ попалъ въ эту яму и едва въ ней не утонулъ. Описывая это приключеніе, какъ оно было въ дѣйствительности,—онъ представлялъ весь случай вовсе не столь серьезнымъ, какимъ онъ оказался въ дѣйствительности при произведенномъ разслѣдованіи.

Переходя отъ общаго къ частностямъ, укажу на тѣ обстоятельства, на которыя С. С. долженъ обращать свое вниманіе:

1. Нерѣдко бываетъ, что душевнобольные попадаютъ въ положеніе свидѣтелей, и устранять ихъ отъ свидѣтельства никогда не слѣдуетъ: нерѣдко они могутъ оказать дѣлу серьезныя услуги. Неоднократно убѣждались въ томъ ¹⁾, что душевнобольные, особенно нѣкоторыя ихъ категоріи, бываютъ весьма наблюдательны и, свободные отъ разныхъ побочныхъ вліяній, скорѣе въ состояніи сказать иной разъ правду, нежели здоровые; они часто имѣютъ возможность видѣть что-либо еще и потому, что отъ нихъ, какъ «безумныхъ», не скрываютъ того, что обыкновенно тщательно хоронится отъ посторонняго глаза. Само собой разумѣется, что дачѣ показанія душевнобольнымъ должно предшествовать особенно внимательное освидѣтельствованіе его умственнаго состоянія.

2. Достаточно извѣстно, что въ состояніи лихорадочнаго бреда человѣкъ способенъ на всевозможные поступки. Для насъ имѣютъ важное значеніе тѣ поступки, которые совершаются во время припадковъ перемежающейся лихорадки. Въ этомъ случаѣ легко возможны ошибки, потому что больной въ обыкновенное время вполне нормаленъ и совершаетъ тѣ или другія дѣйствія во время припадковъ, продолжающихся иногда очень короткій промежутокъ времени.—за каковыя дѣйствія онъ, конечно, неответствененъ. Такимъ образомъ въ этихъ случаяхъ, если С. С. убѣждается, что обвиняемый страдаетъ приступами лихорадки, должно приглашать судебного врача.

3. Крафтъ-Эбингъ указываетъ и на то, что нерѣдко глубокія, яркія сновидѣнія оставляютъ столь сильное впечатлѣніе на

¹⁾ Крафтъ-Эбингъ. „Die zweifelhaften Geisteszustände vor dem Civilrichter“ Эрлангенъ 1868 г.

нѣкоторыхъ, что и проснувшись они продолжаютъ принимать дѣйствительность за продолженіе сна. Въ этомъ лежитъ причина многихъ несправедливыхъ заявленій и, быть можетъ, даже клятвopреступленій. Такія сновидѣнія замѣчаются особенно у предрасположенныхъ къ эпилепсiи ¹⁾.

4. Нерѣдко преступленія совершаются въ состояніи *просонковъ* (см. указанное сочиненіе Крафтъ-Эбинга, въ которомъ приведены соотвѣтствующая литература и случаи). Нападенія со стороны находящихся въ такомъ состояніи направляются по преимуществу на близъ лежащіе предметы, въ особенности на внезапно подошедшихъ людей, при этомъ они часто обнаруживаютъ силы, несвойственныя имъ въ бодрственномъ состояніи. Такія явленія замѣчаются большею частью у молодыхъ людей непосредственно по пробужденіи отъ глубокаго сна и обыкновенно въ томъ случаѣ, если сонъ наступилъ послѣ сильнаго напряженія душевнаго и физическаго. Воспоминанія о такихъ поступкахъ или совершенно отсутствуютъ, или сохраняются лишь весьма смутно: предшествуютъ этому обыкновенно сильный стонъ и хрипѣніе.

5. Какъ удовлетвореніе извѣстнымъ физическимъ потребностямъ: пить, ѣсть, спать, курить и т. д. совершается изъ подражанія, такъ и поступки душевнобольныхъ могутъ вызывать у совершенно нормальныхъ людей стремленіе подражать имъ. Въ особенно сильной степени это выражается въ переходѣ эпилептическихъ и истерическихъ припадковъ съ дѣйствительно одержимыхъ ими на здоровыхъ (при предрасположеніи) людей и въ эпидемическихъ психозахъ, которые особенно часто наблюдались въ прежнее время ²⁾. Но также вполне возможно подражаніе и какому-нибудь поступку душевнобольнаго, особенно со стороны молодыхъ людей, продолжительное время находившихся въ общеніи съ этимъ душевнобольнымъ ³⁾.

6. Бываетъ, что обвиняемый совершаетъ какое нибудь тяжкое

¹⁾ То же наблюдается у дѣтей и у людей, близкихъ къ приору (Вундта: Grundzüge der physiologischen Psychologie); интересные случаи въ этомъ родѣ рассказываетъ Варнгагенъ ф. Эвзе изъ жизни философа и врача Бенжамена Эргарта.

²⁾ Г. Тарда. Les lois de l'imitation. Парижъ 1890 г. Реньяра. Les maladies épidémiques de l'esprit. Парижъ 1887. В. Вехтерева. „Внушеніе и его социальное значеніе“. Левенстима. „Фанатизмъ, какъ источникъ преступленій“ въ цитир. Архивъ Г. Гросса. С. Сигеле. „Psychologie der Massenverbrechen“. 1897.

³⁾ Г. Гросса. „Criminalpsychologie“. Граць. 1898.

преступленіе для того, чтобы его приговорили къ смертной казни ¹⁾, такъ какъ иначе онъ будто бы никогда не рѣшится наложить на себя руку вслѣдствіе своей трусости. Такого рода явленія наблюдаются у лицъ съ угнетеннымъ расположеніемъ духа, одержимыхъ меланхолическимъ сумасшествіемъ. Въ этихъ случаяхъ безусловно требуется обращеніе къ судебному врачу.

7. Явленія такъ называемаго «нравственнаго помѣшательства», навязчивыя представленія и маніи представляютъ для С. С. такую огромную степень важности, что онъ безусловно долженъ ознакомиться съ ними, какъ можно ближе, и внимательно изучить трудъ Крафтъ-Эбинга: «Beiträge zur Erkennung und richtigen forensen Beurtheilung krankhafter Gemüthszustände» ²⁾. Именно эти категоріи душевнаго расстройства въ такой степени ускользаютъ отъ наблюденія, что несомнѣнно безчисленное количество разъ проходили передъ С. С. незамѣченными. Если С. С. не усмотритъ такихъ, то онъ не приглашаетъ врача, на судѣ же такія душевныя состоянія перѣдко остаются незамѣченными, и въ результатѣ выносятся приговоръ о больномъ, неотвѣтственномъ за свой поступокъ.

8. Имѣетъ значеніе для С. С. и ученіе о дѣйствіяхъ рефлекторныхъ, область которыхъ лежитъ между движеніями рефлекса въ собственномъ смыслѣ и областью полного сознанія; созрѣвая въ сознаніи нисшемъ (неполномъ), дѣйствія эти (напр., совершаемыя по привычкѣ, по аналогіи) получаютъ невѣрное проявленіе.

9. Объективные и точные признаки состоянія опьяненія и степеней его изложены Гудденомъ въ изд. Г. Гроссомъ *Archive f. crim. antr. u. krim.* въ VI т. (стр. 207). О патологическихъ случаяхъ опьяненія сообщаютъ Гайльброннеръ (въ «*Münchener medicin. Wochenschrift*». 1901. № 24 и 25) и Бонгѳеръ (въ сочиненіи его

¹⁾ Дюпра. «Les auto-accusateurs au point de vue medicolégal». *Gazette de med. et chirur.* 1902. № 66.

²⁾ Превосходенъ небольшой сборникъ Г. Маудсли: «*Psychologie und Pathologie der Seele*». Вюрцбургъ. 1870, и д-ра Прихарда. «*a treatise on insanity and other disorders of mind*». О взглядѣ науки на такъ называемыя маніи, хотя уже устарѣвшемъ, но не теряющемъ своего значенія, — см. А. Флехнера: «*Zur Lehre der Pyromanie*». Вѣна. 1871. Еще д-ра Лаэра: «*Die Literatur der Psychiatrie, Neurologie und Psychologie von 1459—1799*». Берлинъ. 1900. О современномъ состояніи этого вопроса и литературу можно найти у Некэ въ «*Grenzfragen des Nerven- und Seelenlebens*». Висбаденъ. 1902. Также въ цитир. Архивѣ Г. Гросса. X, 186. Одинъ характерный случай клептоманіи приведенъ у Цингерле «*Beitrag zur psychologischen Genese sexueller Perversitäten. Jahrb. f. Psychiatrie*. 1900.

«Akute Geisteskrankheiten der Gewonheitstrinker». Iena. 1901). Особеннаго вниманія требуютъ привычныя пьяницы, такъ какъ люди эти наименѣ всего заслуживаютъ довѣрія. Не всякаго алкоголика можно узнать по внѣшнему виду, но его навѣрняка можно отличить по своеобразному, обидчивому, плаксивому способу изложенія и преимущественно по особой склонности къ обвиненію другихъ.

10. О значеніи такъ называемаго «превратнаго полового ощущенія», выражающагося въ склонности и удовлетвореніи полового влеченія съ особами одинаковаго пола, вопросъ долженъ быть приведенъ теперь въ совершенную ясность. Справедливымъ слѣдуетъ признать то положеніе, что въ этомъ половомъ извращеніи надлежитъ видѣть не душевную болѣзнь, не порочность субъекта, а особенность наслѣдственнаго происхожденія. Можно себя представить длинный рядъ поколѣній, въ которыхъ отъ нормальнаго въ половомъ отношеніи предка идутъ поколѣнія съ преобладаніемъ то женственнаго характера, то мужского, каковыя затѣмъ вырождаются въ мужчинъ, чувствующихъ себя относительно лицъ своего пола, какъ женщина, и въ женщинъ, чувствующихъ себя по отношенію подобныхъ себя, какъ мужчина; отсюда ступень къ гермафродитизму. Настолько противоестественъ и отвратителенъ для насъ субъектъ съ подобною половою извращенностью, что мы должны, наконецъ, признать, что наказаніе такового не было бы актомъ правосудія.

11. По вопросу, вызвавшему большія пренія въ литературѣ, объ уменьшенной вмѣняемости см. у Гросса въ «Archive für crim. antrop. und krim. t. VIII, стр. 57, и въ «Berliner klinische Wochenschrift. 1900 г. № 47.

12. О многочисленныхъ и для насъ имѣющихъ серьезное значеніе случаяхъ такъ называемыхъ «сумерекъ сознанія» собранъ матеріалъ у Мörхена («Über Dämmerzustände». Марбургъ, 1901 г.); о признакахъ явныхъ и скрытыхъ эпилептиковъ (ночное недержаніе мочи, частое и необъяснимое кровотеченіе на шеѣ, плечахъ, за ушами и т. д.) см. у цитир. выше Пфистера (почти каждый эпилептикъ лжетъ, дерзокъ, способенъ къ насилію).

13. О мазохизмѣ, садизмѣ и фанатизмѣ можно найти свѣдѣнія въ любомъ курсѣ психіатріи и психопатологіи; сообщимъ здѣсь лишь краткія понятія объ этихъ проявленіяхъ полового извращенія: а) мазохизмъ (пассивизмъ или половое страдальничество) заключается въ сладострастномъ желаніи претерпѣть боль отъ лица, съ которымъ совершается половой актъ. б) Садизмъ (эротическій тиранизмъ или половое насильничество) выражается въ томъ, что

лицо для достиженія сладострастiа причиняетъ боль тому, съ кѣмъ совершается совокупленiе (душить, кусаетъ, колетъ, бьетъ и т. п.); на этой почвѣ нерѣдко происходитъ и убiйство. в) Фетишизмъ (сладострастная обожательность) выражается въ томъ, что у лица сладострастное ощущенiе возбуждается похищаемыми имъ предметами (напр. юбки, башмаки, чулки, передники и т. п.); удовлетворенiе обыкновенно достигается онанистическимъ способомъ. г) Салироманiа выражается въ своеобразномъ стремленii пачкать и уничтожать чужое платье, именно женское; утверждаютъ, что стремленiе это—полового происхожденiа, родъ фетишизма съ примѣскою садизма (А. Мольт. «Ztschrift f. Medizinalbeamte». 1900. № 13).

е) въ случаяхъ гипнотизма.

Въ первомъ изданiи этой книги я писалъ по этому поводу слѣдующее: «Въ заключенiе я долженъ упомянуть о гипнотизмѣ, ученiе о которомъ столь различно излагается специалистами, что обыкновенный смертный не въ состоянii разобраться въ этомъ хаосѣ мнѣнii. Такова судьба всѣхъ тѣхъ проблеммъ, за которыя берутся преждевременно, не выжидая научнаго разъясненiа, люди сомнительнаго образованiа и легкомысленнаго характера, при чемъ трудно опредѣлить, чѣмъ они руководствуются въ своихъ изслѣдованiяхъ: стремленiемъ ли къ истинѣ, или намѣренiями болѣе или менѣе корыстнаго свойства. Вотъ почему мы видимъ, что въ то время, какъ самые компетентные изслѣдователи не допускаютъ сомнѣнiа въ существованii явленiй гипнотизма, другiе ставятъ лишь вопросъ, кто въ этомъ дѣлѣ является обманщикомъ и кто обманутымъ.

«Но если психiатръ можетъ спокойно отдаться изученiю, экспериментамъ и наблюденiямъ, то задача юриста состоитъ въ совершенно иномъ: если гипнотизмъ и его явленiа дѣйствительно существуютъ, то на долю юриста выпадаетъ трудъ, о тяжести котораго мы въ настоящее время не можемъ составить даже и приближительнаго понятiа. Никто не знаетъ, по силамъ ли намъ эта задача и гдѣ путь къ разрѣшенiю ея. При настоящемъ положенii вещей мы, юристы, даже не можемъ придти къ какому-нибудь определенному взгляду за отсутствiемъ достаточныхъ для этого научно обоснованныхъ данныхъ, и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнii, что преждевременное рѣшенiе совершенно невыясненной проблемы принесетъ гораздо болѣе вреда, нежели упорное игнорированiе непонятныхъ новшествъ. Этой послѣдней крайности мы должны б

бѣгнуть и занять наблюдательное, выжидательное положеніе, относясь къ вопросу и изучая его съ крайней внимательностью и въ каждомъ случаѣ прибѣгая къ помощи специалиста. Впрочемъ, отнюдь не будемъ торопиться. Для изученія этого вопроса полезно ознакомиться съ изслѣдованіемъ доктора ф. Диліенталя: «Hypnotismus und Strafrecht».

Во второмъ изданіи книги этой я писалъ такъ:

«Съ того времени вопросъ о гипнотизмѣ получилъ большее разъясненіе, и если кто изъ насъ, юристовъ, возьметъ трудъ ознакомиться съ литературой предмета, тотъ скоро придетъ къ убѣжденію, что для него необходимо изучить этотъ вопросъ самымъ тщательнымъ образомъ. Труды Дэльбрюка, Фореля, Бернгейма, Сюлли, Рибо, Крафтъ-Эбинга, Мореля, Десуара, Ригера, Льежуа, Мюллера, Оберштейнера, Ришэ, Шрэнкъ-Ноцинга, Прейера, Моля, Веттерштранда, Льебо, Бони, Шмидкунца и многихъ другихъ, въ особенности сотрудниковъ «Revue de l'Hypnotisme» и Гроссмана «Zeitschrift für Hypnotismus» способствовали разъясненію вопроса съ научной стороны. Сомнѣваться въ существованіи гипнотизма болѣе невозможно, и мы, юристы, обязаны такъ или иначе съ нимъ считаться. Нѣтъ уже недостатка въ рѣзкихъ упрекахъ по нашему адресу за то, что мы пока обходимъ этотъ вопросъ: такъ Шмидкунцъ ¹⁾ говорить: «профессіональные юристы до такой степени пренебрегли значеніемъ внушенія, что оказалось необходимымъ пополненіе этого пробѣла другими, при чемъ юристы или просто игнорировали этотъ вопросъ, или позволяли себѣ по отношенію къ нему самая неприличныя выходки» (!). Такіе упреки не должны имѣть болѣе мѣста, и если врачами собранъ для насъ матеріалъ солидный и достовѣрный, то и мы поставимъ этотъ вопросъ на разрѣшеніе. Мы стужемъ, конечно, избѣжать вмѣшательства въ *нашу* область.

Форель въ одной небольшой статьѣ своей сказалъ: «гипнотизмъ долженъ, какъ всякая новая истина, послѣдовательно пройти три стадіи: отрицанія, борьбы и признанія». Мнѣ думается, что эта послѣдняя стадія признанія въ свою очередь должна пройти три момента: робкое отношеніе, чрезмѣрно преувеличенное, и наконецъ, моментъ правильной оцѣнки.

По отношенію же къ гипнотизму мнѣ кажется, что мы пере-

¹⁾ „Psychologie der Suggestion“ д-ра Шмидкунца и д-ра Герстера Штутгартъ. 1892 г.

живаемъ теперь послѣднюю стадію признанія въ моментѣ преувеличеннаго пониманія его значенія. Совершенно справедливо пишетъ Форель: «противники гипнотизма, говорившіе вчера: вѣдь это обманъ или самообманъ, и говорящіе сегодня: гипнотизмъ—чрезвычайно опасенъ, съ нимъ слѣдуетъ бороться и искоренить его, быть можетъ завтра скажутъ: это—старая исторія, давно всѣмъ извѣстная». Послѣднее замѣчаніе совершенно справедливо, и, если мы обратимся къ исторіи то, оставивъ въ сторонѣ древнихъ индусовъ, египтянъ и другіе восточные народы, которымъ хорошо были извѣстны явленія гипнотизма, мы найдемъ цѣлый рядъ именъ, воспоминаія о которыхъ въ большей или меньшей степени связаны съ гипнотизмомъ¹⁾. Эскулапъ, Болльштедтъ, Т. Парацельзій, Гельмонтъ, Максвелль, Агриппа ф. Неттесгеймъ, Карданусъ Кампанелла, Джіордано Бруно, Порта, Афанасій Кирхеръ, Антонъ Месмеръ, Брэдъ, Льебо и Бернгеймъ—такъ же, какъ и всѣ новѣйшіе изслѣдователи,—вотъ имена, свидѣтельствующія о давности того ученія, которое нынѣ вновь приобрѣло неожиданное значеніе.

Если мы пожелаемъ теперь выяснитъ себѣ, какое практическое значеніе имѣетъ гипнотизмъ для насъ, юристовъ, то неизбѣжно должны ознакомиться, хотя бы только поверхностно, съ сущностью его, такъ какъ иначе криминалисты будутъ поставлены въ невозможность опредѣлить, когда они имѣютъ предъ собою явленіе гипноза и когда поэтому имъ надлежитъ обратиться къ помощи свидущихъ лицъ.

Согласно съ Максомъ Дессуаромъ²⁾, мы прежде всего должны допустить, что личность человѣка складывается по меньшей мѣрѣ изъ двухъ совершенно раздѣльныхъ сферъ: бодрствующаго сознанія (или «верхняго» сознанія) и сознанія, дѣйствующаго въ насъ во время сна (или «нижняго» сознанія). Сознаніе послѣдняго рода безусловно свойственно человѣку: оно именно дѣйствуетъ въ насъ въ состояніи сна, просонковъ, разсѣянности или сосредоточенности, при чемъ мы дѣлаемъ совсѣмъ иное, нежели думаемъ. Въ сферѣ этого послѣдняго сознанія и происходятъ всѣ явленія гипноза; природу этого сознанія мы и пытаемся познать, такъ какъ въ то же сознаніе входятъ и ранѣе извѣстныя намъ явленія. Ближе всего къ

¹⁾ Объ исторіи гипнотизма ср. д-ра Ганса Шмидкунца. „Der Hypnotismus“. Штутгартъ. 1892 г.

²⁾ „Das Doppel-Ich“. Берлинъ. 1889 г.

гипнотизму стоит сонъ, и если бы мы попробовали себя представить, что въ первый разъ видимъ спящаго человѣка, то это состояніе поразило бы насъ гораздо болѣе, нежели все то, что мы видимъ и слышимъ теперь о гипнотизмѣ. Если состояніе гипноза сопоставить съ состояніемъ сна, то мы, согласно съ Форелемъ ¹⁾, должны опредѣлять его, какъ внушенное состояніе (или состояніе внушаемости—Suggestibilitäts-Zustand). *Внушеніе* же обозначаетъ нѣкоторое динамическое измѣненіе въ нервной системѣ, происшедшее вслѣдствіе вызваннаго волею другого лица представленія о томъ, что это измѣненіе совершается или уже совершилось. Самовнушеніе же есть внушеніе, произведенное лицомъ надъ самимъ собой.

Мы различаемъ какъ силы (Movens):

1) нѣкоторый сверхъестественный двигатель (Agens)—въ области явленій магнетизма, месмеризма, телепатіи, предчувствій, видѣній и т. п.;

2) внушеніе—терминъ, формулированный Бредомъ въ 1843 г. и Льебо въ 1866 г.;

3) всѣ соматическія теоріи, трактующія о периферическомъ раздраженіи нервовъ (фиксация взгляда, поглаживаніе лба и т. п.).

Съ научной точки зрѣнія можетъ быть признано состоятельнымъ лишь ученіе о внушеніи, такъ какъ, строго говоря, научно установленъ только одинъ способъ ²⁾ гипнотизаціи, а именно: посредствомъ внушенія извѣстныхъ представленій.

Излагать техническіе приемы гипнотизаціи я нахожу излишнимъ; кто сочтетъ себя вправѣ примѣнять въ своей дѣятельности это безспорно опасное средство, тотъ найдетъ указанія въ любомъ руководствѣ ³⁾ о гипнотизмѣ. Лучше же всего предоставить всѣ такіе опыты врачу.

Мы различаемъ три степени гипноза:

1) легкая сонливость, при которой субъектъ еще можетъ открывать глаза;

2) слабый сонъ, при которомъ обнаруживается неполное подчиненіе волѣ гипнотизатора;

и 3) глубокій сонъ, сомнамбулизмъ ⁴⁾, вмѣстѣ съ совершен-

¹⁾ „Der Hypnotismus“. Штутгартъ. 1893 г.

²⁾ I. Бернгейма: „Die Suggestion und ihre Heilwirkung“ на нѣм. перевод. Сиг. Фреундомъ. Лейпцигъ и Вѣна.

³⁾ Напр. д-ра Ф. Мюллера: „Hypnotismus und Suggestion“, Вѣна: д-ра Оберштейнера: „Lehre vom Hypnotismus“, Вѣна и Лейпцигъ. 1893 г.

⁴⁾ Ср. Лепинъ: „Sur un cas particulier de somnambulisme. Arch. d'anthrop. crim. X т. 5.

нымъ отсутствіемъ воспоминаній о случившемся въ гипнозѣ послѣ пробужденія.

Мюллеръ раздѣляетъ третью степень гипноза на глубокій сонъ съ послѣгипнотическими галлюцинаціями и глубокій сонъ безъ таковыхъ. Эти послѣднія заключаются въ томъ, что гипнотизированный и послѣ пробужденія остается подъ вліяніемъ того, что было ему внушено во время гипноза.

Затѣмъ мы можемъ различать еще (Бернгеймъ, Льежуа, Оберштейнеръ и др.):

мысленное внушеніе, при которомъ мысли одного лица могутъ исключительно руководить мыслями другого. Уже Перонэ ¹⁾ рассказываетъ, что онъ однажды заставилъ одно лицо играть на роялѣ, пока мысленно не внушилъ ему прекратить игру; онъ становился будто бы за спиной играющаго и энергически начиналъ думать, что вотъ теперь игрокъ *долженъ* прекратить игру, и дѣйствительно тотъ внезапно будто бы останавливался играть (!);

ретроактивныя галлюцинаціи, при которыхъ внушается лицу о существованіи фактовъ, въ дѣйствительности не бывшихъ;

отрицательныя галлюцинаціи, при которыхъ внушается лицу, что не существуетъ тѣхъ или другихъ реальныхъ предметовъ или совершающихся дѣйствій (напр. можно внушить, что кого-либо изъ присутствующихъ нѣтъ въ комнатѣ, и субъектъ по пробужденіи не будетъ его видѣть).

По вопросу о томъ, до какой степени подвержены люди гипнотизаціи, мнѣнія расходятся. По Форелю, почти всякій здоровый въ умственномъ отношеніи человекъ можетъ быть загипнотизированъ, если только не будетъ съ его стороны самовнушенія о нежеланіи или о невозможности усыпленія его. Оберштейнеръ утверждаетъ, что одна треть людей совершенно не поддается гипнозу, другая—въ ограниченной степени, а послѣдняя весьма легко впадаетъ въ гипнозъ. Льебо и Бернгеймъ подвергали гипнозу не одну тысячу, изъ которыхъ только очень немногіе оказывали сопротивленіе. Веттерштрандъ нашелъ таковыхъ изъ 3148 только 97, Рентергемъ и Еден—19 изъ 414. Вообще можно сказать, что 80%—96% людей воспримчивы къ гипнозу. Эти процентныя отношенія не прижънымы къ душевнобольнымъ, которые въ общемъ гораздо труднѣе поддаются гипнозу.

¹⁾ „Du magnetisme animal“. Парижъ. 1884 г.

Вліяніє гипноза достаточнo опредѣлено научнымъ путемъ. Ф о р е л ь говорить: «при помощи внушенія въ состояніи гипноза можно зывать, воздѣйствовать и устранять всѣ извѣстныя намъ явленія шевной жизни человѣка и большую часть объективно познаваемыхъ функцій нервной системы. Только одиѣ функціи мозговыхъ и рефлексы спинного мозга, равно и соотвѣтствующіе имъ флексы продолговатаго мозга не поддаются гипнозу, но за то ушенія оказываютъ свое дѣйствіе даже на такъ называемыя соитическія функціи, на пицевареніе, выдѣленіе пота, менструацію даже иногда, но рѣдко, способны вызывать кровоточивые знаки (igmata).

Послѣгипнотическое вліяніе гипноза, т. е. безсознательное полненіе внушеннаго въ состояніи усыпленія, достигается не уѣхъ. Оно продолжается отъ нѣсколькихъ минутъ до нѣсколькихъ дней, но Л ь е ж у а ¹⁾ упоминаетъ объ одномъ случаѣ, когда дѣйствіе внушенія продолжалось цѣлый годъ. По выраженію Мюллера, «гипнотизированный субъектъ по отношенію къ гипнотизатору находится въ состояніи самой полной психико-чувственной готовности, или иначе въ состояніи абсолютной подчиненности».

Людамъ, находящимся въ состояніи гипноза, можно внушить, что они не умѣютъ говорить (Ф о р е л ь), что они — другого пола, или иного возраста, или что они—животныя (К р а ф т ь-Э б и н г ь), чувства и память становятся изощреннѣе (О б е р ш т е й н е р ь). Напр., загипнотизированный по запаху предмета узнаетъ его собственника; служанка одного священника оказалась въ состояніи цитировать цѣлыя фразы на латинскомъ и еврейскомъ языкахъ,— на что она была неспособна въ бодрственномъ состояніи; одна престарѣлая дама превращалась въ простую бабу (по обращенію и разговору), затѣмъ въ генерала, въ малютку и въ молодого человека поочереди (Р и ш э). Когда гипнотизированному дѣлаются опредѣленныя внушенія, то они имѣютъ характеръ принужденія, т. е. онъ долженъ сдѣлать то или другое и при томъ съ сознаниемъ, что къ этому его вынуждаютъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ будто бы и чувствуетъ власть надъ собою гипнотизатора, но если ему будетъ внушено, что подлежащее исполненію есть дѣло его свободной воли, то онъ такъ и думаетъ. Если это такъ, то гипнозъ дѣйствительно есть дѣло опасное.

¹⁾ „Revue de l'Hypnotisme“, т. 1, стр. 148.

Теперь мы въ состояніи себѣ представить, какое значеніе можетъ имѣть гипнотизмъ въ уголовной сферѣ. «Одно изъ двухъ, говоритъ Ригеръ ¹⁾, или этотъ вопросъ о гипнотизмѣ не долженъ имѣть значенія въ уголовномъ правѣ, какъ относящійся до явленій, давно практиковавшихся и извѣстныхъ, и съ уголовной точки зрѣнія ненаказуемыхъ, или же онъ впервые теперь получаетъ новое значеніе, ибо со времени изданія нашихъ кодексовъ появилось нѣчто новое и грозное для правового порядка». Самое правильное—избрать средину между этими двумя крайностями, такъ какъ, хотя и несомнѣнно, что давно уже знали о гипнотизмѣ и о возможности преступнаго пользованія имъ, но лишь теперь впервые стали примѣнять его соотвѣтственно истинному и важному его значенію. О томъ, что и прежде знали о гипнотизмѣ, только подъ другимъ именемъ, свидѣтельствуетъ Дэльбрюкъ, передавая рассказъ Готфрида Келлера подъ заглавіемъ: «Юношество Генриха», въ которомъ 7-милѣтній мальчикъ побуждаетъ нѣсколькихъ мальчиковъ болѣе старшаго возраста именно посредствомъ внушенія къ чему-то постыдному.

Если мы пожелаемъ ближе ознакомиться съ болѣе сложными явленіями гипнотизма, то должны уяснить себѣ то, что добыто и установлено современными изслѣдователями.

Если, напр., въ настоящее время при помощи гипноза совершаютъ безболѣзненные операціи и разрѣшенія отъ бремени ²⁾, то вполне допустимо, что въ этомъ состояніи надъ загипнотизированными могутъ быть совершены и различныя безнравственныя дѣйствія и причинены имъ тяжкія поврежденія. Извѣстенъ случай, когда надъ мужчиной въ состояніи гипноза совершено было оскотленіе. Лежуа въ присутствіи слушателей получилъ отъ загипнотизированной имъ дамы вексель на 6.000 франковъ, послѣ того какъ онъ внушилъ ей, что она у него какъ-то взяла эту сумму. Въ засѣданіи Цюрихскаго Юридическаго Общества загипнотизированный мальчикъ подъ присягой утверждалъ, что укралъ у одного присутствовавшаго господина носовой платокъ, вторично загипнотизированный онъ клялся, что никогда не говорилъ ничего подобнаго.

¹⁾ „Einige irrenärztliche Bemerkungen über die Strafrechtliche Bedeutung des sogenannten Hypnotismus“.

²⁾ Уже I. Клокъ въ 1829 г. такимъ способомъ совершилъ операцію удаленія раковой опухоли. Kingsbury же („The brit. med. journ. 23 февраля 1891 г.) описываетъ случаи разрѣшенія отъ бремени, безболѣзненные при помощи гипнотизма.

Льебо и Бернгеймъ указываютъ на то, что внушить можно не только болѣзни, но и смерть, при чемъ въ подтвержденіе ссылаются на происходившіе въ средніе вѣка «вызовы къ Богу». Утвержденіе ихъ не такъ невѣроятно, какъ кажется. Врачи, въ особенности военные, неоднократно утверждали, что воля человѣка при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ можетъ даже продлить самую жизнь: такъ, тяжело больные сохраняютъ свою жизнь до того момента, пока не наступитъ ожидаемое ими событіе, напр., не явится ожидаемый ими родственникъ; смертельно раненые на полѣ битвы усиливаются продлить жизнь до тѣхъ поръ, пока не будутъ найдены. Въ русскихъ и австрійскихъ войнахъ часто наблюдали, что солдаты славянскаго происхожденія вслѣдствіе ихъ мягкаго и самоотверженнаго характера умирали отъ ранъ, не безусловно смертельныхъ, между тѣмъ какъ энергичный и любящій жизнь нѣмецъ находилъ въ себѣ силу воли при самыхъ тяжелыхъ поврежденіяхъ поддержать жизнь до той поры, пока его не найдутъ, и тѣмъ спасти себя отъ смерти.

Если такимъ образомъ воля можетъ имѣть столь сильное вліяніе на жизнь и смерть даже при нормальныхъ условіяхъ, то слѣдуетъ допустить, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ такое вліяніе можетъ быть произведено и при посредствѣ воли посторонняго лица. Такъ, предчувствія смерти вѣроятнѣе всего можно объяснить именно внушеніемъ, а чаще всего самовнушеніемъ.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что воздѣйствіе путемъ внушенія на жизнь человѣка является верхомъ достижимаго при помощи гипноза: первенство въ этомъ отношеніи съ бѣльшимъ правомъ должно отдать проявленіямъ т. наз. соматическаго характера, вызываемымъ при гипнозѣ. Эти проявленія—поразительны и въ будущемъ, несомнѣнно, представятъ обильный уголовный матеріалъ. Если, напр., какъ сказано выше, можно ускорить или замедлить путемъ внушенія появленіе менструацій, то мы имѣемъ основаніе допустить, что и абортъ можно вызвать гипнотическимъ путемъ, и вотъ мы имѣемъ искусственное изгнаніе плода посредствомъ гипнотизма. Затѣмъ у загипнотизированныхъ, какъ это извѣстно, можно вызвать слѣды обжога, прикладывая куски мокрой бумаги къ тѣлу и внушая, что прикладывается натяжной пластырь; такіе же слѣды обжога получаютъ и тогда, если къ тѣлу загипнотизированнаго прикладываютъ холодный предметъ и внушаютъ ему, что прикладывается раскаленное желѣзо. Если это справедливо, то мы не должны удивляться и тому, когда посредствомъ простаго прикосновенія

рукъ при помощи внушенія у человѣка появятся кровавыя раны на указанныхъ мѣстахъ. Невольно возникаетъ вопросъ, развѣ не могутъ такимъ путемъ быть вызываемы всевозможныя внушенныя явленія, слѣды отъ задушенія и т. п., сопровождающіяся тягчайшими уголовными послѣдствіями.

Опасенія возникаютъ и въ другомъ отношеніи, а именно, что лица, легко поддающіяся гипнозу, могутъ стать жертвами злоупотребленій всякаго рода. Льежуа совѣтуетъ такимъ лицамъ въ томъ случаѣ, если они окажутся наединѣ съ какимъ-нибудь неизвѣстнымъ господиномъ, не останавливать своего взгляда слишкомъ долго на какой-нибудь одной точкѣ, такъ какъ этимъ путемъ они легко могутъ подвергнуться гипнозу. Именно такимъ образомъ баронесса Ротшильдъ была загипнотизирована въ купѣ вагона и затѣмъ ограблена. Форель идетъ еще далѣе и совѣтуетъ такимъ воспріимчивымъ къ гипнозу лицамъ просить врача, къ которому они имѣютъ довѣріе, внушить имъ, чтобы только онъ одинъ, этотъ врачъ, могъ ихъ загипнотизировать, а никто другой. Нѣчто вродѣ предохранительной прививки!

Многочисленные ученые, работавшіе надъ гипнотизмомъ, выражаютъ съ своей стороны опасенія, что С. С. можетъ безсознательно также внушать свидѣтелямъ и обвиняемымъ ложныя показанія и вынуждать къ ложному сознанію, а именно, внушая имъ припомнить тѣ или другія обстоятельства (ретроактивныя галлюцинаціи). Что это возможно, не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ и при естественномъ ходѣ дѣлъ можно любое обстоятельство, не прибѣгая къ гипнотизму, посредствомъ бесѣды, руководимой предвзятымъ убѣжденіемъ, разъяснить въ самомъ ложномъ и опасномъ направленіи. Во всякомъ случаѣ, всегда возможно, если со стороны свидѣтеля замѣчается слишкомъ большая готовность давать на все положительныя отвѣты, предложить ему для провѣрки вопросы о такихъ обстоятельствахъ, относительно которыхъ достоверно извѣстно, что ихъ не было. Если онъ и на нихъ дастъ утвердительныя отвѣты, то очевидно, что всѣ его первые отвѣты не соответствуютъ истинѣ.

Не слѣдуетъ затѣмъ слишкомъ преувеличивать опасность того состоянія, которое наступаетъ по окончаніи гипноза (т. наз. послѣ-гипнотическое состояніе). Субъектъ весьма охотно, если того требуетъ гипнотизаторъ, выпьетъ послѣ пробужденія стаканъ воды, поклонится кому-нибудь, но онъ уже съ явнымъ нежеланіемъ и всѣми признаками смущенія опрокинетъ стулъ, прольетъ чернила или сдѣлаетъ нѣчто подобное бессмысленное. Но когда отъ него

требуютъ что-либо рискованное, напр., вытолкнуть кого-нибудь, дать самому себѣ оплеуху или причинить кому-либо оскорбленіе дѣйствиємъ, то онъ этого уже не сдѣлаетъ, такъ какъ, кромѣ неблагоприятія требуемыхъ дѣйствиій, ему приходится считаться и съ противодѣйствиємъ своей воли, которая при явно неразумныхъ требованіяхъ подавляетъ волю посторонняго лица внушающаго. Что касается вопроса о томъ, можно ли достигнуть правды отъ человѣка путемъ гипноза, то это вообще довольно сомнительно. Форель весьма недавно (въ одномъ письмѣ ко мнѣ) высказалъ, что такъ какъ одно и то же мозговое вещество диктуетъ мысли и въ здоровомъ, и въ загипнотизированномъ состояніи, то сила воли загипнотизированнаго, стремясь не говорить правды, можетъ быть ограничена лишь въ самой малой степени. Если поэтому кто-либо пожелалъ произвести неопозволительный опытъ и при помощи гипноза добиться отъ свидѣтелей или обвиняемыхъ правды, то все-таки результаты получились бы ненадежные. Чего можно достигнуть путемъ внушенія толпѣ, достаточно извѣстно ¹⁾).

Мнѣнія о томъ, въ правѣ ли судебныя лица и установленія и, если въ правѣ, то въ какой степени примѣнять въ своей сферѣ гипнотизмъ, крайне разнообразны: весьма интересныя по этому поводу соображенія высказаны Прэлемъ, Льежуа, Мюллеромъ, Дэвентеромъ, Шмидкунцемъ, Дрюкеромъ и др.

Если собрать всѣ случаи, въ которыхъ уголовный судья можетъ встрѣтить примѣненіе гипнотизма ²⁾, то получимъ слѣдующее: 1) лицо, находящееся въ состояніи гипноза, можетъ подвергнуться насильственнымъ дѣйствиямъ, направленнымъ противъ чести или противъ имущества, 2) оно можетъ стать жертвой всяческихъ вымогательствъ и шантажа, 3) его могутъ побуждать путемъ внушеній на совершеніе какихъ бы то ни было преступленій, 4) ему тѣмъ же способомъ могутъ внушить болѣзни и т. п., 5) посредствомъ внушенія ему могутъ внушить необходимую рѣшимость для совершенія преступленій, 6) могутъ быть возбуждены путемъ внушенія доносы и заявленія о никогда несовершенныхъ преступленіяхъ, 7) человѣкъ, совершившій преступленіе въ полномъ созна-

¹⁾ Ср. Р. Обри: „De l'influence contagieuse etc.“. *Archive d'anthr. crim.* VIII, 565; Вине-Сангле: „le crime de suggestion religieuse etc.“, *ibid.* VIII, 565 и XVI, 458; Лоранъ: „Les suggestions criminelles“, *ibid.*, VII, 596. Ладамъ: „L'hypnotisme et la medie. leg.“, *ibid.* II, 293 и 520.

²⁾ Карлъ де Прель: „Das hypnotische Verbrechen und seine Entdeckung“, Мюнхенъ 1901 г.

ній, можетъ при помощи внушенія получить убѣжденіе въ томъ, что онъ никогда такового не совершалъ, 8) посредствомъ внушенія могутъ быть проявлены слѣды, напр., покушенія на удушеніе, раны и т. п., каковыя затѣмъ и послужатъ существенными уликами на судѣ, 9) послѣдствіемъ внушенія можетъ быть изгнаніе плода, 10) недозволенное и неумѣлое примѣненіе гипнотизма можетъ развить и вызвать всякаго рода болѣзни, въ особенности нервное расстройство, судороги и т. п., 11) бессознательно дѣйствовать посредствомъ внушенія могутъ С. С. и другіе допрашивающія лица.

Въ общемъ мы можемъ сказать, что опасности отъ гипнотизма далеко не такъ велики и людьми науки выяснены основательно. Какъ во всемъ и вездѣ, представлявшіяся трудности оказываются значительно меньшими по мѣрѣ того, какъ явленія были изслѣдованы. Тѣмъ не менѣе, С. С. обязанъ всегда обращаться къ свѣдущимъ лицамъ, какъ только онъ заподозритъ примѣненіе гипнотизма.

Все изложенное говорилось мною о гипнотизмѣ во 2-мъ изданіи этой книги: такимъ образомъ, я признавалъ тогда, что мы по отношенію къ гипнотизму находимся въ періодѣ «признанія», въ стадіи преувеличеннаго къ нему отношенія. Если же мы обратимся къ современному положенію вопроса, то должны признать, что отношеніе къ гипнотизму перешло въ стадію «правильной его оцѣнки». Въ самомъ дѣлѣ, если мы сопоставили современное пониманіе съ тѣмъ, что говорилось о гипнотизмѣ на уголовно-антропологическомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ Бенедиктомъ, Вуазеномъ, Берилльономъ, Крокомъ, Худэ, Ладомъ, Мазуэномъ, Мотэ, Менделемъ, то мы найдемъ удивительное охлажденіе ученыхъ къ вопросу о преступномъ внушеніи. Я не сдѣлаю ошибки, если объясню этотъ счастливый поворотъ дѣла тѣми громкими процессами прошедшаго времени, въ которыхъ значительную роль играло внушеніе и въ которыхъ выдающіеся авторитеты приложили усилія привести вопросъ о значеніи этого внушенія въ совершенную ясность. Таковы были дѣла о Андерсонѣ Грэй (въ Канзасѣ), громкій процессъ о волхвованіяхъ Чинскаго и чрезвычайно поучительный процессъ объ убійцѣ Бертгольдѣ въ Мюнхенѣ. Во всѣхъ этихъ процессахъ были налицо живые люди, подвергшіеся дѣйствию внушенія, были всѣ данныя для разясненія сущности и дѣйствительнаго значенія внушенія, и были приняты мѣры сдѣлать все происшедшее понятнымъ, исключивъ все, что не имѣло строго доказательнаго значенія. Стремились также и къ тому, чтобы установить различіе

между внушеніемъ и коддовствомъ, чтобы общество имѣло по этимъ предметамъ ясное понятіе. Самыя точныя и ясныя свѣдѣнія, какія только высказывались по этому предмету, сообщены были профессоромъ (въ Бреславлѣ) Гиртомъ по дѣлу Чинскаго. «Поверхность головного мозга, говорилъ онъ, въ которомъ, по современнымъ представленіямъ, сосредоточиваются мышленіе, чувства и ощущенія, поскольку дѣло идетъ о нормально мыслящемъ и находящемся въ бодрственномъ состояніи человѣкѣ,—можно уподобить листу бумаги, исчерченному тысячью идущихъ въ разномъ направленіи и взаимно пересѣкающихся письменныхъ знаковъ; сіи послѣдніе суть наши мысли. Если же я кого-нибудь тѣмъ или другимъ способомъ, напр. какъ сдѣлалъ подсудимый съ баронессою Z., устремивъ на нее пристальный взоръ и глядя лицо ея руками, приведу въ состояніе, подобное сну, то эти письменные знаки, по мѣрѣ того какъ субъектъ будетъ погружаться въ это состояніе, будутъ блѣднѣть все болѣе и болѣе и, съ наступленіемъ самаго глубокаго гипноза, наконецъ, совершенно изгладятся. И если я находящемуся въ такомъ состояніи внушу какуюнибудь мысль, то я пишу на его листѣ бумаги уже новые знаки, которые усыпленный слышитъ, читаетъ и почти безъ критики принимаетъ за истинное, какъ бы свое собственное. Чѣмъ настойчивѣе дѣлается внушеніе, тѣмъ явственнѣе отпечатывается внушаемое въ мозгу гипнотизируемаго и по пробужденіи его внушенныя идеи остаются въ его сознаніи; онъ хранитъ ихъ и примѣняетъ къ жизни. Также чѣмъ чаще повторяется внушеніе и чѣмъ глубже засыпаетъ гипнотизируемый, тѣмъ явственнѣе и прочнѣе сохраняются письменные знаки и настолько усваиваются ему, что обуславливаютъ собою и направленіе послѣдующей его дѣятельности (послѣгипнотическое внушеніе)».

Цѣнны и поучительны были также заключенія, данныя докторомъ Фг. Шрэнкомъ-ноцингомъ и проф. Grashen по дѣлу Берхтольда: вопросы о возможности внушенія свидѣтелямъ и другіе, связанные съ этимъ, получили въ заключеніяхъ этихъ экспертовъ глубокое и всестороннее освѣщеніе.

Также утратилъ интересъ и вопросъ о послѣгипнотическомъ вліяніи, такъ какъ сила и продолжительность этого вліянія оказались вовсе ничтожными. Это лучше всего иллюстрировано въ разсказанномъ Эрнстомъ Навилемъ случаѣ, въ которомъ докторъ Льебо старался внушить одному лѣнивому и упрямому мальчику любовь къ ученію. Внушеніе помогало лишь на очень короткое время и мальчикъ снова дѣлался лѣнивымъ, и опыты, сколько ихъ ни дѣлали,

не достигали цѣли. Опыты эти были затѣмъ повторены безчисленное количество разъ и безъ успѣха.

Тѣмъ не менѣе, мы, безъ сомнѣнія, и въ настоящее время должны относиться къ гипнотическимъ внушеніямъ съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ и, при всякомъ указаніи на наличность таковыхъ, прибѣгать къ помощи судебнаго врача, хотя гипнотизмъ и не имѣетъ того загадочнаго значенія, которое ему приписывали столь продолжительное время.

г) при дальтонизмѣ.

Дальтонизмъ гораздо болѣе распространенъ и заслуживаетъ большаго вниманія, нежели мы обыкновенно думаемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1777 г. Иосифъ Гудд аръ въ письмѣ на имя Юс. Пристли впервые упомянулъ объ этой аномаліи, и Джонъ Дальтонъ около 1794 г. тщательно изслѣдовалъ этотъ же вопросъ, дальтонизмъ сталъ предметомъ всесторонняго изученія. Какъ много людей страдаютъ дальтонизмомъ въ большей или меньшей степени, съ точностью опредѣлить невозможно. Процентныя данныя, вычисленныя въ трудахъ Вильсона, Зеебека, Юнга, Гельмгольца, Максвелла, Фавра, Ferris, Штиллинга, Блашко, Гольмгрена и др., колеблются въ предѣлахъ 3,25% и 8%; если взять средней процентъ 5, то окажется, что каждый 18-й человекъ приблизительно подверженъ дальтонизму. При этомъ удалось установить, что явленіе это болѣе распространено между мужчинами, нежели между женщинами, и что наиболѣе часто встрѣчаемая форма его—неспособность различить красный цвѣтъ отъ зеленаго (или желтаго).

Согласно Гольмгрону, различаютъ:

1) полный дальтонизмъ, при которомъ человекъ различаетъ лишь свѣтлое и темное (но за то весьма тонко), т. е. онъ умѣетъ только различать оттѣнки отдѣльныхъ цвѣтовъ;

2) частичный дальтонизмъ: а) типичный, при которомъ человекъ не отличаетъ опредѣленныхъ цвѣтовъ, по преимуществу красный, зеленый и фіолетовый цвѣта, и в) неполный дальтонизмъ, при которомъ или всѣ цвѣта, или только нѣкоторые различаются менѣе ясно и вѣрно, чѣмъ обыкновенно.

Значеніе дальтонизма въ нашей дѣятельности можетъ проявляться въ разнообразной степени. Слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что страдающіе дальтонизмомъ только въ рѣдкихъ случаяхъ сами

заявляютъ объ этомъ: большею частью они сами не знаютъ объ этомъ, а если и знаютъ, то боятся высказать, какъ будто этотъ недостатокъ является серьезнымъ порокомъ.

Важность дальтонизма для С. С. не подлежитъ сомнѣнiю, напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ умѣнiи различать цвѣтные сигналы. и когда этотъ недостатокъ зрѣнiя можетъ повлечь за собой несчастье (напр., на желѣзныхъ дорогахъ, на пароходахъ, въ копияхъ и т. п.), или когда по цвѣту одежды можно опредѣлить личность человѣка (напр., «мужчина въ зеленомъ скюртукѣ»), или когда дѣло идетъ объ опредѣленiи кровавыхъ пятенъ по наружному виду: лицо, страдающее дальтонизмомъ, только съ усиленiемъ можетъ отличить кровь на зеленомъ фонѣ (на травѣ, на зеленой или на желтой одеждѣ). Такимъ образомъ, если С. С. имѣетъ хотя бы малѣйшее подозрѣнiе относительно способности свидѣтеля правильно видѣть извѣстные цвѣта, и если показанiе его въ этомъ отношенiи существенно для дѣла, С. С. безусловно обязанъ подвергнуть такого свидѣтеля освидѣтельствуванiю черезъ судебнаго врача. Слѣдуетъ добавить только, что дальтонизмъ, повидимому, передается по наслѣдству: по *крайней* мѣрѣ, часто замѣчаютъ, что братья и сестры страдающаго дальтонизмомъ также обладаютъ этимъ недостаткомъ.

g) въ вопросахъ, требующихъ участiя дантиста.

Полезь, мало оцѣниваемая, которую въ состоянiи принести С. Слѣд—ю научно-образованный зубной врачъ, можетъ быть весьма значительною. Обыкновенно его приглашаютъ, когда имѣются какiе-либо слѣды, причиненные зубами, напр., при слѣдахъ укусовъ на потерпѣвшемъ или на заподозрѣнномъ, на брошенныхъ курительныхъ матеріалахъ (на окуркахъ сигаръ или на мундштукахъ), на карандашахъ, ручкахъ и под. Затѣмъ, преимущественно въ большихъ городахъ, гдѣ имѣются зубные врачи, занимающіеся пломбированiемъ зубовъ, по ихъ описанiямъ можетъ быть установлено тождество какой-нибудь скрывающей свое имя личности. Наконецъ, къ дантистамъ прибѣгаетъ С. С., когда дѣло идетъ о томъ, могъ ли вообще тотъ или другой результатъ быть вызванъ посредствомъ зубовъ, или же нѣтъ. Вообще, если помнить о помощи зубнаго врача, то для услугъ его могутъ представиться случаи довольно многочисленные.

3. 0 микроскопистъ.

Въ настоящее время устройство микроскопа достигло высокой степени совершенства, при помощи его наука достигла по истинѣ поразительныхъ результатовъ, а между тѣмъ С. С. еще слишкомъ мало пользуются этимъ замѣчательнымъ инструментомъ. Изслѣдованіе пятенъ крови, обнаруженіе сѣменныхъ пятенъ ¹⁾ и сличеніе волосъ—вотъ почти все, въ чемъ С. С. прибѣгаетъ къ помощи микроскопа. Въ другихъ случаяхъ изслѣдованіе посредствомъ микроскопа производится лишь въ видѣ исключенія, а между тѣмъ таковыхъ случаевъ на самомъ дѣлѣ масса, въ которыхъ микроскопистъ можетъ оказать С. С. важнѣйшія услуги и пролить свѣтъ на многія, оставшіяся невыясненными, дѣла. Причина такого положенія вещей заключается въ незнаніи С. С., что въ состояніи ему сказать микроскопистъ, а этотъ послѣдній не знаетъ, чѣмъ онъ можетъ быть полезенъ С. С. Вслѣдствіе этого они чужды другъ друга, хотя въ дѣлахъ выдающейся важности должны были бы идти рука объ руку. Это отчужденіе простирается такъ далеко, что во многихъ сочиненіяхъ о микроскопическихъ изслѣдованіяхъ при перечисленіи всѣхъ случаевъ, въ которыхъ таковое изслѣдованіе можетъ быть примѣнено, даже и не упоминается о пользѣ микроскопа для уголовного правосудія. Припомнимъ, что сдѣлалъ микроскопъ для гигиены: можно сказать, что микроскопу эта область знанія обязана своимъ существованіемъ, какъ наука: бактеріологія, изслѣдованіе воды, воздуха, почвы, сѣстныхъ припасовъ, опредѣленіе истинной природы различныхъ болѣзней и многіе другіе важнѣйшіе отдѣлы этой науки не могли бы и существовать безъ микроскопа. Это объясняется именно тѣмъ, что гигиенисты хорошо знали, чего они въ состояніи достигнуть при помощи микроскопа: гигиенисты предъявили къ микроскопистамъ извѣстныя требованія и требованія эти были удовлетворены. Совершенно такъ же могъ поступить и С. С., если бы только зналъ, какія услуги ему можетъ оказать микроскопистъ. Въ томъ же, что они совершенно чуждались другъ друга, виновать,

¹⁾ Ср. Вокриуса: „Florence's Krystalle und deren forense Bedeutung“ Vierteljahrschrift f. der Medicin. 1901, 255 и работы объ этомъ предметъ, помѣщенные въ архивѣ d'anthr. crim. X, 417, 520, XI, 37, 126, 249, XII, 689. Ср. у Каслера Лимана замѣчаніе о томъ, что часто въ трупахъ взрослыхъ мужчинъ не могли найти сѣмени.

конечно, С. С., такъ какъ микроскопистъ отнюдь не обязанъ освѣдомляться, кому и въ чемъ онъ можетъ быть полезнымъ.

Устранить такое положеніе вещей можно не чѣмъ инымъ, какъ простымъ перечисленіемъ, по возможности подробнымъ, тѣхъ случаевъ, въ которыхъ С. С. приходилось обращаться къ содѣйствию микроскописта, и въ которыхъ этотъ послѣдній оказалъ услуги дѣлу правосудія. Когда будетъ собрано значительное количество такихъ случаевъ, то получится возможность систематизировать ихъ такъ, чтобы С. С. не только зналъ эпизодически, когда слѣдуетъ приглашать микроскописта, но имѣлъ бы представленіе и о томъ, къ какимъ результатамъ можетъ привести микроскопическое изслѣдованіе въ той или другой группѣ систематически объединенныхъ случаевъ ¹⁾.

Въ общихъ чертахъ можно сказать такъ, что микроскопистъ можетъ быть полезнымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется болѣе точный осмотръ предметовъ, нежели это возможно простымъ глазомъ; затѣмъ, гдѣ нужно опредѣлить составныя части какого-нибудь вещества, не разрушая для этого самаго вещества (что обыкновенно бываютъ вынуждены дѣлать химики), и наконецъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о различіи физическомъ (въ противоположность химическому) составныхъ частей предмета, т. е. когда требуется механическое расчлененіе предмета, а не химическое разложеніе. Напримѣръ, необходимо опредѣлить, изъ какихъ мельчайшихъ тѣлъ состоитъ тотъ или другой объектъ,—но не изъ какихъ химическихъ элементовъ онъ состоитъ.

Ниже я излагаю тѣ примѣры, въ которыхъ С. С. можетъ получить помощь отъ микроскописта, но эти примѣры отнюдь не представляютъ собой хотя бы приблизительно законченнаго и полнаго исчисленія всѣхъ возможныхъ случаевъ. Приведенными примѣрами я желалъ бы только возбудить интересъ и указать, въ какомъ направленіи совмѣстная работа съ микроскопистомъ можетъ послужить на пользу дѣлу правосудія. Затѣмъ считаю нужнымъ оговориться, что въ послѣдующемъ изложеніи я не дѣлаю различія между лупой и собственно микроскопомъ, такъ какъ въ разныхъ случаяхъ можетъ быть полезнымъ то или другое, или же то и другое вмѣстѣ. Вслѣдствіе этого, я въ обоихъ случаяхъ употребляю выраженіе: микроскопическое изслѣдованіе, безъ особаго различія.

¹⁾ Сообщенія о такихъ случаяхъ изъ практики, въ которыхъ микроскопистъ оказалъ помощь С. С., были бы весьма желательны.

а) при изслѣдованіи кровяныхъ пятенъ.

Если требуется опредѣлить, кровяныя ли извѣстныя пятна, то обязанность С. С. заключается въ томъ, чтобы внимательно отмѣтить ихъ, отобрать вещи, на которыхъ они находятся, съ особенною заботливостью сохранить и какъ можно скорѣе передать ихъ въ руки свѣдущаго лица. Подробное изложеніе этихъ обязанностей помѣщено ниже, въ главѣ 15-й, здѣсь же мы коснемся собственно обязанностей экспертовъ.

Цѣлесообразнѣе всего приглашать эксперта въ самомъ началѣ слѣдствія для того, чтобы онъ помогалъ при осмотрѣ слѣдовъ преступленія. При этомъ условіи розыскъ можетъ быть произведенъ настолько систематически, что—въ предѣлахъ, конечно, человѣческой предусмотрительности—не будетъ упущено ничего, что только имѣетъ подобіе кровяныхъ пятенъ. Кромѣ того, получится сбереженіе времени и труда, такъ какъ можно не осматривать тѣхъ предметовъ, которые не носятъ на себѣ слѣдовъ отъ крови. При осмотрѣ слѣдуетъ имѣть въ виду, что кровяныя пятна не всегда имѣютъ такой видъ, какой имъ придается по описаніямъ въ уголовныхъ романахъ. Кровяныя пятна, смотря по предметамъ, на которыхъ они находятся, могутъ имѣть самый разнообразный цвѣтъ, кромѣ того они могутъ быть случайно или умышленно какимъ-нибудь веществомъ замазаны. Вообще отысканіе кровяныхъ пятенъ на поверхностяхъ болѣе или менѣе обширныхъ, въ полѣ, въ лѣсу, далеко не такъ легко, какъ кажется; напр., кровяныя пятна, попавшія на солнце, черезъ 5 дней принимаютъ свѣтлосѣрый цвѣтъ (Hammerl). Для этого требуются большая опытность и тѣ знанія, которыми только и можетъ обладать специалистъ, поэтому и слѣдуетъ по возможности всегда его приглашать. Участіе его можетъ быть полезнымъ, кромѣ того, и при выемкѣ, охраненіи и запаковкѣ тѣхъ предметовъ, на которыхъ оказались кровяныя пятна. Все это въ высокой степени важно и для самого эксперта, такъ какъ онъ знаетъ, какой первоначальный видъ имѣли изслѣдуемая имъ пятна, какія мѣры предосторожности предпринимались, и сумѣетъ правильно объяснить происшедшія почему-либо въ нихъ измѣненія.

Отнюдь не вслѣдствіе недовѣрія къ врачу и не потому, что я болѣе предрасположенъ въ пользу С. С., но по формальнымъ требованіямъ закона я считаю нужнымъ здѣсь напомнить, что всѣ описанныя слѣдственныя дѣйствія должны исходить не отъ врача, а отъ С. С. По моему мнѣнію, заслуживаютъ порицанія такіа вы-

раженія въ протоколахъ: «была произведена судебнымъ врачомъ выемка слѣдовъ крови, и приняты мѣры къ сохраненію таковыхъ». Все это должно исходить отъ С. С., но въ протоколѣ можетъ быть отмѣчено, что всѣ описанныя дѣйствія происходили подъ непосредственнымъ наблюденіемъ судебного врача. Эта отмѣтка, возвышая достоверность протокола, въ то же время соотвѣтствуетъ истинѣ, такъ какъ дѣятельность врача во всякомъ случаѣ есть дѣятельность подчиненная.

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, что въ правѣ въ этомъ случаѣ С. С. требовать отъ микроскописта, о чемъ онъ можетъ и долженъ предлагать вопросы. Прежде всего должно помнить, что экспертъ тѣмъ легче и обстоятельнѣе можетъ дать заключеніе, чѣмъ болѣе свѣжими и неповрежденными онъ получилъ самыя кровяныя пятна ¹⁾. Затѣмъ изслѣдованіе облегчается и въ томъ случаѣ, если имѣется большее количество кровяныхъ пятенъ: хотя для заключенія довольно и немногаго, но С. С. долженъ все-таки доставить эксперту какъ можно болѣе матеріала, не прибѣгая къ легкомысленной фразѣ: «и безъ того уже довольно». Неизвѣстно, какъ пойдетъ изслѣдованіе, и нельзя знать вначалѣ, какія на различныхъ предметахъ могутъ оказаться особенности. Не подлежитъ сомнѣнію, что экспертъ можетъ почти всегда и безъ исключенія отличить кровяное пятно отъ всѣхъ другихъ пятенъ; даже въ томъ случаѣ, если пятна имѣютъ внѣшнее и внутреннее сходство между собой, наука обладаетъ достаточными средствами, чтобы дать вѣрное о нихъ заключеніе. Отъ ржавчины ли, отъ жевательнаго табаку, отъ плѣсени, отъ грибовъ ли образовались пятна, имѣющія близкое сходство съ кровяными, экспертъ съумѣетъ ихъ различить и не дастъ себя обмануть. На пятна крови особенно похожи пятна, образовавшіяся отъ лимонной кислоты и какого-либо кисловатаго фруктоваго сока на желѣзныхъ предметахъ (см. Германъ Вальдъ: «*Gerichtl. Medizin*, Лейпцигъ, 1858). Уже Розе («*Erkennung von Blutflecken*», *Casper's Vierteljahrsschrift*, 1853, IV, стр. 301) обращаетъ вниманіе на различіе между пятнами крови и ржавчины на желѣзѣ, заключающееся въ томъ, что первыя изъ нихъ весьма легко отдѣляются, вслѣдствіе чего на вещественномъ доказательствѣ (напр. на ножѣ и т. п.) весьма нерѣдко, послѣ продолжительнаго храненія его, и при томъ безъ соблюденія надлежащей осторожности, уже не оказывается бывшихъ на немъ пятенъ крови.

¹⁾ Ср. Янесека: „*Die Grenzen der Beweiskraft der Hämatinspectrums und der Häminkristalle etc.*“. Аграмъ. 1892 г.

Наконецъ, пятна отъ *Porphyrium cruentum* и *Achorium Schönléinii*, на сырой глинистой почвѣ имѣютъ видъ настоящей крови.

Совершенно иначе обстоятъ дѣло относительно вопроса о томъ, какому живому существу принадлежитъ найденное кровавое пятно¹⁾. По послѣднимъ даннымъ науки, все различіе сводится къ формѣ и величинѣ кровавыхъ шариковъ: опредѣлено, что у водяныхъ животныхъ, рыбъ, птицъ, затѣмъ у верблюда, дромадера и ламы эти шарики имѣютъ овальный видъ, у всѣхъ же другихъ животныхъ млекопитающихся (въ томъ числѣ и человѣка)—круглый, безъядерный. По величинѣ шарики млекопитающихся представляются различными, наибольшаго размѣра шарики—у человѣка. Нѣкоторые изъ нихъ даже измѣрены.

Собранныя путемъ такихъ измѣреній данныя для насъ представляютъ только чисто теоретическій интересъ, въ существенныхъ вопросахъ на нихъ можно полагаться только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Прежде всего, найденныя величины не постоянно одинаковы, такъ что въ отношеніи каждаго животнаго существуетъ минимумъ и максимумъ, напр. для собаки эта величина колеблется между 0,0066 и 0,0074 мм., для кроликовъ 0,0060 и 0,0070, такъ что въ случаѣ обнаруженія кровавой клѣточки величиной отъ 0,0066 включительно по 0,0070 мм. остается открытымъ вопросъ, кому изъ этихъ животныхъ принадлежитъ найденная кровь. Затѣмъ всѣ эти вычисленія устанавливаютъ тысячныя и большею частью десятитысячныя частицы одного миллиметра, т. е. такія минимальныя величины, абсолютной точности которыхъ довѣрять нельзя въ важныхъ дѣлахъ. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что такія измѣренія только тогда могутъ быть достовѣрными, когда шарики крови не потерпѣли никакихъ измѣненій ко времени изслѣдованія, между тѣмъ въ нашей дѣятельности слѣды крови, являющіеся въ качествѣ *corpus delicti*, могутъ удовлетворить этому условію лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ.

Конечно, въ исключительныхъ случаяхъ, когда шарики хорошо сохранились, напр. при помощи микрофотографіи, шарики человеческой крови (0,0078 мм.) такъ отличны отъ крови козьей (0,0045 мм.),

¹⁾ Вахгольцъ „Untersuchung über Hämkristalle“ Vierteljahrsheft f. Gerichtl. Medizin, 3. F. т. XXI, стр. 227, (1901 года); Цимке, тамъ же, стр. 77, (ср. Гофмана, Суд. медиц. 9-е изд., стр. 445). О способѣ доктора Маньганини см. Краттера на съѣздѣ естествоиспытателей въ Карлсбадѣ 1902 г. (о водѣ въ алкалическихъ веществъ на красочное вещество крови).

что эта разница доступна всякому наблюдателю; поэтому вполне возможны случаи, въ которыхъ въ этомъ направленіи можно достигнуть цѣнныхъ результатовъ¹⁾. Я позволю себѣ при этомъ повторить, что требую отъ каждаго С. С., чтобы онъ не ограничился передачей эксперту предметовъ для изслѣдованія и затѣмъ получениемъ отъ него заключенія, но чтобы принималъ самое горячее участіе во всемъ ходѣ работъ эксперта, навѣщаль бы его лабораторію, разсматривалъ имѣющіяся данныя, сообщалъ эксперту новыя свѣдѣнія, обнаруженныя слѣдствіемъ, и совѣтовался бы съ нимъ относительно дальнѣйшихъ изслѣдованій. Иначе можетъ случиться, что ко времени составленія заключенія нѣкоторыя фактическія обстоятельства могутъ измѣниться, а эксперты, не зная объ этомъ, потратятъ время и силы на разрѣшеніе вопросовъ, потерявшихъ значеніе; вопросы же, вызванные новыми данными слѣдствія и существенныя для дѣла, останутся неразъясненными. Я могу увѣрить, что никогда не встрѣчалъ со стороны свѣдущихъ лицъ выраженія какого-либо недовольства или нетерпимости, и тѣ часы, которые мнѣ пришлось проводить въ лабораторіяхъ ихъ, я причисляю къ самымъ интереснымъ и поучительнымъ въ своей дѣятельности.

Возьмемъ такой примѣръ: экспертъ сообщаетъ С. С., что кровяные шарики, обнаруженные въ кровяныхъ пятнахъ, очень хорошо сохранились и легко могутъ быть измѣрены. Между тѣмъ обвиняемый утверждаетъ, что найденныя кровяныя пятна принадлежатъ убитому имъ животному. Предположимъ, что это животное не принадлежитъ къ числу тѣхъ, обыкновенно употребляющихся въ физиологическихъ лабораторіяхъ для всевозможныхъ изслѣдованій, кровяныя тѣльца которыхъ и измѣрены (кролики, собаки, морскія свинки и т. п.). Кровяные шарики убитаго обвиняемымъ животного могутъ быть или сравнительно велики, такіе же, какъ и у человѣка, или очень маленькіе, мельче, чѣмъ у тѣхъ животныхъ, относительно которыхъ существуютъ измѣренія. Въ первомъ случаѣ, т. е. когда кровяные шарики этого животного окажутся очень велики, то объясненіе обвиняемаго, обыкновенно рѣдко заслуживающее вѣры, можетъ быть признано по меньшей мѣрѣ «возможнымъ», во второмъ же случаѣ, т. е. когда кровяные шарики окажутся очень малой величины, то, быть можетъ, удастся вполне изобличить его во лжи.

¹⁾ О недостоверности измѣреній см. Доблера: „Unterscheidung menschlichen und tierischen Blutes. Vierteljahrchrift. f. der. Med. XVIII, 2.

Поэтому въ такихъ случаяхъ С. С. прямо обязанъ потребовать отъ эксперта, чтобы онъ произвелъ изслѣдованіе и измѣреніе кровяныхъ шариковъ этого животнаго, и при томъ не въ одномъ экземплярѣ, а въ нѣсколькихъ. Мнѣ могутъ возразить: «чего же это будетъ стоить». Но, по моему мнѣнію, въ дѣлѣ правосудія вопросъ о денежныхъ затрудненіяхъ только тогда можетъ быть допущенъ, когда предпринимаются совершенно излишніе расходы, или когда тѣхъ же результатовъ можно достигнуть и съ болѣе умѣренными затратами. Отказать же въ производствѣ изслѣдованія, которое можетъ обнаружить виновность извѣстнаго лица или раскрыть его невинность, только на томъ основаніи, что оно «дорого стоитъ», я считаю прямо безнравственнымъ, не соответствующимъ достоинству государственной власти, и никто не можетъ быть недовольнымъ, если затраты произведены единственно въ цѣляхъ обнаруженія истины.

Затѣмъ эксперту можетъ быть предложенъ вопросъ о томъ, происходитъ ли данная кровь изъ венъ, или изъ артерій.— Вопросъ этотъ ставится по большей части въ связи съ другими для опредѣленія того, происходятъ ли найденные кровяные слѣды отъ важныхъ или незначительныхъ поврежденій. Конечно, и венозная кровь можетъ брызгать (при сильномъ движеніи пораненной рукой, ногой и т. п., или при сильномъ внезапномъ сжиманіи ихъ), но обыкновенно брызгаетъ изъ раны и съ извѣстной силой только артеріальная кровь. Если поэтому на какомъ-либо предметѣ, особенно на плоскомъ, напр. на стѣнѣ, будутъ усмотрѣны ясныя брызги крови, то можно съ нѣкоторой увѣренностью заключить, что вблизи этого мѣста жертвѣ была перерѣзана артерія. Врачъ (см. Гофмана «Lehrbuch der gerichtlichen Medicin») въ этомъ случаѣ не только можетъ сказать, что эта кровь—артеріальная, но и въ состояніи опредѣлить, на какомъ разстояніи и въ какомъ положеніи находился потерпѣвшій въ моментъ причиненія ему поврежденія.

Произошла ли данная кровь отъ раны, или отъ кровоистеченія изъ носа, или отъ кровохарканія, отъ какихъ-либо нарывовъ, геморсидальная ли, или менструальная¹⁾, или кровь вслѣдствіе разрыва дѣвственной плевы, или отъ укушеній клоповъ или блохъ²⁾,

¹⁾ Ср. А. Габерда: „Über der anatom. Nachweis der Defloration“, Берлинъ, 1899, С. Шмидтъ: „Diagnostik verdächtiger Flecke“. Лейпцигъ, 1848, Цейсса: „Blutspuren bei Defloration. Centralblatt f. Gynäkologie“. 1885.

²⁾ Даже въ экскрементахъ мухъ находили характерные шарики гемина, полученные ими при укусахъ до крови.

содержатся ли въ крови частицы мозга и другихъ элементовъ чело-вѣческаго организма, такіе и подобные вопросы могутъ быть пред-лагаемы врачу, но не всегда онъ въ состояніи разрѣшить ихъ. По-ложительный отвѣтъ онъ можетъ дать только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ кровяныхъ пятнахъ будетъ обнаружена какая-нибудь ха-рактерная примѣсь (слизь, мостовидный или мерцательный эпите-лий, желудочные сарцины), или характерное отсутствіе какихъ ни-будь элементовъ (напр. фибрина, оксигемоглобина и кровяныхъ шариковъ при укушеніяхъ клоповъ или блохъ). Повторяю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ врачъ можетъ дать весьма цѣнные заключенія по этимъ вопросамъ, но далеко не всегда. Объ экскрементахъ и другихъ кровяныхъ слѣдахъ, оставляемыхъ насѣкомыми, сосущими кровь, можно найти указаніе у Шауэнштейна въ «Lehrbuch der gerichtl. Medizin. 1875 г., Ланеска (Die Grenzen der Beweiskraft des Häminspektrums. 1892). Гоффмана (Lehrbuch d. gerichtl. Med.), I. Шöffера (Wiener kein. Wochenschrift. 1893, № 35), Фригеріо (Gaz. med. ital. lomb. 1884, № 32 и 33), Брианда и Шола (Man. compl. de med. leg. Парижъ, 1880). Эрнста Людвигъ (Mediz. Che- mie. 1895) и др.

Наконецъ, врачу можетъ быть предложенъ вопросъ и относи-тельно времени происхожденія кровяного пятна, но отвѣты на этотъ вопросъ почти всегда крайне неопредѣленны. Врачъ можетъ дать болѣе удовлетворительный отвѣтъ по этому поводу скорѣе на осно-ваніи всей совокупности данныхъ, исходя изъ побочныхъ обстоя-тельствъ и результатовъ изслѣдованія сопутствующаго матеріала. Иногда полезны опыты съ примѣненіемъ раствора мышьяка въ водѣ и хлористой воды (Драгендорфъ въ книгѣ Машка: «Handbuch der gerichtlichen Medicin»). Но во всякомъ случаѣ отвѣтъ будетъ положительный только въ томъ случаѣ, если имѣются сопутствующія данныя, которыя могутъ способствовать разъясненію этого вопроса.

(Ср. главу XIV).

в) при изслѣдованіи экскрементовъ ¹⁾.

Въ связи съ изложеннымъ можетъ возникнуть вопросъ, слѣ-дуетъ ли въ нѣкоторыхъ случаяхъ требовать отъ эксперта микро-скопическаго изслѣдованія экскрементовъ. Отвѣтъ можетъ быть

¹⁾ Ср. Моллера: „Die forense Bedeutung der Exkremeute“. Wiener klinische Rundschau. 1897, № 11; М. Z. А. Ледденъ-Гюльзебоша: Makro und mikroskop

только утвердительнымъ, такъ какъ примѣненіе научныхъ знаній и въ этомъ отношеніи можетъ оказаться крайне полезнымъ для дѣла. Въ учебникахъ излагаются по этому поводу два случая, весьма поучительные. Въ одномъ изъ нихъ дѣло идетъ объ убійствѣ женщины, повидимому, послѣ ея изнасилованія. Подозрѣніе пало на одного парня, на штанахъ котораго снаружи были обнаружены слѣды человѣческихъ испражнений. Изслѣдованіе этихъ послѣднихъ и содержимаго въ кишкахъ убитой выяснили, что слѣды на штанахъ происходили отъ мясной пищи, пищевая же кашница въ кишкахъ женщины—отъ растительной.

Другой случай имѣлъ положительный результатъ. Въ окрестностяхъ одного небольшого города теченіемъ рѣки былъ прибитъ къ берегу трупъ убитой дѣвушки, на которомъ были обнаружены слѣды совершеннаго незадолго до смерти изнасилованія. Судебно-медицинское вскрытіе трупа убитой было произведено съ большою тщательностью, и оказавшаяся въ желудкѣ пищевая кашница подвергнута изслѣдованію, которое обнаружило присутствіе въ ней крестовидныхъ косточекъ отъ фигъ. Далѣе выяснилось, что фиговые деревья имѣлись только въ одномъ саду во всемъ городѣ; тогда получила возможность установить, что дворникъ этого садовладѣльца заманилъ къ себѣ дѣвушку, угостилъ ее фигами, затѣмъ изнасиловалъ и убилъ ее. То состояніе, въ которомъ найдена была пища, вполне соответствовало промежутку времени между съѣденіемъ фигъ и смертью жертвы ¹⁾.

Весьма недавно по дѣлу объ убійствѣ одной старой женщины на мѣстѣ преступленія были найдены человѣческіе экскременты, въ которыхъ оказались глисты. Тогда были подвергнуты изслѣдованію испраженія 6 лицъ, заподозрѣнныхъ въ совершеніи этого убійства и только у одного изъ нихъ (послѣ неоднократнаго изслѣдованія) было удостовѣрено присутствіе въ испраженіяхъ глистовъ. Онъ оказался виновникомъ и затѣмъ былъ осужденъ. Такія изслѣдованія могутъ оказаться полезными для слѣдственной власти и въ другомъ отношеніи. Мёллеръ въ выше цитированномъ сочиненіи

Diagnostik der menschl. Excremente“. Берлинъ. 1899. Ад. Шмидта и I. Страсбургера: „Die Faeces des Menschen“. Берлинъ. 1901. Между тѣмъ Касперъ Лимаъкъ утверждаетъ, что изслѣдованія экскрементовъ никогда или почти никогда не могутъ быть полезными. О мочѣ (мужчины или женщины) см. Гавелокъ-Эллиса въ „American Journal of Dermatology“. 1902 и статьи Нэкэ въ Архивъ Г. Гросса, т. XI, стр. 261.

¹⁾ Ср. Procès du Frère Leotade, accusé du double crime de viol et d'assassinat. sur la personne de Cécile Combettes. Лейпцигъ. 1851.

дѣлаетъ замѣчаніе, что было бы цѣлесообразно у каждаго заподозрѣннаго въ преступленіи, по приводѣ его въ арестное помѣщеніе, подвергать микроскопическому изслѣдованію первые его экскременты. Нельзя отрицать, что такой приѣмъ, если не во всѣхъ случаяхъ, то въ нѣкоторыхъ можно было бы рекомендовать съ пользою. Напр., если по важному дѣлу заподозрѣнный задержанъ вскорѣ послѣ совершенія преступленія и по обстоятельствамъ дѣла можетъ имѣть значеніе мѣсто его послѣдняго пребыванія, послѣдняя принятая имъ пища, то изслѣдованіе его первыхъ экскрементовъ, по доставленіи подъ арестъ, во всякомъ случаѣ рекомендуется.

Ниже (въ X главѣ, по поводу суевѣрій) будетъ сдѣлано замѣчаніе, что преступники не рѣдко оставляютъ свои испраженія на самомъ мѣстѣ преступленія; конечно, въ такихъ случаяхъ сохраненіе такого *corpus delicti*, по обстоятельствамъ дѣла, будетъ полезнымъ. Вообще можно рекомендовать вышеизложенныя указанія по меньшей мѣрѣ имѣть въ виду.

с) при изслѣдованіи волосъ.

Точно такимъ же путемъ и по волосамъ, найденнымъ на мѣстѣ преступленія или въ иныхъ разнообразныхъ условіяхъ, можно добыть гораздо болѣе данныхъ, нежели обыкновенно это думаютъ. Конечно, не дѣло С. С. самому производить требуемыя изслѣдованія, но онъ обязанъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ представляется возможность найти хоть одинъ волосъ, принадлежащій виновнику совершеннаго преступленія, отыскать такой волосъ и передать для изслѣдованія врачу или микроскописту. Обладая такими научно обработанными по этому вопросу трудами, какъ напр. д-ра Эмиля Пф а ф ф а: «Das menschliche Haar etc.», мы въ правѣ дѣлать по даннымъ изслѣдованій выводы, далеко не безразличные для дѣла. Было бы безцѣльно, конечно, перечислять здѣсь всѣ результаты научныхъ изслѣдованій по этому вопросу, и я постараюсь, руководствуясь названной книгой и трудами Ф. Л. Зонненшейна и д-ра Алекс. Классена ¹⁾, д-ра Гофмана ²⁾, д-ра Эстерлена ³⁾, Машка ⁴⁾ и др., изложить здѣсь, въ чемъ

¹⁾ Handbuch der gerichtl. Chemie. 1869.

²⁾ Lehrb. d. gerichtl. Medizin.

³⁾ Das menschl. Haar und seine gerichtsarztl. Bedeutung. 1874.

⁴⁾ Hdb. d. ger. Medizin. 1881.

именно микроскопистъ можетъ быть полезнымъ С. С., изслѣдуя волосы, имѣющіе значеніе для дѣла.

Прежде всего должно отмѣтить, что человѣческіе волосы обладаютъ въ высокой степени способностью всасывать газообразныя вещества, запахи и т. п. и удерживать ихъ довольно долгое время. Эта способность имѣетъ очень важное значеніе, если дѣло идетъ о томъ, былъ ли извѣстный человѣкъ, — безразлично, живой или умершій, — въ такомъ мѣстѣ, которое отличается особеннымъ запахомъ или насыщено какими-либо газами. Но такъ какъ все-таки волосы въ послѣдствіи теряютъ запахи, то необходимо тотчасъ же произвести изслѣдованіе, а если это невозможно, то принять мѣры къ тщательному сохраненію ихъ (волосы, конечно, должны быть взяты въ достаточномъ количествѣ). Для этого С. С. долженъ помѣстить ихъ въ безусловно чистомъ сосудѣ, по возможности небольшомъ и герметически закупоренномъ. Что сосудъ долженъ быть, какъ и вообще во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, безусловно чистъ, понятно само собой, а что онъ долженъ быть невеликъ, вытекаетъ изъ того, что иначе волосы могутъ лишиться всосанныхъ газовъ. Закупорка же препятствуетъ выдѣленію этихъ газовъ. Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ лучше всего взять возможно большее количество волосъ совершенно чистыми руками и помѣстить ихъ въ стеклянку тонкаго стекла съ герметически закупоривающейся пробкой, или въ жестянку, и въ крайнемъ случаѣ въ обыкновенную бутылку. Стеклянная или пробковая затычка, а равно и внутренняя поверхность жестяной крышки должны быть смазаны абсолютно чистымъ саломъ, которое не только способствуетъ герметической закупоркѣ, но и всасываетъ отдѣляющіеся отъ волосъ газы и поэтому само можетъ служить предметомъ изслѣдованія. Въ данномъ случаѣ С. С., подобно эксперту, долженъ съ самою педантичною точностью описывать всѣ свои дѣйствія. Тогда только экспертъ можетъ провѣрить его дѣйствія и убѣдиться въ томъ, что въ нихъ не заключается ничего, подрывающаго достовѣрность его, эксперта, изслѣдованій. Тогда никто не позволитъ себѣ произнести столь нерѣдкаго упрека по адресу С. С.: «да кто его знаетъ, какъ онъ тамъ дѣйствовалъ».

Если волосы помѣщены въ жестянкѣ, то, если можно, слѣдуетъ припаять крышку, не накаливая, однако, самой жестянки и содержимаго. Послѣ этого все передается эксперту, и сообщаются при этомъ всѣ относящіяся къ дѣлу мельчайшія подробности, на обязанности же эксперта лежитъ опредѣленіе, имѣютъ ли волосы запахъ, напр. дыма, духовъ, какихъ-нибудь ядовитыхъ паровъ, характерныхъ запаховъ и т. п.

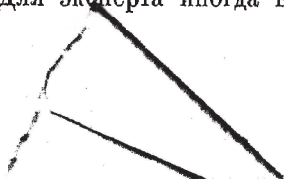
Другая, не менѣ важная задача эксперта можетъ заключаться въ томъ, чтобы волосы, найденные на мѣстѣ преступленія или на другомъ подозрительномъ мѣстѣ, изслѣдовать для опредѣленія, могутъ ли они принадлежать извѣстному индивидууму. Довольно часты случаи, когда въ рукахъ убитаго находятъ волосы, вырванные жертвою во время борьбы изъ головы или бороды убійцы. Такъ бываетъ даже чаще, чѣмъ думаютъ, и случаи эти были бы еще болѣе частыми, если бы всегда со всей тщательностью осматривали руки убитаго. Всякому извѣстно, съ какой возмутительно небрежностью полицейскіе служители, даже самые лучшіе изъ нихъ, и приглашенные понятые осматриваютъ руки убитаго и, быть можетъ, почти всегда стираютъ находящееся на нихъ. Пучки волосъ толщиной въ палецъ, конечно, не могутъ быть незамѣченными, но обыкновенно въ рукахъ мертвыхъ такихъ пучковъ не бываетъ, а отдѣльные волосы при небрежномъ обращеніи безслѣдно теряются. Поэтому, осмотръ рукъ долженъ производиться С. С. и экспертомъ и при томъ съ возможною тщательностью. Принятіе мѣръ къ сохраненію всего обнаруженнаго должно слѣдовать тотчасъ же и съ самую педаантичную заботливостью: волосы завертываются въ лучшую и чистую бумагу и при томъ въ два слоя. На первой оберткѣ тотчасъ же записывается, гдѣ, какъ и кѣмъ волосы были найдены. Недостаточно написать такъ: «волосъ, найденный въ правой рукѣ N. N.», но должно отчетливо описать и бывшее положеніе волоса: «между большимъ и указательнымъ пальцами», или «въ косомъ направленіи поверхъ тыльной поверхности руки отъ основанія указательнаго пальца внутрь». Лучше всего при этомъ начертить хотя бы самый примитивный рисунокъ, а это очень легко сдѣлать, если С. С., положивъ кисть руки съ раздвинутыми пальцами на бумагу, обведетъ контуры ея карандашомъ. Были ли согнуты при этомъ пальцы убитаго, или нѣтъ, для дѣла въ данномъ случаѣ безразлично: достаточно очертанія кисти, на которой было бы указано простой чертой относительное положеніе и длина волоса. Такой именно умышленно примитивный чертежъ кисти изображенъ и на рис. 3, который, однако, каждому даетъ болѣе точное представленіе, нежели самое подробное описаніе.

Для эксперта иногда важно знать, гдѣ находился корень и гдѣ

Рис. 3.

Положеніе волоса въ рукѣ убитаго (рисунокъ умышленно примитивный).

свободный конецъ волоса. Это можно наглядно указать двоякимъ путемъ. Если данный волосъ слѣдуетъ сохранить такъ, чтобы никто къ нему не касался (напр., если на немъ имѣются слѣды крови), то слѣдуетъ положить волосъ на листокъ бумаги и двумя поперечными полосками бумаги прикрѣпить его къ этому листку (рис. 4); полоски эти смазываются клеемъ только на концахъ, чтобы не запачкать волоса, затѣмъ дѣлается набросокъ кисти по образцу рис. 3, и концы волоса на листкѣ и на чертежѣ обозначаются однѣми и тѣми же буквами; тогда будетъ ясно, какъ лежалъ волосъ на самомъ дѣлѣ (рис. 5). Если же нѣтъ надобности такъ бережно обращаться съ волосомъ, то С. С. самъ можетъ опредѣлить, гдѣ корень и гдѣ свободный конецъ его, употребляя для этого тѣ же

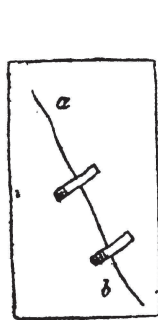

Рис. 4.

Способъ сохраненія найденнаго волоса.

Рис. 5.

Чертежъ, дополнительный къ рис. 4-му.

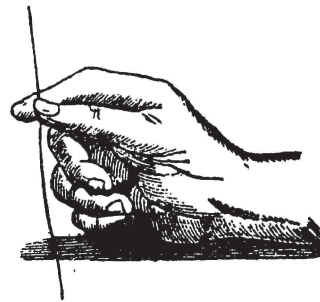

Рис. 6.

Способъ обнаружить корень и свободный конецъ волоса.

приемы, къ которымъ прибѣгаютъ парикмахеры, изготовляя парики или подвязныя косы. Волосъ осторожно берется кончиками двухъ пальцевъ: большого и указательнаго (рис. 6) такъ, чтобы волосъ находился въ перпендикулярномъ положеніи. (Само собой понятно, что предварительно былъ слѣланъ чертежъ, изображающій положеніе волоса въ моментъ нахождения его на трупѣ). Оставляя затѣмъ указательный палецъ безъ движенія, конецъ большого пальца передвигаютъ вверхъ и внизъ вмѣстѣ съ волосомъ: въ какую сторону направится волосъ, тамъ будетъ и его корень. Значить, если волосокъ пойдетъ вверхъ, то и корень вверху, и наоборотъ: *такимъ способомъ между пальцевъ всегда очутится именно свободный конецъ волоса.*

Это объясняется тѣмъ, что каждый волосокъ, какъ это изображено на рис. 7, имѣетъ кожицу, состоящую изъ очень тонкихъ ро-

говыхъ чешуекъ, закругленныя верхушки которыхъ всѣ обращены къ свободному концу волоса. Поэтому волосъ, приведенный въ движеніе между двумя пальцами, вслѣдствіе того, что его чешуя зацѣпляется за кожицу пальцевъ, передвигается по чешуѣ, а не противъ нея, почему корень и *удаляется* отъ пальцевъ. Когда такимъ способомъ определено, гдѣ свободный конецъ и гдѣ корень, то на рисункѣ дѣлаются отмѣтки (на рис. 4-мъ *a*—конецъ и *b*—корень).

Если будетъ найдено нѣсколько волосъ, то способъ этотъ примѣняется къ каждому изъ нихъ, и *каждый* волосокъ (если они не склеены кровью) помѣщается отдѣльно и при томъ *тотчасъ же*. Никогда не слѣдуетъ полагаться на свою память: она слишкомъ часто измѣняетъ намъ, въ особенности если находишься въ возбужденномъ состояніи духа и подавленъ массой разнообразнѣйшихъ впечатлѣній.

Важную роль имѣетъ изслѣдованіе волосъ въ преступленіяхъ противъ нравственности. Приведенные въ учебникахъ два примѣра заимствованы изъ дѣлъ о скотоложствѣ. По одному дѣлу между крайнею плотью и головкой полового члена лица, заподозрѣннаго въ совокупленіи съ лошадыю, найденъ былъ при осмотрѣ лошадиный волосокъ. Въ другомъ же дѣлѣ женщина обвинялась въ совокупленіи съ собакой: при тщательномъ осмотрѣ ея лобковыхъ волосъ найденъ былъ между ними черный собачій волосъ.

Подобные случаи могутъ быть и при изнасилованіяхъ, такъ какъ при половомъ сношеніи, особенно если оно сопровождается рѣзкими порывистыми движеніями, волосы съ лобковыхъ частей одного лица могутъ попасть въ волосы другого и вслѣдствіе нечистоплотности многихъ остаться тамъ весьма продолжительное время. Поэтому въ такихъ дѣлахъ можно вообще рекомендовать производить тщательнѣйшій осмотръ половыхъ частей какъ обвиняемаго, такъ и потерпѣвшей и въ случаѣ нахождения постороннихъ волосъ производить изслѣдованіе ихъ черезъ экспертовъ.

Существенной уликой является каждый волосъ, если можно доказать, что онъ принадлежитъ именно виновному, хотя бы послѣдній и не былъ обнаруженъ. П ф а ф ф ь ¹⁾ передаетъ слѣдующій, въ

Рис. 7.

Человѣчскій волосъ въ увеличенномъ видѣ.

¹⁾ „Das menschliche Haar“. Leipzig. 1866.

высокой степени поучительный, случай. Въ темную ночь одинъ мужчина подвергся нападенію со стороны какого-то незнакомаго человѣка и получилъ тяжкія поврежденія. Злоумышленникъ, личность котораго установить оказалось невозможнымъ, во время бѣгства потерялъ свою шапку, которая и была тщательно осмотрѣна при слѣдствіи. Найденные въ ней волосы были переданы судебному врачу для микроскопическаго изслѣдованія. Пфафъ обнаружилъ при изслѣдованіи, что волосы имѣли сѣроватый цвѣтъ, но въ сердцевинѣ своей заключали многочисленныя, какъ смоль черныя, пигментныя клѣточки, изъ чего выяснилось, что волосы принадлежали сплному брюнету, у котораго стала появляться сѣдина. Затѣмъ оказалось, что волосы за нѣсколько дней до совершенія преступленія были острижены. Кромѣ того, корни волосъ были сильно атрофированы, это указывало на то, что волосы, по всей вѣроятности, росли на краю образующейся лысины, при чемъ, судя по слѣдамъ сильнаго пота на этихъ волосахъ, можно было предположить, что мужчина предрасположенъ къ полнотѣ. Экспертъ-микроскопистъ такъ опредѣлилъ личность того, которому принадлежали волосы: «это былъ сильный, предрасположенный къ полнотѣ мужчина среднихъ лѣтъ, черноволосый, слегка посѣдѣвшій, съ начинающейся лысиной и недавно остриженный».

Такихъ точныхъ опредѣленій можно достигнуть во многихъ случаяхъ, не слѣдуетъ только бояться труда и расходовъ. Случай, когда обвиняемый въ бѣгствѣ или при борьбѣ теряетъ свою шапку, довольно нерѣдки, и шапка эта представляется въ судъ, но часто ли производятъ внимательный осмотръ этой шапки и приставшихъ къ ней волосъ, и часто ли волосы эти передаются для изслѣдованія опытному эксперту?

Не менѣе важно микроскопическое изслѣдованіе и въ томъ случаѣ, когда вслѣдствіе гнилости найденнаго трупа нельзя опредѣлить личность, кому принадлежитъ трупъ, ни по возрасту, ни по тѣлосложенію и т. п. Если только существуетъ подозрѣніе о насильственной смерти этого лица, то обязательно слѣдуетъ снять съ трупа пучекъ волосъ и передать ихъ для изслѣдованія микроскописту.

Что касается вопроса о томъ, что же именно можетъ найти и о чемъ заключить микроскопистъ по волосамъ, то прежде всего онъ въ состояніи отличить съ достовѣрностью волосообразныя волокна отъ волосъ и волосы животныхъ отъ человѣческихъ волосъ. Затѣмъ онъ съ точностью можетъ опредѣлить мѣсто на тѣлѣ человѣка, на

которомъ росъ изслѣдуемый волосъ. Учебники—вслѣдъ за Пфаффомъ¹⁾—указываютъ намъ всѣ отличительные признаки волосъ разнаго рода (волосы на головѣ мужчины и женщины, брови, ресницы, волосы въ носу, на наружной сторонѣ руки, на предплечьи, въ ушахъ, въ бородѣ, на усахъ, въ подмышкахъ, на груди, въ подложечной ямкѣ, на пупочной сторонѣ брюха мужчины, затѣмъ волосы на бедрахъ и голеняхъ, на подъемѣ ноги, на половыхъ органахъ, въ заднепроходномъ отверстіи, на заднепроходномъ швѣ и мошонкѣ). Всѣ эти волосы имѣютъ опредѣленные отличительные признаки, исключающіе возможность ошибки. Такимъ образомъ всегда можно эксперту поставить вопросъ о томъ, на какомъ мѣстѣ Человѣческаго тѣла росли тѣ или другіе волосы.

Такимъ же путемъ, но въ болѣе общихъ чертахъ, можно опредѣлить по волосамъ и возрастъ Человѣка. Это особенно легко, если волосы найдены съ корнями, такъ какъ эти корни, чѣмъ моложе обладатель ихъ, тѣмъ легче растворяются въ ѣдкомъ кали. Корни волосъ, принадлежащихъ дѣтямъ, растворяются немедленно, между тѣмъ какъ корни волосъ стариковъ растворяются часто въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Если имѣются нѣсколько волосъ отъ одного и того же лица, то опыты могутъ быть произведены болѣе точные, а именно можно опредѣлить среднюю продолжительность растворимости корней. Затѣмъ изслѣдуется, у какихъ людей, возрастъ которыхъ извѣстенъ, средняя степень продолжительности растворимости корней волосъ одинакова съ найденною, и такимъ путемъ приблизительно опредѣляется возрастъ даннаго лица.

Кромѣ описаннаго, имѣются еще другіе способы опредѣлить возрастъ, а именно: по степени уменьшенія пигментныхъ клѣточекъ въ мозговой ткани волосъ и по образующимся вслѣдствіе этого пробѣламъ, изъ чего можно заключить, напр., принадлежить ли совершенно сѣдой волосъ молодому Человѣку, преждевременно посѣдѣвшему, или дѣйствительно состарѣвшемуся Человѣку. Волосы на половыхъ частяхъ молодыхъ дѣвушекъ оканчиваются острымъ концемъ, у пожилыхъ женщинъ съ булавовиднымъ концемъ, волосы подъ мышками у молодыхъ людей бываютъ тонки, въ болѣе же зрѣломъ возрастѣ достигаютъ діаметра 0,15 мм. и болѣе. Такимъ

¹⁾ I. Пинкусъ („zur Diagnose des ersten Stadiums der Alopecie“ въ Архивѣ Вирхова 1866 г. т. 37, п. 18) обращаетъ вниманіе на то, что каждый Человѣкъ, кромѣ нормальныхъ волосъ съ обычными остриженными концами, имѣетъ и такіе, которые вырастаютъ послѣ и или дѣлаются длинными или выпадаютъ; такъ какъ волосы съ тонкими концами легко выпадаютъ, то надо это имѣть въ виду,—если по дѣлу будетъ имѣть значеніе время острижки волосъ.

образомъ эксперт-микроскопистъ, кромѣ вышеописаннаго способа съ примѣненіемъ кали, можетъ еще инымъ путемъ опредѣлить возрастъ лица, которому принадлежать найденные волосы. Кромѣ того, какъ мы видѣли изъ вышеприведеннаго примѣра Пффаффа, экспертъ можетъ съ большею или меньшею достовѣрностью отыскать еще и другія характерныя особенности въ изслѣдуемыхъ волосахъ. Смотря по обстоятельствамъ, онъ можетъ сказать кое-что и объ уходѣ за волосами (объ употребленіи извѣстной помады, средства окраски волосъ и т. д.), что иногда можетъ имѣть для дѣла значеніе.

Затѣмъ микроскопическимъ путемъ мы можемъ по внѣшнему виду волосъ опредѣлить, выпали ли волоса произвольно, или были вырваны, острижены, или отщеплены,—что также можетъ имѣть въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшающее для дѣла значеніе. Такъ напр., при ранахъ на головѣ объ орудіи, которымъ онѣ были причинены, можно судить лучше всего по характеру поврежденій волосъ, лучше, нежели по самымъ ранамъ. Поэтому въ случаѣ поврежденій головы, если орудіе неизвѣстно, то слѣдуетъ предлагать судебному врачу и волосы для микроскопическаго изслѣдованія на предметъ опредѣленія характера орудія. Точно также и въ другихъ важныхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ С. С. всегда долженъ обращать вниманіе и предлагать соотвѣтственные вопросы врачу, если имъ будетъ замѣчено что-либо необычное въ отношеніи волосъ, напр. при вскрытіяхъ, вырытіи труповъ изъ могилъ. Такъ, при отравленіи ртутью, мышьякомъ и нѣкоторыми наркотическими веществами, сопровождающимися разложеніемъ крови, волосы, въ особенности на половыхъ органахъ, легко отдѣляются отъ кожи.

Волосы являются весьма важнымъ вещественнымъ доказательствомъ еще и потому, что они весьма долгое время не подвергаются гніенію. Подтвержденіе этого, однако, не слѣдуетъ видѣть въ муміяхъ и вообще забальзамированныхъ трупахъ, которые находятся въ склепахъ или иныхъ хорошо устроенныхъ помѣщеніяхъ, такъ какъ волосы на нихъ сохраняются именно благодаря особымъ благоприятнымъ условіямъ, которыя одинаково способствуютъ и сохраненію другихъ, вообще довольно быстро разрушающихся, частей тѣла: кожи, тканей, мускуловъ и т. п. Волосы же именно при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ для сохраненія трупа остаются совершенно цѣлы. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда ставится вопросъ, вырывать ли трупъ изъ могилы ¹⁾, или же эта мѣра пред-

¹⁾ Ср. Коппэ въ „Arch. d'anthropol. crim. VII, 34.

сказывается безцѣльной въ виду давности смерти, то извлеченіе изъ могилы слѣдуетъ признать обязательнымъ въ томъ случаѣ, если микроскопическое изслѣдованіе волосъ можетъ дать важныя для дѣла доказательства (напр. для установленія личности и т. п.). Если, значить, съ момента смерти не прошло слишкомъ много времени, то при благоприятныхъ условіяхъ почвы можно всегда считать на то, что волосы сохранились. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что волосы молодыхъ людей скорѣе подвергаются разложенію, чѣмъ волосы старыхъ людей, что темные волосы лучше сохраняются, чѣмъ свѣтлые, и что головные волосы лучше другихъ противостоятъ порчѣ, слабѣе же всѣхъ оказываются волосы на половыхъ органахъ. Д-ръ Павелъ Гудеръ ¹⁾ обращаетъ наше вниманіе еще и на то, что волосы, соприкасающіеся съ гнѣющими частями, значительно измѣняются въ цвѣтѣ, по меньшей мѣрѣ свѣтлѣютъ, а иногда темнѣютъ. Это наблюденіе можетъ имѣть серьезное значеніе при установленіи личности убитаго. Такъ, Касперъ-Лиманъ (т. II, стр. 106) отмѣчаетъ одинъ случай, когда на одномъ трупѣ, вырытомъ изъ могилы спустя 11 лѣтъ послѣ смерти, волосы умершаго настолько измѣнились, что приглашенные родственники не признали бы его, если бы только вставные зубы покойника не устранили всякое сомнѣніе ²⁾.

По этому поводу слѣдуетъ упомянуть, что на разложеніе трупа вліяютъ не только температура, обстановка и т. под., но и весьма существенно индивидуальныя особенности умершаго, такъ что заключеніе о времени смерти на основаніи трупнаго разложенія слѣдуетъ давать съ большою осторожностью ³⁾. Гораздо большее значеніе для опредѣленія времени смерти имѣетъ появленіе извѣстныхъ личинокъ насѣкомыхъ, трупныхъ червей ⁴⁾.

Однако, какъ бы ни былъ великъ успѣхъ микроскопическихъ работъ въ научной области, юристъ-практикъ въ наиболѣе отвѣтственныхъ случаяхъ не долженъ слѣпо полагаться на выводы экспертовъ, особенно тогда, когда дѣло идетъ о сличеніи волосъ, найденныхъ въ третьемъ мѣстѣ, съ волосами извѣстнаго лица, т. е. о томъ, принадлежатъ ли эти волосы данному лицу. Безспорны выводы

¹⁾ Compendium d. gerichtl. Medizin.

²⁾ Ср. Руд. Вирхова „Die Kopfhaare in prähistor. Gräbern“, онъ говоритъ, что совершенно черные волосы въ относительно короткое время могутъ порыжѣть и даже сдѣлаться свѣтлыми.

³⁾ Эммерта. Jahrb. d. gerichtl. Medizin. 1900. Лейпцигъ.

⁴⁾ П. Мегвина. De l'application de l'entomologie. Gaz. hebdomad. 1883. 29 и La faune des cadavres. Парижъ. 1894.

микроскописта лишь отрицательнаго характера, а такъ какъ такіе выводы по преимуществу знаменуютъ собой признаніе невинности того или другого лица, то и въ нихъ мы должны видѣть высшее и отраднѣйшее торжество науки. Микроскопистъ въ состояніи съ полною достовѣрностью сказать, что зажатые въ рукѣ убитаго гладкіе и бѣлокурые волосы не принадлежатъ заподозрѣнному, голова котораго покрыта черными и курчавыми волосами, и вопросъ этотъ тогда долженъ быть признанъ исчерпаннымъ.

Не съ такою увѣренностью экспертъ можетъ опредѣлить тождественность волосъ ¹⁾,—ибо въ отношеніи всякаго предмета не тождественныхъ ему безчисленное количество, а тождественныхъ только одинъ. Кромѣ того сличеніе осложняется всевозможными случайностями, криминалисту же болѣе, чѣмъ кому либо другому, извѣстно, какую роль въ нашей жизни играетъ случай. Не такъ давно произошло убійство одной старой женщины, занимавшейся выдачей ссудъ подъ залогъ. Въ рукѣ убитой оказались три волоса, очевидно вырванные ею во время отчаянной борьбы. Подозрѣніе упало на сына старухи, вслѣдствіе чего эти волосы и часть волосъ сына были подвергнуты микроскопическому изслѣдованію. Эксперты, — ихъ было два, — составившіе себѣ почетную извѣстность въ своей сферѣ, отнеслись къ дѣлу съ полнымъ усердіемъ, примѣнили всѣ средства, которыя давала имъ наука, и представили слѣдующее заключеніе. Три волоса, найденные въ рукѣ убитой, были длиной 6—7 сант., темнокаштановаго цвѣта, оказались вырванными съ корнемъ и могли принадлежать мужчинѣ въ возрастѣ отъ 20 до 40 л. Подъ микроскопомъ два изъ нихъ имѣли каштановый цвѣтъ, а третій—исчернокаштановый, — что было замѣтно даже простымъ глазомъ. Къ корню этотъ послѣдній волосъ былъ каштановый, на 1½ сант. далѣе—черный, затѣмъ опять каштановый, и къ свободному концу послѣдніе 1½ сант. волосъ имѣлъ черный цвѣтъ. Это обстоятельство было признано экспертами изъ ряда выходящимъ и крайне рѣдкимъ. Затѣмъ были отрѣзаны съ головы заподозрѣннаго волосы съ различныхъ мѣстъ (у самого корня); онъ былъ 29 лѣтъ отъ роду; по изслѣдованію волосы его оказались длиной 6—7 сант., темнокаштановаго цвѣта, и по микрометрическомъ измѣреніи оказались одинаковой толщины съ волосами, найденными въ рукѣ убитой. Затѣмъ были сосчитаны волосы и оказалось, что двѣ трети волосъ подъ микроскопомъ

¹⁾ Гаазъ: Der Todschatlag bei R... u. s. w. Vierteljahrsschrift f. ger. Med. XXIII т. стр. 1.

имѣли каштановый цвѣтъ, а одна треть была такого же смѣшаннаго цвѣта, какъ третій волосъ, т. е. черный и каштановый. Тѣмъ не менѣе сынъ, не смотря на подавляющіе результаты экспертизы, оказался невиновнымъ въ убійствѣ своей матери, и когда впоследствии былъ обнаруженъ дѣйствительный убійца старухи, то по странной и поразительной случайности оказалось полное тождество между волосами его и сына убитой. Этотъ примѣръ доказываетъ, что даже исключительно рѣдкое сходство изслѣдуемыхъ волосъ не можетъ еще быть признано за тождество ихъ. Вообще почти каждый человекъ имѣетъ на головѣ нѣкоторую часть волосъ, по цвѣту совершенно отличныхъ отъ остальныхъ волосъ; такъ у блондина можно почти всегда найти нѣсколько темныхъ волосъ. Я знаю одну даму, имѣющую густые, волнистые и мягкіе волосы, но на одномъ мѣстѣ головы, гдѣ имѣется рубецъ давно зажившей раны, выросли волосы жесткіе, прямые и болѣе свѣтлаго цвѣта. И никто бы не повѣрилъ, что волосы, взятые для сличенія съ этого мѣста (бывшей раны) головы и съ другихъ частей ея принадлежать одному лицу.

Д-ръ Гудеръ, о которомъ мы уже говорили, обращаетъ особое вниманіе на то обстоятельство, чтобы при сличеніи волосъ не забывали о возможности окрашиванія волосъ; чтобы обнаруживать это, полезно промыть волосы въ водѣ, въ разведенной соляной кислотѣ, въ селитряной кислотѣ, или хлористой водѣ.

д) Въ остальныхъ случаяхъ медицинскаго свойства.

Кромѣ описанныхъ случаевъ примѣненія микроскопа, С. С. встрѣчаетъ надобность въ микроскопическихъ изслѣдованіяхъ и въ другихъ многочисленныхъ случаяхъ, стоящихъ въ связи со вскрытіями труповъ или освидѣтельствowanіями потерпѣвшихъ. Если напр. необходимо выяснитъ, находилось ли извѣстное лицо въ пыльной, дымной, или иной насыщенной атмосферѣ, или въ загрязненной чѣмъ либо водѣ, то микроскопическое изслѣдованіе легкихъ (часто и волосъ) почти всегда прольетъ свѣтъ на эти вопросы. Точно также микроскопическое изслѣдованіе содержимаго желудка (въ видѣ рвоты, или добытаго вскрытіемъ) можетъ весьма часто быть болѣе цѣлесообразнымъ, нежели химическій анализъ,—напр. когда требуется опредѣлить пищу, которую принимало извѣстное лицо, или когда совершилось отравленіе посредствомъ извѣстныхъ ядовъ, именно растительныхъ ядовъ, присутствіе которыхъ по какимъ бы то ни было причинамъ не можетъ быть открыто

химическимъ путемъ. Впрочемъ новѣйшая литература оказываетъ намъ въ этомъ отношеніи помощь, сообщая о такихъ открытіяхъ, о которыхъ ранѣе и думать нельзя было. Такъ въ настоящее время можно (впрочемъ біологическимъ путемъ) отличить человѣческія кости отъ костей животныхъ ¹⁾ а въ одномъ случаѣ умѣлое микроскопическое изслѣдованіе ²⁾, установивъ различіе между сливами маринованной и вареной, послужило основаніемъ къ прекращенію возбужденнаго уголовнаго преслѣдованія. Я твердо убѣжденъ, что если бы содержимое желудка умершихъ «загадочною» смертью или даже «собственной смертью» подвергалось *микроскопическому* изслѣдованію, то обнаруживалось бы значительное число убійствъ посредствомъ отравленія. Если же мы примемъ въ соображеніе, какое огромное количество ядовитыхъ растений свободно растутъ повсюду, какъ мало они извѣстны, и что только у немногихъ изъ нихъ опредѣлены алкалоиды, то мы должны согласиться съ тѣмъ, что такія растенія употребляются съ преступною цѣлью гораздо чаще, чѣмъ мы думаемъ и знаемъ.

Древній ботаникъ Діоскоридъ изъ Анацарбоса заключаетъ свое сочиненіе, въ которомъ перечислено нѣсколько сотенъ растеній, такими словами: «кромѣ упомянутыхъ мною, еще много другихъ растеній растутъ на поляхъ и въ лѣсахъ, около плетней и заборовъ, но никто не въ состояніи ихъ назвать, и я лично ихъ также не назову». То же самое спустя 2000 лѣтъ мы должны сказать относительно ядовитыхъ растеній.

Если мы возьмемъ въ руки самое лучшее руководство по токсикологій, или о растительныхъ ядахъ, или по судебной химіи, то мы встрѣтимъ перечисленіе множества ядовитыхъ растеній, относительно которыхъ сказано: «установить присутствіе ихъ въ организмѣ человѣка возможно *только* «микроскопически-ботаническимъ путемъ», т. е. въ испражненіяхъ и кишкахъ отыскать растительныя частицы, микроскопически ихъ изслѣдовать и затѣмъ предъявить ботаникамъ. Укажемъ на нѣкоторыя изъ ядовитыхъ растеній: болиголовъ водяной (*Wasserschierling*, *Cicuta virosa*) собачья петрушка (*Hundspetersilie*, *Aethusa cynapium*), виноцвѣтъ или пустоселъ (*Rebendolde*, *Oenanthe crocata*), ржаные рожки (*Mutterkorn*, *Secale cornutum*), черный морозникъ (*Swarse Niesswurz*, *Helleborus niger*), *Sebenbaum* (*Juniperus sabina*), всѣ ядовитые грибы и т. д. Всѣ

¹⁾ Беумеръ. *Ztschft f. medizinalbeamte*. 1902. № 23.

²⁾ Миновичи. въ „*Vierteljahrshft f. der. Med.*“ XXIII, 3.

эти растенія водятся вездѣ и въ большомъ количествѣ, и во время одной прогулки можно добыть яду, достаточнаго для умерщвленія многихъ людей.

Микроскопическое обнаруженіе присутствія ядовъ въ большинствѣ случаевъ не составляетъ затрудненій, если растеніе было принято въ цѣломъ видѣ, напр. вмѣстѣ съ какими нибудь овощами, или въ качествѣ отдѣльнаго блюда, напр. ядовитые грибки, такъ какъ присутствіе его обыкновенно легко обнаруживается въ желудкѣ, въ кишкахъ, въ изверженіи и т. п. Если же ядъ былъ принятъ въ видѣ отвара, то все-таки при помощи фильтрованія можно найти частицу растенія, болѣе крупную. Большая часть ядовитыхъ растеній имѣютъ столь характерный видъ, что для микроскописта и ботаника довольно небольшой части, кусочка листка, или коры для опредѣленія его. (См. главу 5, § 6 и главу 17, § 6). Иногда бываетъ важно установить наличность признаковъ грудного женскаго молока. Такъ, Эммертъ ¹⁾ рассказываетъ случай, когда ему удалось доказать роды, происшедшіе за три мѣсяца тому назадъ только розыскавъ въ грязномъ бѣльѣ сорочку, снятую за три мѣсяца; на сорочкѣ этой въ мѣстѣ, соответствующемъ груди, найдены были путемъ микроскопическаго изслѣдованія слѣды женскаго молока.

О микроскопическомъ изслѣдованіи огнестрѣльнаго оружія и снарядовъ см. главу 11 и § 7 настоящей главы.

е) при подлогахъ документовъ.

Въ дѣлахъ о подлогахъ документовъ первая мѣра, по возникновеніи дѣла, есть микроскопическое изслѣдованіе того письменнаго документа, относительно котораго предъявлено обвиненіе въ подлогѣ. Такое изслѣдованіе не сопряжено съ порчей документа и во всякомъ случаѣ ведетъ прямо къ цѣли. Всякія манипуляціи, продѣланныя съ бумагой, подчистки, смачиваніе, выжиганіе, незамѣтныя невооруженному глазу, выступаютъ подъ микроскопомъ съ поразительной ясностью. Также быстро подъ микроскопомъ обнаруживается различіе въ качествѣ бумаги (если напр. къ документу подшить подложный листъ, по внѣшности одинаковый), поддѣланная печать, поддѣланныя фабричныя на бумагѣ клейма, поддѣланныя искусственно пятна, искусственная желтизна бумаги и т. д.—все

¹⁾ Эммертъ. Lehrb. d. gerichtl. Medizin. 1900. Lpzg. Ferrando e Gianelli „sulla coagulazione dei latte umano“. Riforma medica XVII № 220.

это тотчас же обнаруживается подъ микроскопомъ. Для простаго глаза чернила подлиннаго документа и подложнаго представляются совершенно одинаковыми, между тѣмъ подъ микроскопомъ разница становится столь ясной, что потомъ ее можно отличать и глазомъ. Можно даже судить о качествѣ пера, т. е. было ли оно остро и врѣзывалось въ бумагу, или же имѣло тупой конецъ, легко скользящій по бумагѣ. Слова, написанныя стальнымъ перомъ, при небольшомъ увеличеніи можно отличить отъ письма гусинымъ перомъ, и также точно можно различить, былъ ли мягкій, или твердый карандашъ (см. «О подлогахъ документовъ» главу 19-ю и настоящей главы § 9).

г) при изслѣдованіи тканей и т. п.

Микроскопическое изслѣдованіе тканей и т. п. примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется установить тождество ихъ, напр. сукна, холста, нитокъ, бумаги и под. Весьма понятно, что въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ прежде спросить мнѣнія или совѣта у какого-нибудь торговца или фабриканта, на какой ткацкой фабрикѣ сработанъ извѣстный кусокъ полотна, съ какой фабрики бумага съ даннымъ клеймомъ и пр.,—если только дѣло идетъ объ обыкновенной кражѣ. Но если дѣло болѣе важное, то, конечно, заключеніе коммерсанта не можетъ считаться достаточнымъ, и тогда слѣдуетъ обратиться къ микроскописту, который по числу нитокъ на пространствѣ квадратнаго сантиметра, по плотности ихъ и способу работы можетъ опредѣлить достоинство ткани, а затѣмъ, смотря по надобности, опредѣлитъ и составъ ихъ изъ хлопчатой бумаги, льна, овечьей шерсти, шелку и т. д. Наконецъ, принявъ во вниманіе и другія побочныя обстоятельства, онъ можетъ высказать, къ какой одеждѣ принадлежитъ найденная тряпка, найденный носовой платокъ—изъ той ли самой дюжины платковъ, которая имѣется на лицо; тѣми же ли нитками шить сюртукъ заподозрѣннаго, какими и найденная вещь; изъ такой же ли хлопчатой бумаги сдѣланъ ружейный пыжъ, какая найдена при обыскѣ въ домѣ убійцы и т. д. Тамъ, гдѣ фабрикантъ сто разъ ошибется, принявъ вещь за продуктъ своего издѣлія, введенный въ заблужденіе ловкостью поддѣлки, тамъ стекло микроскописта откроетъ истину.

Случаи, въ которыхъ подобное микроскопическое изслѣдованіе можетъ быть плодотворнымъ, гораздо болѣе многочисленны, чѣмъ думаютъ. Тамъ, гдѣ необходимо установить тождество тканей, не-

достаточно ограничиться простымъ осмотромъ; хотя бы тождество это по осмотру и было «внѣ всякаго сомнѣнія», но всегда слѣдуетъ приглашать микроскописта. Кто такъ будетъ поступать, скоро убѣдится въ томъ, что непосредственное наблюденіе часто ведетъ къ ошибкамъ, и многое, «на видъ» совершенно различное, оказывается однороднымъ, и наоборотъ, кажущееся тождественнымъ является совершенно разнороднымъ.

Часто весьма важно опредѣлить тождественность нитокъ (бичевки, шнура и др.), и микроскопистъ установитъ это съ большею или меньшею степенью вѣроятности, хотя бы это былъ самый ничтожный обрывокъ, найденный на мѣстѣ преступленія. Мнѣ напоминаетъ случай изъ моей практики, въ которомъ нитка явилась въ качествѣ важнаго вещественнаго доказательства: это была нитка, которой былъ зарубцеванъ край фартука, оставленнаго воромъ на мѣстѣ преступленія. Фартукъ, изъ синенаго холста, былъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ такъ много въ рабочемъ сословіи, но нитка, которою обшиты были края его, оказалось безусловно тождественной съ нитками, найденными въ домѣ заподозрѣннаго.— Затѣмъ въ другомъ случаѣ нитка, которою была спита тетрадь одного ученика, повела за собой обнаруженіе личности трупа мальчика. По виду трупа было внѣ всякаго сомнѣнія, что мальчикъ былъ изнасилованъ, затѣмъ убитъ и спрятанъ въ лѣсу подъ кучей хвороста. Трупъ его найденъ былъ уже въ состояніи полнаго разложенія; при мальчикѣ не оказалось никакихъ учебниковъ, только въ нѣкоторомъ разстояніи отъ трупа была найдена относительно хорошо сохранившаяся школьная тетрадь его, обложка и исписанные листы которой были вырваны, очевидно, для того, чтобы не было никакихъ указаній на личность ея собственника. Только мать исчезнувшаго ребенка знала, какой ниткой она шивала послѣднюю тетрадь для сына, и представила эти нитки С. С. Микроскопическимъ изслѣдованіемъ было установлено полное тождество этихъ нитокъ съ тою ниткой, которою была спита тетрадь.— Въ третьемъ случаѣ нитка, которою были связаны зажигательные фитили (подробно объ этомъ случаѣ см. въ главѣ «О поджогахъ»), была слічена съ ниткой изъ мѣховой шапки заподозрѣннаго и послужила уликой по дѣлу.— Наконецъ, въ четвертомъ случаѣ небольшой обрывокъ нитки застрялъ въ стамескѣ, въ мѣстѣ соединенія клинка съ рукояткою: микроскопистъ далъ заключеніе, что, по всей вѣроятности, этотъ кусочекъ оторвался отъ верхняго края кармана куртки, который въ день преступленія былъ на обвиняемомъ.

Весьма полезно микроскопическое изслѣдованіе и въ тѣхъ случаяхъ, когда на бѣльѣ спороты мѣтки. Надо слишкомъ много ловкости и аккуратности со стороны воровъ для того, чтобы поставить въ этомъ случаѣ микроскописта въ затрудненіе; въ большинствѣ же такихъ случаевъ онъ въ состояніи не только удостовѣрить, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто выпарываніе, но и сказать, какія были буквы на этомъ мѣстѣ. Онъ можетъ также опредѣлить тождественность уничтоженной мѣтки съ тѣми, которыя имѣются на представленномъ ему бѣльѣ. Въ этомъ случаѣ микроскопистъ будетъ искать, предположимъ, на спорномъ носовомъ платкѣ малѣйшихъ слѣдовъ нитки, которою была сдѣлана мѣтка, а такіе слѣды окажутся всегда, особенно если платокъ этотъ ранѣе (съ мѣткой) былъ стиранъ и глаженъ, такъ что ткань и нитки нѣсколько всклоочены. Затѣмъ слѣдуетъ сличить подъ микроскопомъ найденные остатки нитки съ тѣми нитками, изъ которыхъ сдѣланы мѣтки на представленныхъ платкахъ, и тогда тождественность нитокъ можетъ быть твердо установлена.

Не требуетъ также доказательствъ и важность микроскопическаго изслѣдованія писчей бумаги въ болѣе важныхъ дѣлахъ о подлогахъ, о клеветѣ, объ угрозахъ на письмѣ, говоря короче, въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя совершаются на бумагѣ и посредствомъ бумаги. Почти всегда для этого приходится дѣлать обыскъ въ домѣ заподозрѣннаго для изытія большаго или меньшаго количества бумаги, и если при этомъ найдена будетъ такая, которая имѣетъ хотя нѣкоторое сходство съ *corpus delicti*, то должно быть предпринято микроскопическое изслѣдованіе ея. Неосновательно возражаютъ многіе, что большинство приобрѣтаетъ бумагу у одного или нѣсколькихъ торговцевъ, и что поэтому даже несомнѣнное тождество еще ничего не даетъ въ смыслѣ улики.

Дѣло въ томъ, что почти каждый, кто подготовилъ преступный документъ и затѣмъ употребилъ его по назначенію, опасается пользоваться обыкновенной продажной бумагой. Практика показываетъ, что почти во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ *corpus delicti* предъавлялся мѣстнымъ продавцамъ бумаги, отвѣтъ получался отрицательный, такъ какъ преступникъ боялся, повидимому, употребить бумагу, находящуюся въ ихъ складахъ. Почти всегда *corpus delicti* представляетъ листъ, вырванный изъ какой-нибудь тетради или книги, или вторую половину писчаго листа, первая половина котораго исписана, и т. п. Если у заподозрѣннаго удастся найти остатокъ такой бумаги, то удостовѣренное микроскопическимъ изслѣдованіемъ

тождество ея съ *corpus delicti* отнюдь не лишено доказательнаго значенія.

г) при изслѣдованіи грязныхъ пятенъ.

Относительно изслѣдованій этого рода я могу съ увѣренностью сказать, что въ нихъ именно сказывается все искусство микроскописта, такъ какъ часто выясненіе существа какого-нибудь самаго ничтожнаго и, повидимому, безразличнаго пятнышка можетъ повести къ серьезнѣйшимъ разоблаченіямъ. Съ своей стороны и С. С. можетъ обнаружить здѣсь свои способности, если сумѣетъ сохранить *corpus delicti* со всѣмъ тщаніемъ *in statu praesenti*, до послѣдняго пятна, если отъ зоркаго вниманія его не ускользаютъ даже и такія мелочи, и если онъ понимаетъ, что при участіи свѣдущаго лица эти мелочи могутъ получить цѣнное значеніе. И здѣсь можно видѣть подтвержденіе высказаннаго нами ранѣе положенія, что все искусство С. С. именно и заключается въ способности подмѣтить, уловить связь и разгадать.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ для выясненія всей полезности изслѣдованія грязныхъ и подозрительныхъ пятенъ.

а) на орудіяхъ преступленія и собственно оружіи.

Независимо отъ осмотра таковыхъ съ цѣлью обнаруженія слѣдовъ крови, необходимо обращать вниманіе также и на всѣ замѣченныя на нихъ пятна иного происхожденія. Такъ, въ практикѣ моей былъ слѣдующій случай. Одному человѣку, проходившему въ нетрезвомъ видѣ и съ руганью мимо публичнаго сада, одинъ изъ бывшихъ тамъ драгунъ саблей раскроилъ черепъ. По требованію С. С., на слѣдующее же утро у всѣхъ солдатъ мѣстной команды, отпускавшихся наканунѣ изъ казармъ, были отобраны сабли и подвергнуты микроскопическому изслѣдованію. На нихъ не было обнаружено слѣдовъ крови, но на одной изъ нихъ подъ микроскопомъ была замѣчена маленькая зазубринка и въ ней очень небольшой кусочекъ травинки, доступный глазу только при сильномъ увеличеніи. Это изслѣдованіе произведено было очень быстро, травинка оказалась совершенно свѣжая, изъ чего было ясно, что она попала туда весьма недавно. Вскорѣ драгунъ, которому принадлежала сабля, сознался въ томъ, что онъ, ударивъ человѣка, чистилъ свою саблю въ мокрой травѣ и затѣмъ отеръ ее платкомъ,—но травинка, какъ попавшая въ зазубрину, не была удалена. Этотъ случай доказы-

вааетъ, что микроскопическое изслѣдованіе не должно ограничиваться обнаруженіемъ предполагаемыхъ слѣдовъ преступленія—въ данномъ случаѣ слѣдовъ крови,—но должно распространяться на все, что только представляется необычнымъ, изъ ряда выходящимъ. Но экспертъ можетъ быть полезнымъ въ этомъ смыслѣ только при томъ условіи, если посвященъ С. С. во всѣ подробности дѣла и, насколько возможно, будетъ освѣдомленъ даже и въ томъ, что выяснится по ходу слѣдствія. Въ нашемъ примѣрѣ, если бы экспертъ получилъ указаніе искать слѣдовъ крови на сабляхъ, то онъ считалъ бы свою задачу поконченной, достигнувъ отрицательнаго результата, но такъ какъ онъ зналъ о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, то при первомъ взглядѣ на травинку онъ сообразилъ о ея происхожденіи и о томъ, какое важное значеніе она можетъ имѣть для дѣла.

Въ той же степени могутъ оказаться полезными для дѣла и обнаруженные слѣды земли, пыли, растительныя волокна, засохшія жидкости и пр. Не подлежитъ сомнѣнію, что, хотя бы С. С. и не усматривалъ на вещественныхъ доказательствахъ чего-либо подозрительнаго, онъ тѣмъ не менѣе обязанъ подвергнуть ихъ микроскопическому изслѣдованію, такъ какъ 1) подъ увеличительнымъ стекломъ можно видѣть многое, недоступное невооруженному глазу, и 2) каждый экспертъ обязанъ разобрать орудіе преступленія или оружіе на отдѣльныя части и искать подозрительныхъ пятенъ именно въ мѣстахъ соединенія частей. Такъ, напр., топоръ можетъ быть очищенъ самымъ тщательнымъ образомъ, такъ что и подъ микроскопомъ все будетъ чисто, но если снять топоръ съ рукояти, то въ ушкѣ топора и на той части рукояти, которою она входитъ въ ушко, могутъ оказаться важные для дѣла слѣды.

Приведемъ еще примѣръ. Въ мѣстности, гдѣ было сильно развито хмѣлеводство, у одного изъ самыхъ крупныхъ хмѣлеводовъ наканунѣ жатвы было срѣзано большое количество стеблей, на высотѣ около метра отъ земли, такъ что оставшіяся части стеблей засохли, и владѣлецъ потерпѣлъ убытокъ болѣе, чѣмъ на 1000 гульденовъ. Подозрѣніе пало на одного сосѣда, также занимавшагося хмѣлеводствомъ, но съ меньшимъ успѣхомъ, вслѣдствіе чего онъ съ большою завистью говорилъ о своемъ, болѣе прилежномъ и счастливомъ товарицѣ. Производившій розыски чиновникъ полиціи отобралъ у заподозрѣннаго на утро послѣ совершенія кражи карманный ножъ и передалъ его С. С. Этотъ ножъ былъ крупныхъ размѣровъ, съ весьма прочнымъ кривымъ клинкомъ такого типа, какой

обыкновенно бываетъ у садовниковъ и виноградарей. Но бросалось въ глаза то обстоятельство, что онъ былъ весьма недавно отточенъ; вообще же получалось такое впечатлѣніе, что имъ чрезвычайно удобно было подрѣзывать на ходу крѣпкіе стебли хмѣля.

Ножъ былъ переданъ судебному врачу, какъ опытному микроскописту, и ему были сообщены всѣ необходимыя свѣдѣнія. Потребовалось предварительно изслѣдовать микроскопически и самые стебли хмѣля, особенно наружный слой коры ихъ. При этомъ выяснилось, что стебли эти имѣли весьма характерные разной величины шиповидные волосики (усики). Затѣмъ были изслѣдованы образцы коры значительнаго количества растений, имѣвшихъ подобные усики, но оказалось, что всѣ они совершенно не сходственны съ волосиками хмѣля. Болѣе всего приближавшіеся по типу волосики на дыняхъ, огурцахъ и тыквахъ подъ микроскопомъ представляли рѣзкія, бросающіяся въ глаза, отличія. Тогда былъ подвергнутъ изслѣдованію ножъ, и такъ какъ наружный осмотръ не привелъ ни къ какимъ результатамъ, то были вынуты заклепки и, при осмотрѣ частей клинка, соприкасающихся съ рукоятью, на нихъ были обнаружены въ большомъ количествѣ свѣжіе усики хмѣля. Тогда не подлежало никакому сомнѣнію, что этимъ ножомъ недавно отрѣзывались стебли хмѣля.

Однажды оказалось весьма существеннымъ для дѣла заключеніе, основанное на микроскопическомъ изслѣдованіи, о томъ, что на большомъ въ видѣ ломика долотѣ имѣются слѣды толченаго кирпича. На долотѣ этомъ, на разстояніи 10—12 сант. отъ острія, было замѣчено происшедшее, повидимому, вслѣдствіе ржавчины пятно красного цвѣта, но подъ микроскопомъ это пятно оказалось ни чѣмъ инымъ, какъ слоемъ крѣпко приставшей кирпичной пыли, образовавшейся, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе того, что этимъ мѣстомъ ломикъ былъ крѣпко нажатъ на кирпичъ. При осмотрѣ же стѣны того дома, въ которомъ совершена была кража со взломомъ, оказались на ней слѣды оттиска отъ какого-то твердаго предмета. Тогда выяснилось происхожденіе этого красного пятна и то обстоятельство, что долото это служило орудіемъ преступленія.

Часто можно установить на основаніи осмотра плотничныхъ инструментовъ, какая именно работа была сдѣлана ими: такъ, при помощи лупы изслѣдуя зазубринки (щербинки) на топорахъ, большихъ ножахъ, стамескахъ, можно опредѣлить матеріаль, надъ которымъ происходила работа. Также изслѣдуя опилки на зубьяхъ пилы, можно узнать, какое дерево распилывалось. Такъ однажды при по-

мощи микроскопическаго изслѣдованія было доказано, что слѣды опилокъ на отобранной пилѣ принадлежать не вишневному дереву, а хвойному,—хотя собранная для опредѣленія кучка опилокъ едва доступна была невооруженному глазу.

Предметомъ микроскопическаго изслѣдованія можетъ служить и грязь, обыкновенно скопляющаяся подъ ногтями пальцевъ. Эта грязь можетъ дать представление о всей исторіи послѣднихъ дней извѣстнаго лица, такъ какъ она несомнѣнно составляется изъ всего, съ чѣмъ въ эти дни человѣкъ приходилъ въ соприкосновеніе. Когда приходится производить осмотръ живого человѣка, то весьма полезно, какъ можно скорѣе, эту грязь изъять и изслѣдовать.

Въ видѣ примѣра укажу на одинъ случай, когда по отношенію къ заподозрѣнному тяжкой уликой могли бы служить частицы свинца, если бы онѣ оказались у него подъ ногтями рукъ. Микроскопическое изслѣдованіе, однако, удостовѣряло присутствіе берлинской лазури подъ ногтями заподозрѣннаго (Нюрнбергъ, 1896 г., сообщено г. Шроттъ Фихтлемъ) ¹⁾.

β) состоящихъ изъ пыли.

Пыль состоитъ изъ мельчайшихъ частицъ тѣхъ предметовъ, съ которыми находятся или находились въ болѣе или менѣе тѣсномъ соприкосновеніи лица или вещи, покрытыя пылью. Ни грязь, ни пыль не суть какія-нибудь опредѣленныя тѣла: первая состоитъ изъ мелкихъ частицъ, съ которыми кто-либо (или что-либо) вступилъ въ соприкосновеніе и почему-либо удержалъ ихъ на себѣ, вторая состоитъ изъ мельчайшихъ, разсѣянныхъ тѣлъ, которыя опускаются на что-либо (или на кого-либо). Конечно, пыль можетъ заноситься вѣтромъ съ большихъ разстояній, но по преимуществу она садится съ ближайшихъ предметовъ, такъ что, опредѣливъ составныя части пыли, насѣвшей на какой-нибудь предметъ, можно узнать приблизительно, что именно находилось вблизи него.

Пыль на растеніяхъ въ какой-нибудь пустынѣ состоитъ, конечно, только изъ мельчайшихъ частицъ почвы этой пустыни и ея же растеній; пыль въ танцевальной залѣ, полной людьми, будетъ состоять изъ разсѣянныхъ тончайшихъ волоконъ, отдѣляющихся отъ платьевъ танцующихъ; пыль въ машинной мастерской состоитъ главнымъ образомъ изъ мельчайшаго металлическаго порошка, а пыль

¹⁾ Ср. Вилльбруна: „Des ongles, leur importance en médecine judiciaire“. Парижъ. 1882.

на книгахъ въ кабинетѣ ученаго, кромѣ частицъ земли, которыя вносятся обитателями на обуви, будетъ состоять преимущественно изъ тончайшихъ частицъ бумаги. Продолжая примѣры, мы должны сказать, что рабочая блуза слесаря будетъ содержать иную пыль, чѣмъ куртка мельника; пыль и сорь, собирающійся въ карманѣ школьника, будетъ существенно отличаться отъ пыли въ карманѣ аптекаря, а пыль, попадающая въ щели карманнаго ножичка какого-нибудь дэнди, будетъ, конечно, совсѣмъ не та, нежели пыль въ ножѣ бродяги. Всѣ эти примѣры я привожу изъ своей слѣдственной практики: во всѣхъ этихъ случаяхъ на указанныхъ предметахъ не слѣды преступленія отыскивались, а лишь собиралась пыль и микроскопически изслѣдовалась, и каждый разъ изслѣдованіе приводило къ даннымъ, которыя по меньшей мѣрѣ способствовали дальнѣйшимъ розыскамъ.

Такъ однажды на мѣстѣ преступленія найдена была рабочая куртка, поверхностный осмотръ которой не привелъ ни къ какимъ даннымъ относительно личности ея хозяина. Тогда куртка была вложена въ мѣшокъ изъ прочной и мягкой бумаги, хорошо закупоренный, затѣмъ по немъ били палками, насколько позволяла прочность бумаги. Спустя нѣкоторое время куртка была вынута, и собранная изъ мѣшка пыль передана микроскописту. Изслѣдованіе обнаружало, что пыль, отдѣлившаяся отъ куртки, исключительно состояла изъ тонкой древесины, вслѣдствіе чего можно было предположить, что куртка принадлежала столяру, плотнику, пильщику и под. Но такъ какъ въ пыли оказалось много частицъ клея, который плотниками и пильщиками не употребляется, то пришлось признать куртку принадлежащею столяру, что и подтвердилось вполне при дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія.

Особенно полезно бываетъ изслѣдовать пыль и сорь, скопляющійся въ карманахъ одежды въ значительномъ количествѣ и всегда замѣчательно быстро, особенно если одежда не часто выбивается и чистится. Такая пыль и сорь по составу своему можетъ свидѣтельствовать о всей жизни человѣка за все время, когда онъ носилъ эту одежду. Прежде всего, конечно, въ составъ этой пыли входятъ разсыянные волокна той матеріи, изъ которой шить карманъ, затѣмъ пыль изъ атмосферы, въ которой живетъ обладатель кармана, и которая проникаетъ въ него или непосредственно, или черезъ ткань одежды, далѣе сорь отъ предметовъ, которые кладутся въ карманъ: отъ кусковъ хлѣба, отъ табаку, отъ табачнаго кисета, отъ бумаги, отъ различныхъ металлическихъ и деревянныхъ вещей

и т. п.,—и, наконецъ, пылинки съ той руки, которая опускается болѣе или менѣе часто въ карманъ.—Все это вмѣстѣ, добытое изслѣдованіемъ, можетъ дать представленіе о занятіяхъ и ремеслѣ обладателя одежды.

Такъ же важна въ этомъ смыслѣ и пыль, собирающаяся въ щели складного ножа, т. е. щели между клинкомъ и тѣмъ отверстіемъ рукояти, въ которое вкладывается клинокъ. Кто попробуетъ разсмотрѣть свой карманный ножъ, тотъ удивится тому количеству пыли и разныхъ сориннокъ, которое тамъ скопляется. Пыль эту легко изслѣдовать подъ микроскопомъ, и она обнаружитъ, гдѣ ножъ хранился и что съ нимъ предпринималось. Такую пыль можно найти на всѣхъ вещахъ, которыя постоянно или почти постоянно носятъ при себѣ, на примѣръ: на памятныхъ книжкахъ, на бумажникахъ, на карманныхъ часахъ (какъ на наружной, такъ и на внутренней крышкахъ) и на брелокахъ. Такъ, однажды на мѣстѣ преступленія нашли оторвавшійся брелокъ (изображеніе поросенка изъ бронзы), и было доказано, что онъ принадлежалъ красильщику, бывшему соучастнику въ кражѣ. Именно микроск. изслѣдованіемъ обнаружены были въ неровностяхъ бронзовой фигурки слѣды высохшей масляной краски. Полезность изслѣдованій пыли на такихъ предметахъ обнаруживается во всѣхъ случаяхъ, когда необходимо установить личность человѣка, которому они принадлежать, или если они найдены у такихъ лицъ, которыя завѣдомо владѣютъ ими недобросовѣстно, и желательно знать ихъ собственниковъ.

Признаю, что всѣ изслѣдованія подобнаго рода не обѣщаютъ вѣрнаго успѣха, но они отнюдь не принадлежатъ къ тѣмъ «последнимъ попыткамъ», которыя иногда приходится предпринимать намъ въ состояніи полной неизвѣстности. Процентъ удачныхъ изслѣдованій будетъ достаточно высокъ, если только все зависящее отъ эксперта и С. С. будетъ сдѣлано съ возможною тщательностью, и если въ дѣлѣ имѣются иныя указанія, которыя подтверждаютъ данныя микроскопическаго изслѣдованія. Вообще относительно такихъ изслѣдованій можно сказать, что они обязательны въ дѣлахъ выдающейся важности. Они *могутъ* сопровождаться успѣхомъ, и этого вполне достаточно, чтобы признать бездѣйствіе С. С. въ этомъ отношеніи ничѣмъ неоправдываемымъ упущеніемъ. Если же такія изслѣдованія увѣнчаются успѣхомъ, то С. С. можетъ съ полнымъ правомъ этимъ гордиться.

γ) *пятна на платье и т. п.*

И въ этихъ случаяхъ изслѣдованія также по большей части ограничиваются отысканіемъ кровяныхъ и сѣмянныхъ пятенъ, но если розыски будутъ направлены и на пятна иного происхожденія, то могутъ получиться самые плодотворные результаты.

Въ болѣе серьезныхъ дѣлахъ не слѣдуетъ оставлять неизслѣдованнымъ ни одного пятна, замѣченнаго на платьѣ заподозрѣннаго лица. Въ этомъ отношеніи впечатлѣнія или сужденія предвзятыя, напр. что такое-то пятно, повидимому, давняго происхожденія или не имѣетъ отношенія къ дѣлу, не должны быть допускаемы. Дѣйствительно ли пятно весьма давняго происхожденія, объ этомъ нельзя судить невооруженнымъ глазомъ; подъ микроскопомъ же эксперта оно можетъ получить совершенно иное значеніе, нежели казалось при поверхностномъ взглядѣ. Точно также не долженъ быть предрѣшаемъ вопросъ о томъ, имѣетъ ли отношеніе то или другое пятно къ дѣлу: микроскопическій анализъ долженъ выяснитъ происхожденіе этого пятна и, если не вначалѣ, то, быть можетъ, при дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія оно можетъ оказаться имѣющимъ значеніе. Пусть даже это пятно и не имѣетъ прямого отношенія къ дѣлу, но уже одно знаніе, изъ чего состоитъ это пятно, для С. С. можетъ быть весьма полезнымъ въ дѣлѣ. Такъ, по одному дѣлу объ убійствѣ на штанахъ заподозрѣннаго было найдено большое и совершенно своеобразнаго вида пятно, настолько плотное, что матерія подъ нимъ сдѣлалась негибачею. Микроскопическимъ изслѣдованіемъ было однако выяснено, что это пятно представляетъ смѣсь золы, мелкихъ древесныхъ опилокъ и столярнаго клея, т. е. ту замазку, которою столяры обыкновенно заполняютъ трещины и неровности въ своихъ деревянныхъ издѣліяхъ. Къ дѣлу это пятно видимаго отношенія не имѣло, такъ какъ тщательными розысками на мѣстѣ преступленія не было обнаружено подобной замазки въ свѣжемъ видѣ и въ достаточномъ количествѣ. Тѣмъ не менѣе С. С. спросилъ у заподозрѣннаго о происхожденіи этого пятна и получилъ, правда не скоро и не безъ замѣшательства со стороны обвиняемаго, повидимому правдоподобное объясненіе. Однако оно было провѣрено, дѣло вслѣдствіе этого нѣсколько замедлилось, и С. С. чуть было не распорядился освободить заподозрѣннаго, какъ вдругъ оказалось, что объясненіе заподозрѣннаго о происхожденіи пятна совершенно ложно. Ясно стало, что совѣсть его нечиста, что если

бы онъ не былъ замѣшанъ въ дѣлѣ, то онъ не прибѣгнулъ бы къ выдумкѣ относительно пятна, о происхожденіи котораго онъ, можетъ быть, не имѣлъ понятія, но считалъ его не безразличнымъ для себя. Онъ не былъ освобожденъ и впослѣдствіи былъ вполне изобличенъ въ преступленіи.

Вообще относительно пятенъ на одеждѣ можно сказать то же, что мы говорили выше о грязи и пыли: опредѣленіе состава ихъ также можетъ повести къ обнаруженію, гдѣ находился обладатель платья и съ какими предметами онъ приходилъ въ соприкосновеніе. Въдѣ во многихъ уголовныхъ дѣлахъ вся задача С. С. сводится къ тому, чтобы выяснитъ, гдѣ находился обвиняемый въ известное время, обнаруженіе же состава и происхожденія грязныхъ пятенъ на его платьѣ открываетъ возможность установить по крайней мѣрѣ нѣкоторые т. сказать этапные пункты, лежавшіе на пути обвиняемаго къ цѣли. Нерѣдко микроскопическое изслѣдованіе грязныхъ пятенъ приходится предпринимать, какъ мѣру временную, за отсутствіемъ серьезныхъ данныхъ для изслѣдованія химическаго, каковое и продолжительно, и дорого стоитъ и сопряжено при томъ съ частичнымъ уничтоженіемъ изслѣдуемаго предмета (а это, конечно, часто по дѣлу недопустимо).—Микроскопическое изслѣдованіе не требуетъ разрушенія предмета или его уничтоженія, стоитъ относительно недорого, производится быстро и можетъ приводить къ результатамъ исчерпывающаго значенія. Такъ, если по дѣлу объ изнасилованіи обнаружены пятна имѣютъ видъ сѣменныхъ, то предварительно полезно изслѣдовать ихъ микроскопическимъ способомъ, такъ какъ они могутъ оказаться просто пятнами отъ клейстера или какого либо мучного блюда. Если микроскопическое изслѣдованіе не приведетъ ни къ какому положительному результату, то все же не поздно перейти къ изслѣдованію химическому.

б) грязи на обуви.

Слѣды грязи, свѣжей или засохшей, на обуви того или другого лица часто могутъ намъ указать, гдѣ было это лицо въ послѣднее время, гораздо скорѣе, нежели самые продолжительные розыски. Это можетъ быть важнымъ какъ относительно убитаго при рѣшеніи вопроса, откуда онъ пришелъ и гдѣ былъ въ послѣднее время, такъ въ одинаковой мѣрѣ и относительно заподозрѣннаго, если нужно установить, былъ ли онъ на мѣстѣ преступленія. Само собой разумѣется, что такія изслѣдованія бесполезны тамъ, гдѣ условія почвы повсе-

мѣстно одинаковы, напр. почва глинистая на пространствахъ многихъ миль, или грязь на улицахъ города. Но отказываться всегда отъ изслѣдованій въ подобныхъ условіяхъ было бы неблагоразумно, такъ какъ они все-таки могутъ совершенно неожиданно раскрыть такія данныя, которыя по крайней мѣрѣ опредѣляютъ то направленіе, въ которомъ слѣдуетъ произвести розыски. Предположимъ, что въ какомъ нибудь городѣ найденъ убитый человѣкъ; если мы затѣмъ предположимъ, что онъ не выходилъ за предѣлы города, то очевидно, что песокъ или грязь на обуви его будутъ совершенно тѣ же, какъ и на обуви прочихъ горожанъ. Но представимъ себѣ теперь, что по дѣлу чрезвычайно важно установить, гдѣ былъ въ послѣднее время этотъ человѣкъ, напр. былъ ли убитъ вблизи того мѣста, гдѣ былъ найденъ, или далеко: въ этомъ случаѣ весьма полезно подвергнуть микроскопическому изслѣдованію слѣды приставшей къ его обуви земли. Вполнѣ возможно, что въ ней окажутся такія характерныя составныя части, которыя позволяютъ сдѣлать определенное заключеніе о послѣднемъ мѣстѣ пребыванія убитого, напр. навозъ изъ конюшни, растительныя вещества, встрѣчающіяся только въ извѣстной части города, напр. частицы плодовъ изъ городскихъ аллей, минеральныя частицы отъ мостовой, имѣющей только въ одной части города, известковая пыль или кирпичныя частицы, указывающія на то, что убитый былъ на какой нибудь новой стройкѣ.

Болѣ легкими и съ большими шансами на успѣхъ представляются тѣ случаи, которые произошли въ деревнѣ, т. е. въ мѣстности, отличающейся разнообразіемъ почвы, гдѣ различны также и типы построекъ, и такимъ образомъ въ каждомъ изъ этихъ типовъ устройство половъ представляетъ какія нибудь отличительныя особенности; въ деревнѣ они не вездѣ бываютъ досчатые и къ нимъ пристають всякаго рода грязь и пыль. Въ этомъ отношеніи мнѣ извѣстны два случая, весьма похожіе одинъ на другой и оба закончившіеся успѣхомъ. Въ первомъ изъ нихъ требовалось изобличить человѣка, совершившаго кражу на мельницѣ, а во второмъ— доказать, что заподозрѣнный въ кражѣ большой суммы денегъ спряталъ ихъ въ дуплѣ ивы, которая росла на самомъ берегу рѣки.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ была подвергнута микроскопическому изслѣдованію грязь на обуви заподозрѣнныхъ лицъ, и у обонхъ изъ нихъ эта грязь оказалась состоящею изъ двухъ слоевъ, между которыми пролегалъ третій слой: у перваго это былъ слой муки, а у второго— слой мелкаго рѣчнаго песку. Первый ходилъ

въ грязныхъ сапогахъ по полу, покрытому мукой, и затѣмъ снова загрязнилъ сапоги, а второй съ грязной почвы перешолъ на песчаный берегъ рѣки, а затѣмъ опять пошелъ по грязи. И въ томъ и въ другомъ случаѣ эти промежуточные слои (хотя и весьма незначительные) были настолько отчетливы подѣ микроскопомъ, что сомнѣнiе въ нихъ было невозможно.

Третiй случай приводитъ проф. Гезерихъ (*Allgem. Photographen-Zeitung* 1896 г. Октябрь): въ пескѣ, приставшемъ къ сапогамъ одного убитаго, обнаружены были диатомовыя водоросли, и благодаря этому оказалось возможнымъ точно установить мѣсто послѣдняго пребыванiя этого человѣка.

4. О химикѣ.

По вопросу объ участii химика въ предварительномъ слѣдствii мы можемъ сказать совсѣмъ немного, такъ какъ химикъ приглашается почти въ тѣхъ же случаяхъ, въ которыхъ и микроскопистъ. Весьма часто приходится приглашать обоихъ, такъ какъ мало такихъ случаевъ чисто химическихъ изслѣдованiй, въ которыхъ химикъ не нуждался бы во время работы или до нея въ помощи лупы или микроскопа для того, чтобы облегчать, пополнять и провѣрять свою кропотливую работу. Въ свою очередь микроскопистъ въ большинствѣ случаевъ не можетъ обойтись безъ тѣхъ услугъ, которыя ему оказываетъ химiя, и намъ часто приходится разсчитывать на полезныя результаты только при совмѣстной работѣ химика и микроскописта. Вообще и относительно химика должно сказать, что къ сожалѣнiю С. С. слишкомъ мало имъ пользуются: многiя дѣла, оставшияся нераскрытыми, получили бы иной исходъ, если бы своевременно былъ приглашенъ химикъ. Теперь къ услугамъ химика прибѣгаютъ почти только въ серьезныхъ случаяхъ отравленiя и то тогда, когда въ желудкѣ умершаго будутъ замѣчены характерныя крупинки мышьяку величиною съ просiяное зерно, или специфическiй запахъ фосфора, или что-либо подобное, столь же очевидное. Но я увѣренъ, что никто не сочтетъ излишнею подозрительностью, если поставить себѣ за правило приглашать химика во всѣхъ случаяхъ внезапной смерти, когда вскрытiе не привело къ положительнымъ результатамъ, или когда смерть послѣдовала вслѣдствiе продолжительной и не имѣвшей характера естественной болѣзни, и когда въ то же время имѣются, хотя и

смутныя, указанія на уголовнонаказуемую обстановку. Если же мы примемъ въ соображеніе, что въ любомъ изъ руководствъ по судебной химіи указана масса веществъ, причиняющихъ смерть человѣку въ относительно ничтожныхъ дозахъ, что внѣшніе признаки подобной смерти выражены далеко не ясно, пока мы не имѣемъ передъ собою исторіи болѣзни и результатовъ вскрытія,— что въ то же время знанія по химіи—по крайней мѣрѣ въ извѣстной долѣ—широко распространены въ обществѣ, а самыя опасныя для жизни средства легко доступны, то остается только удивляться, что случаи отравленія столь рѣдко обнаруживаются въ наше время. Вотъ почему С. С. долженъ постоянно имѣть въ виду о возможности отравленій въ выше указанныхъ случаяхъ и вопросъ о трудностяхъ и дороговизнѣ изслѣдованія оставлять, конечно, въ сторонѣ.

При этомъ мало принимаютъ въ соображеніе обратную сторону дѣла. Нерѣдко какой-нибудь смертный случай остается не раскрытымъ, и подозрѣніе многіе годы тяготѣетъ надъ неповиннымъ лицомъ. Прилагать усилія къ тому, чтобы этого не было, составляетъ прямую обязанность С. С. въ той же степени, въ какой онъ обязанъ истинно виновнаго довести до заслуженнаго наказанія. Въ настоящее время намъ столько извѣстно веществъ, которыя ядовиты сами по себѣ, или которыя вредны или даже смертельны въ испорченномъ состояніи и могутъ повести къ печальнымъ послѣдствіямъ въ силу простой неосторожности и даже случайности, что мы обязаны всегда ставить предположеніе, не въ этихъ ли веществахъ лежитъ причина т. наз. «загадочныхъ» и «подозрительныхъ» смертныхъ случаевъ. Обнаружить же ихъ въ состояніи только одинъ химикъ. Назовемъ нѣкоторыя изъ этихъ веществъ: освѣтительный газъ, зараженное трихиномъ или испорченное мясо, колбасный ядъ, ядовитыя раковины, испортившіяся: устрицы, омары, рыба, сыръ, вино, пиво, укусъ и многочисленныя другія общераспространенныя пищевыя средства; наконецъ весьма часты отравленія вслѣдствіе испорченной кухонной посуды. Къ опаснѣйшимъ ошибкамъ могутъ повести т. наз. трупные алкалоиды, птомаины (напр. коллидинъ), появляющіеся исключительно при трупномъ разложеніи: они въ высшей степени ядовиты и представляютъ большое сходство съ растительными ядами, именно: стрихниномъ, морфіемъ и под. (объ этихъ случаяхъ—у Эммерта).

Также заслуживаютъ серьезнаго вниманія и возможно отравленія случайными угольными газами: Бруардель, Дескусть,

Ожье (Annal. d'hygiene publ. 1894. XXXI, 376), а также Гоффманъ ¹⁾ рассказываютъ о несчастномъ случаѣ съ однимъ человѣкомъ, задохшимся отъ прорыва газа изъ известковой печи; а между тѣмъ была осуждена жена его за убійство мужа и нѣсколь-ко лѣтъ, совершенно невинная, она должна была провести въ тюрьмѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что по каждому дѣлу о подозри-тельномъ смертномъ случаѣ С. С. обязанъ произвести всестороннее разслѣдованіе, не ограничиваясь только предложеніемъ химику во-проса, находится ли въ вскрытомъ желудкѣ «ядъ». Необходимо ука-зать также химику и то направленіе, въ которомъ онъ долженъ вести свое изслѣдованіе, если же онъ будетъ лишень фактическаго матеріала, то трудность его изслѣдованій и дороговизна ихъ уве-личатся. И наоборотъ, экспертъ поведетъ работу легко, быстро и увѣренно, если только будетъ освѣдомленъ во всемъ, что добыто слѣдствіемъ.

Что касается того, о чемъ можно предлагать вопросы химику, то С. С. можетъ смѣло спрашивать его о всемъ, даже относительно срока. Въ теченіе какого времени можетъ быть обнаружено присутствіе извѣстныхъ ядовъ, особенно мышьяка ²⁾, установлено доста-точно, но и при отравленіяхъ органическими ядами срокъ для обна-руженія ихъ присутствія отнюдь не всегда столь коротокъ, какъ это обыкновенно полагаютъ. Такъ напр., Зонненшейнъ-Клас-сенъ указываетъ на то, что морфій, положенный въ какія-нибудь внутренности, можетъ быть обнаруженъ еще спустя 18 (!) мѣся-цевъ, хотя бы объектъ изслѣдованія и былъ зарытъ въ мѣстѣ, бла-гопріятномъ для скорѣйшаго разложенія. Такимъ образомъ никогда не слѣдуетъ рѣшать самому, сколько времени прошло съ момента смерти жертвы, но всегда предоставлять разрѣшеніе этого вопроса научно образованному и опытному эксперту. Затѣмъ С. С. не дол-женъ стѣсняться ставить эксперту вопросъ и о томъ, только ли черезъ ротъ можетъ проникнуть въ организмъ человѣка извѣстный

¹⁾ Gerichtl. Medizin, 9-ое изд., стр. 732.

²⁾ Такъ сообщаетъ Прельсъ (Friedreichs Blätter, 52 ой годъ, стр. 425), что однажды въ щеляхъ и деревѣ пола, на которомъ были рвотныя изверже-нія лица, отравленнаго мышьякомъ, были обнаружены частицы этого яда, не смотря на то, что со времени отравленія полъ былъ вымытъ 40 разъ.—Фос-форъ, въ одномъ случаѣ, былъ найденъ 6 недѣль спустя послѣ смерти отрав-леннаго (Эльмерсъ въ Vierteljahrsschrift f. Gerichtl. Medizin, T. XXV, стр. 25); стрихнинъ (Тардье) по истеченіи 11 лѣтъ. Ср. Гоффмана „Ger. Medizin“, 9-ое изд., стр. 668 и 764.

ядъ, или же другимъ какимъ-нибудь способомъ, напр. черезъ бывшую рану или умышленно для того причиненную. Въ одномъ романѣ описанъ случай, когда (въ 1871 г.) въ одномъ нѣмецкомъ лазаретѣ сестра милосердія изъ ревности перелила гной изъ раны зараженнаго гноекровіемъ и почти умиравшаго въ рану другого, легко раненнаго для того, чтобы его умертвить.—Такой случай вполне возможенъ и въ дѣйствительности. Равномѣрно возможны и даже происходили смертные случаи вслѣдствіе укола отравленной иглой, причиненнаго какъ бы невзначай и вслѣдствіе кажущейся незначительности не обращающаго на себя вниманіе.

Такого рода вопросы, предлагаемые химику, конечно, принадлежатъ къ числу труднѣйшихъ изъ всѣхъ, какіе только могутъ быть экспертамъ предлагаемы. Кромѣ перечисленныхъ изслѣдованій, касающихся смертныхъ случаевъ, къ химику можно обращаться и во всѣхъ тѣхъ (и подобныхъ) случаяхъ, которые приведены выше въ параграфѣ о микроскопистѣ. Кому изъ нихъ подлежитъ тотъ или другой вопросъ, С. С. опредѣляетъ при нѣкоторомъ навыкѣ самъ. Если же онъ сдѣлалъ ошибку, то она легко поправима: первый спрошенный укажетъ, которымъ изъ его коллегъ можетъ быть разрѣшенъ предложенный вопросъ.

5. О физикѣ.

Гдѣ не въ состояніи помочь ни врачъ, ни микроскопистъ, ни химикъ, тамъ можно обратиться къ физику. Случаевъ, въ которыхъ можно и должно обращаться къ этому послѣднему, столько, что перечислить ихъ болѣе или менѣе исчерпывающимъ образомъ нѣтъ возможности. Съ каждымъ днемъ это число увеличивается, и каждый ревностный, стремящійся къ расширенію своего образованія С. С. можетъ соотвѣтственно этому чаще пользоваться услугами физика. Здѣсь я могу повторить прежнее свое замѣчаніе, что С. С. принадлежитъ роль спрашивающаго, требующаго, а физику—роль отвѣчающаго, дающаго: первый долженъ самъ идти къ физику и спрашивать его, не можетъ ли онъ помочь ему въ томъ или другомъ случаѣ, а отнюдь не физикъ долженъ предлагать свои услуги С. С. Физикъ изучаетъ, производитъ опыты, дѣлаетъ открытія и изобрѣтенія, а С. С. долженъ слѣдить за движеніемъ науки, размышлять и обращаться съ вопросами.

Такимъ образомъ С. С. тотъ запасъ знаній своихъ, съ кото-

рымъ онъ вступилъ въ дѣйствительную жизнь, долженъ бережно хранить, обогащать, не отставая отъ успѣховъ современной ему науки. Для этого онъ долженъ по меньшей мѣрѣ читать тѣ временныя изданія, въ которыхъ сообщаются свѣдѣнія о всемъ, что сдѣлано новаго въ каждой отрасли естествознанія. И если С. С. вообще обязанъ относиться съ размышленіемъ ко всему, что онъ видитъ или слышитъ, и все примѣнять и приспособлять къ своей специальности, безразлично, къ какой бы области знанія или искусства приобрѣтенное ни относилось, то и при чтеніи такихъ изданій онъ обязанъ всегда имѣть въ умѣ, можетъ ли только что прочитанное пригодиться ему въ дѣлѣ. При этомъ онъ долженъ вызывать въ умѣ тѣ практическіе случаи, въ которыхъ онъ могъ бы воспользоваться вновь добытыми научными данными при помощи естествоиспытателя. И когда впоследствии такой случай дѣйствительно встрѣтится въ его практикѣ, то онъ вспомнить свои соображенія и прибѣгнуть къ помощи науки.

Во всякомъ случаѣ безусловно необходимо, чтобы физикъ, какъ и всякій другой экспертъ, относился къ дѣлу своему съ любовью, и чѣмъ чаще онъ будетъ приглашаться, тѣмъ лучше онъ усвоитъ себѣ, въ чемъ именно онъ можетъ быть полезенъ С. С. Тогда онъ поведетъ свои изслѣдованія болѣе самостоятельно и будетъ обращать вниманіе С. С. на все, что доступно его профессиональной опытности, и о чемъ С. С. не имѣетъ понятія. Ниже мы приводимъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ участіе физика оказалось полезнымъ: эти случаи должны быть понимаемы лишь какъ примѣры, доказывающіе, что дѣйствительно физикъ часто можетъ дать намъ указанія и разъясненія ¹⁾. Вообще можно сказать такъ, что физикъ долженъ быть приглашаемъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о силахъ природы, стоящихъ въ той или иной связи съ событіемъ преступленія: хотя эти силы извѣстны каждому человѣку, но ученый изучаетъ ихъ глубже, точнѣе и правильнѣе, для чего и обладаетъ онъ особыми познаніями, прибѣгаетъ къ исчисленіямъ и приборамъ.

Возьмемъ для примѣра случай, въ которомъ при совершеніи преступленія важное значеніе имѣетъ ударъ (въ смыслѣ бросанія, метательнаго движенія). Напр. былъ брошенъ въ окно, въ стѣну или крышу камень, и необходимо установить, гдѣ стоялъ бросившій

¹⁾ Мнѣ были бы особенно желательны сообщенія о случаяхъ, въ которыхъ физикъ оказалъ правосудію серьезныя услуги.

этотъ камень, съ какой силой онъ былъ брошенъ, какъ великъ и тяжелъ былъ камень, по какому направленію онъ отскочилъ, когда все это случилось и т. д. Все это, конечно, можетъ сообразить и обсудить каждый изъ насъ, обладающій вѣрнымъ зрѣніемъ и еще не забывшій того, что онъ училъ когда-то о «движеніи». Но человѣкъ, который изученіе подобныхъ вопросовъ поставилъ цѣлью своей жизни и обладаетъ всѣми особыми познаніями, для этого необходимыми, скажетъ намъ о томъ же гораздо точнѣе, правнѣе и всестороннѣе. Гдѣ профанъ не усмотритъ ничего, требующаго разъясненія, тамъ специалистъ, быть можетъ, подмѣтитъ то, что поведетъ за собой разгадку событія.

То же должно быть сказано и относительно цѣлаго ряда оптическихъ явленій, если напр. дѣло идетъ о томъ, какова была сила свѣта, какъ она могла подѣйствовать или повліять; какой свѣтъ необходимъ для того, чтобы могли осуществиться извѣстныя послѣдствія; гдѣ могла показаться тѣнь того или другого предмета, какое пространство она занимала; какой былъ часъ дня, если солнце отбрасывало такую или иную тѣнь; въ какомъ часу ночи луна должна свѣтить такъ или иначе, и тысяча другихъ вопросовъ. Не менѣе важные вопросы могутъ возникнуть и относительно солнца: можетъ ли оно проявить извѣстную степень тепла, въ какой часъ дня и какія побочныя обстоятельства могли имѣть при этомъ вліяніе, чтобы, напр., солнечные лучи въ опредѣленный часъ съ такой силой нагрѣли сосудъ съ водой, что оно дѣйствовало, какъ зажигательное стекло; или напр., могутъ ли извѣстныя тѣла подъ вліяніемъ солнечной теплоты измѣнять видъ (черезъ высыханіе, покоробленіе, дать трещины, пузыри и т. п.). Затѣмъ могутъ возникнуть вопросы и о вліяніи свѣта, напр., какъ долго та или другая матерія находилась подъ лучами солнца, если выцвѣла до такой-то степени; сколько времени нужно, чтобы бумага (современная, съ примѣсью древесныхъ опилокъ) пожелтѣла или потемнѣла отъ дѣйствія свѣта; гдѣ долженъ находиться извѣстный предметъ, чтобы въ немъ подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей произошли извѣстныя измѣненія и т. д.

Серьезное значеніе могутъ имѣть вопросы относительно воздушныхъ токовъ, вѣтра и бури: напр., во время пожара пламя съ загорѣвшейся крыши гонтовой, соломенной и другой перекинулось на извѣстное мѣсто вслѣдствіе ли господствующаго вѣтра, или только вслѣдствіе возникшаго отъ жары воздушнаго тока?—Какое направленіе вѣтра могло возникнуть при тѣхъ или иныхъ условіяхъ,

могъ ли предметъ въ извѣстномъ состояніи выдержать извѣстной силы напоръ бури, т. е. существовало ли это состояніе уже ранѣе, до бури, и когда началось и т. д.

Еще болѣе серьезны вопросы о вліяніи снѣга и дождя: въ чемъ это вліяніе можетъ выражаться, когда, какъ долго можетъ продолжаться, какой силы можетъ быть дождь, какое направленіе онъ можетъ имѣть, какъ часто онъ могъ выпадать на извѣстный предметъ, какія измѣненія указываютъ на это и т. д. Сюда же относятся и вопросы о вліяніи мороза: вліяніе это выражается въ весьма опредѣленныхъ формахъ и иногда можетъ дать точный матеріаль для прочныхъ выводовъ. Можно предлагать вопросы, почему морозъ оказалъ вліяніе, какъ силенъ былъ онъ, какъ часто повторялся, съ какими промежутками, какое изъ атмосферическихъ вліяній подѣйствовало ранѣе, какъ долго оно продолжалось.

Къ той же категоріи принадлежатъ вопросы относительно предметовъ, зарытыхъ въ землю (скрытое, похищенное имущество и т. п.). какъ долго они были зарыты, завернуты ли были во чтонибудь или нѣтъ, какое свойство почвы, было ли чтонибудь ранѣе на этомъ мѣстѣ. Точно также физикъ можетъ дать точныя и вѣрныя заключенія и относительно измѣненій на предметахъ, чувствительныхъ къ свѣту по своему строенію или цвѣту и хранившихся въ какихъ либо помѣщеніяхъ. Также по дѣламъ о подлогахъ документовъ (по вопросамъ о чернилахъ, бумагахъ, письменныхъ приборахъ, о разныхъ случайностяхъ съ документами) физикъ часто можетъ оказать химику и микроскописту серьезныя и незамѣнимыя услуги.

Наиболѣе широкую область, въ которой требуется участіе физика, представляютъ всѣ случаи, касающіеся вліянія и свойствъ воды. Какой процессъ измѣненія совершился отъ пребыванія въ водѣ, какъ продолжительно было пребываніе, плылъ ли предметъ по водѣ или увлекался теченіемъ по дну, какого свойства было это дно, какъ велика быстрота теченія, какъ далеко пронесло предметъ, какъ долго тѣло сохраняло извѣстную форму, размѣры и тяжесть, чтобы проплыть извѣстное разстояніе. Въ этихъ случаяхъ тамъ, гдѣ русло извилисто, или берега поросли кустарникомъ, могутъ оказаться необходимыми обстоятельныя и точныя осмотры и даже опыты. Могутъ при этомъ возникнуть также вопросы, какое дѣйствіе производитъ вода на берега и вообще на затопленныя части, какъ долго и когда онѣ были подъ водой и т. п. Такія изслѣдованія особенно важны относительно утопленниковъ, если нужно узнать, по какой

причинѣ они попали въ воду, какъ далеко и откуда они принесены водой, черезъ какія препятствія и стремнины имъ пришлось проплыть, и т. д.—Всѣ такіе вопросы не входятъ въ компетенцію врача и подлежатъ вѣдѣнію физика.

Сюда же нужно отнести и вопросы о вліяніи искусственнаго тепла, если только оно не достигло степени жара, невыносимаго для человѣка (обжогъ), или когда требуется объяснить, подвергался ли данный предметъ большей или меньшей степени тепла, какъ велика была степень жара, могла ли она проявиться въ какомъ нибудь источникѣ тепла, напр. въ обыкновенной плитѣ.

Другую категорію составляютъ изслѣдованія о надломахъ, расщелинахъ, взрывахъ, трещинахъ и пр. для разрѣшенія вопросовъ о времени, свойствѣ и происхожденіи ихъ (естественны ли, или произошли по винѣ человѣка). Изслѣдованія эти имѣютъ часто огромную важность и только тогда приводятъ къ разрѣшенію вопроса, когда компетентному наблюдателю извѣстны самымъ точнымъ образомъ всѣ природныя свойства разрушеннаго или поврежденнаго предмета, и онъ въ состояніи принять въ соображеніе и другія относящіяся къ случаю вліянія и условія. Подобныя работы бывають крайне объемисты и сложны, если требуется, напр., дать заключеніе по дѣлу о не принятіи мѣръ предосторожностей, вызвавшемъ желѣзнодорожную катастрофу, взрывъ копей, обвалъ, разрушеніе дома и т. п. Часто въ этихъ случаяхъ можетъ навести на истинный путь только тщательное изслѣдованіе самыхъ незначительныхъ обстоятельствъ (напр. винтъ, оказавшійся кристаллическаго желѣза и потому хрупкій), или же сложныя вычисленія и въ особенности опытный взглядъ представителя науки.

Отмѣтимъ также двѣ великія силы нашего вѣка: магнетизмъ и электричество. Самое незначительное напр., чего мы можемъ достигнуть путемъ магнетизма, это—опредѣлить присутствіе желѣза тамъ, гдѣ химическое изслѣдованіе по какимъ бы то ни было причинамъ невозможно. Что касается электричества, то мы вообще не знаемъ, какъ далеко можетъ простирается сфера приложенія электрической силы. Какія же услуги можетъ оказать электротехника уголовному правосудію, мы поистинѣ и представить себѣ еще не можемъ.

Вообще С. С. долженъ имѣть въ виду, что дѣятельность его нѣкоторымъ образомъ сродственна съ дѣятельностью физика, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ своихъ выводахъ онъ опирается единственно или главнымъ образомъ на тѣ или другіе законы природы,

обнаруживаемые имъ на вещахъ. Онъ имѣетъ передъ собой результаты, и долженъ опредѣлить тѣ силы, которыми вызваны эти результаты, совершенно такъ, какъ естествоиспытатель объясняетъ явленія въ природѣ. Поэтому, когда въ подобныхъ случаяхъ С. С. обратится къ физику и предложитъ ему вопросы, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, физикъ, чувствуя себя въ своей родной сферѣ, не только удовлетворитъ желанію С. С., но и самъ укажетъ ему тѣ вопросы, которые въ данномъ случаѣ ему надлежитъ разрѣшить. Повторяю: именно въ подобныхъ случаяхъ С. С. склоненъ не обращаться къ услугамъ свѣдущихъ лицъ, полагаясь на собственные силы. При извѣстной наблюдательности, онъ, конечно, подмѣтитъ кое-что и сдѣлаетъ, быть можетъ, и нѣкоторые выводы, но только специалистъ въ состояніи сдѣлать правильныя наблюденія, на которыхъ построить всеисчерпывающіе выводы.

6. О минералогахъ, зоологахъ и ботаникахъ.

Минералогіи и зоологіи приглашаются С. С. довольно рѣдко въ качествѣ свѣдущихъ лицъ: первые приглашаются для опредѣленія минераловъ и ихъ отличительныхъ свойствъ, а также въ помощь микроскописту въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно опредѣлить составъ и происхожденіе пыли, грязи, песку и т. п. Какъ бы то ни было, иногда они оказываютъ весьма серьезныя услуги.

Случаи обращенія къ зоологамъ болѣе часты: онъ можетъ различить натуральныя кожи животнаго отъ поддѣлокъ, помочь при оцѣнкѣ кровяныхъ шариковъ, выяснитъ свойства тѣхъ или другихъ животныхъ и возможность того, что ими сдѣлано или что имъ приписывается, дать разъясненіе о животныхъ ядахъ, помочь врачу въ вопросахъ біологическихъ, анатомическихъ и фізіологическихъ и восполнитъ знанія послѣдняго. Весьма значительную и серьезную роль играютъ зоологи при разрѣшеніи вопроса о томъ, какъ много прошло времени со дня смерти найденнаго подъ открытымъ небомъ челоука, а именно въ виду того, что различныя животныя, преимущественно насѣкомыя, въ разное время начинаютъ работу свою на найденномъ трупѣ. Если смерть произошла не въ холодное время года, то тотчасъ же являются мухи особаго вида, затѣмъ за ними жуки и т. д., пока наконецъ извѣстныя животныя—и часто много мѣсяцевъ спустя—не приступаютъ къ окончательному уничтоженію

мягких частей трупа. Иногда въ подобныхъ случаяхъ зоологи могутъ дать свѣдѣнія цѣнныя и надежныя.

Наконецъ, могутъ имѣть значеніе для дѣла тѣ или другія свойства животныхъ: важно поэтому вспомнить и своевременно спросить зоолога. Такъ, по одному дѣлу нужно было знать, сколько часовъ одинъ утопленникъ находился въ водѣ.—Сначала было высказано, что трупъ лежалъ въ водѣ въ продолженіе 1—2 часовъ на томъ основаніи, что въ одеждѣ утопленника были найдены еще живыя блохи. Но въ виду важности дѣла былъ сдѣланъ опытъ ¹⁾, и оказалось, что блохи могутъ жить въ водѣ до 16 часовъ; мухи же, пауки, гусеницы умираютъ гораздо ранѣе ²⁾.

Болѣе значительная роль въ слѣдствіи принадлежитъ ботанику. Онъ можетъ назвать тѣ высушенныя растенія, которыя фигурируютъ въ дѣлѣ, какъ яды или средства изгнанія плода, опредѣлить присутствіе ихъ, въ видѣ ли мельчайшихъ частицъ, или порошка изъ нихъ, или изъ сѣмянъ и плодовъ ихъ, а также и сокъ изъ нихъ. Его указанія могутъ быть очень существенны во всѣхъ случаяхъ находженія такихъ растительныхъ веществъ при обыскахъ, или когда такія вещества оказались въ желудкѣ или кишкахъ отравленнаго, или же въ изверженіяхъ его. Не слѣдуетъ забывать, что ботаникъ часто на основаніи самаго маленькаго листика, едва замѣтнаго кусочка коры или волокна можетъ составить себѣ представленіе о всемъ растеніи. Точно также важно бываетъ опредѣлить породу дерева или мѣста, гдѣ оно обыкновенно растетъ, на основаніи какогонибудь небольшого куска дерева, если дѣло идетъ о томъ, чтобы доказать напр. принадлежность какойнибудь занозы къ тому или другому оружію, или иному какомунибудь приспособленію, балкѣ, растущему дереву и т. п.; или если на основаніи породы дерева, изъ котораго сдѣлана вещь, можно доказать, гдѣ находился извѣстный человѣкъ или эта вещь, откуда человѣкъ (или вещь) прибылъ (принесена), и съ чѣмъ то или другое было въ соприкосновеніи. Смотря по обстоятельствамъ, ботаникъ можетъ также опредѣлить, какъ давно произведено было поврежденіе дерева, какъ оно выглядѣло до поврежденія, какъ и посредствомъ чего сдѣлано поврежденіе; какая сила была употреблена для того, чтобы на сру-

¹⁾ Рэболъда. Vierteljahrshft. f. ger. Med. т. 26, 393.

²⁾ Нерѣдко смѣшиваютъ отравленія ядовитыми минеральными кислотами съ поврежденіями вслѣдствіе обгладыванія разными небольшими животными; объ этомъ см. главу XIV п. 6. — И въ этихъ случаяхъ участіе зоолога можетъ быть весьма полезно.

бленномъ деревѣ вызвать тѣ или другія поврежденія или измѣненія, какъ давно листъ или плодъ дерева (напр. при выстрѣлѣ) повреждены, къ чему относятся тѣ или другія части растенія, каково должно быть то орудіе, которымъ сдѣлана на деревѣ царапина или порѣзъ (напр. о внѣшнемъ видѣ ножа по слѣдамъ зазубринъ на деревѣ, или о пилѣ по недостающимъ зубцамъ ея и т. п.).

Важное значеніе получаетъ участіе ботаника въ тѣхъ случаяхъ, когда по даннымъ растительнымъ волокнамъ пряжи необходимо заключить о самомъ растеніи (ленъ, конопля, кора древесная), или доказать тождественность пряжи съ издѣліями изъ пряжи (нитки, холстъ, сукно и т. п.), дѣйствиіе извѣстныхъ жидкостей (красокъ, кислотъ, щелочей и т. п.) на растительныя волокна (измѣненіе въ внѣшнемъ видѣ, длинѣ, цвѣтѣ), когда необходимо опредѣлить возрастъ волоконъ пряжи, а также и мѣсто, гдѣ они хранились (какъ давно была свита веревка, долго ли лежала бичевка въ водѣ, было ли полотно мыто въ горячей водѣ, была ли бумажная пряжа зарыта въ землю и т. д.).

Цѣлый рядъ вопросовъ можетъ возникнуть относительно химическихъ и физическихъ свойствъ продуктовъ изъ растительныхъ веществъ, для разрѣшенія которыхъ ботаникъ часто работаетъ совмѣстно съ микроскопистомъ, химикомъ и физикомъ, напр., относительно способности волокнистыхъ веществъ поглощать газы и запахи, о воспламеняемости пеньковой, льняной пыли, и приготовляемыхъ для этой же цѣли растительныхъ тканей (пироксилинъ), о самовозгораніи пропитанныхъ оливковымъ масломъ волокнистыхъ веществъ (пакля, льняная пряжа и т. п.), о свойствахъ зажженныхъ волоконъ долгое время тлѣть (обработанныхъ селитрой и др.), о продолжительности и силѣ тлѣнія такихъ зажигательныхъ фитилей (поджогъ, взрывъ), о самовозгораніи сыраго сѣна, только что обуглившейся бумаги и древесныхъ углей, объ обнаруженіи растительныхъ соковъ на металлахъ (напр., при срубѣ свѣжихъ растеній на ножѣ или топорѣ), или на платьѣ (напр., о травянистыхъ пятнахъ на платьѣ, о давности ихъ, о происхожденіи отъ того или другого растенія). Вообще можно сказать, что ботанику приходится давать отвѣты на вопросы труднѣйшіе, серьезнѣйшіе и въ то же время самые интересныя.

7. О лицахъ, свѣдущихъ въ огнестрѣльномъ оружіи.

Какъ было уже упомянуто выше, именно въ дѣлахъ, въ которыхъ рѣшаются вопросы относительно огнестрѣльнаго оружія, приходится прибѣгать къ помощи цѣлаго ряда различныхъ свѣдущихъ лицъ. Принято обыкновенно въ этихъ случаяхъ ограничиваться лишь приглашеніемъ оружейнаго мастера; хотя въ большинствѣ случаевъ этого и бываетъ достаточно, но такое обыкновеніе само по себѣ неправильно. Въ наше время уже нѣтъ оружейныхъ мастеровъ въ полномъ смыслѣ слова, какъ въ прежнее время, точно такъ же, какъ у насъ нѣтъ настоящихъ часовыхъ мастеровъ: и тѣ и другіе продаютъ или выписанный ими готовый товаръ, или, въ крайнемъ случаѣ, ими собранное оружіе и въ лучшемъ случаѣ способны лишь на починку. Какъ часы, такъ и огнестрѣльное оружіе работаютъ исключительно на фабрикахъ, и отъ продавцовъ нельзя и требовать, чтобы они въ совершенствѣ были знакомы съ внутреннимъ механизмомъ того и другого. Если же оружейникъ и пріобрѣтаетъ опытность въ своей специальности, то познанія его обыкновенно ограничиваются знакомствомъ съ разными видами оружія, цѣнами, названіями отдѣльныхъ частей и разныхъ механическихъ приспособленій, наиболѣе употребительныхъ на практикѣ. О способѣ употребленія оружія, дальнѣйности его, примѣнимости огнестрѣльныхъ снарядовъ и множествѣ тому подобныхъ вопросовъ высокой важности оружейникъ въ состояніи сказать очень немногое, приходится прибѣгать къ услугамъ опытныхъ охотниковъ, врача, офицера, физика, химика, микроскописта. Въ тѣхъ же многочисленныхъ случаяхъ, въ которыхъ возникаютъ вопросы о томъ, какъ дѣйствуетъ ружейная пуля на различнѣйшіе предметы, необходимо спрашивать и другихъ свѣдущихъ лицъ, обладающихъ соотвѣтствующими случаямъ познаніями. Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ лица, обыкновенно приглашаемые въ качествѣ экспертовъ, не въ состояніи сказать того, что съ увѣренностью разъяснить простой ремесленникъ. Каменьщикъ, напр., можетъ сказать, какое сопротивленіе оказываютъ пулѣ тѣ или другіе камни, то же скажетъ слесарь относительно желѣза, а ботаникъ точно разъяснить, какъ давно и въ какое время года засѣла пуля въ томъ или другомъ растущемъ деревѣ.

Что касается собственно пріемовъ, какихъ слѣдуетъ держаться относительно экспертизы этого рода, то рекомендуется не произво-

дять изслѣдованій черезъ экспертовъ различныхъ категорій одновременно, и не требовать отъ нихъ одновременной дачи заключеній. С. С. тотчасъ же потеряетъ руководящую нить, если будетъ послушно слѣдовать одновременно въ одномъ направленіи мнѣнію одного эксперта, а въ другомъ—мнѣнію другого. Нелегко бываетъ установить очередь между ними, согласованіе же отдѣльных мнѣній пной разъ прямо становится невозможнымъ. Поэтому нужно прежде всего выяснитъ себѣ вполне, въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ спрашивать свѣдущихъ лицъ, и вести дѣло такъ, чтобы послѣ всѣхъ обращаться къ тѣмъ изъ нихъ, которымъ при производствѣ изслѣдованій неизбѣжно придется уничтожить хотя бы часть вещественныхъ доказательствъ. Когда изслѣдованія нѣкоторыми произведены и заключенія высказаны, то для С. С., смотря по обстоятельствамъ дѣла и по представленнымъ заключеніямъ, можетъ оказаться полезнымъ устроить совмѣстное совѣщаніе всѣхъ свѣдущихъ лицъ или по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ для того, чтобы достигнуть этимъ путемъ объединенія или разъясненія тѣхъ отвѣтовъ, которые противорѣчатъ одинъ другому или представляются сомнительными. Но разъ эксперты, каждый въ своей области, ясно формулировали требуемыя заключенія, то несравненно легче достигнуть объединенія, если съ самаго начала повести эти изслѣдованія совокупно. Этотъ способъ имѣетъ также и ту выгоду, что вещественныя доказательства менѣе подвергаются опасности быть уничтоженными или поврежденными, когда они одновременно осматриваются однимъ или двумя экспертами, нежели когда они переходятъ изъ рукъ въ руки многочисленныхъ изслѣдователей въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени.

Кромѣ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію оружейнаго мастера: о происхожденіи ружья (мѣстѣ его производства), дальнотности его, способѣ употребленія его, о томъ, къ нему ли принадлежатъ тѣ или другіе огнестрѣльные припасы,—затѣмъ, кромѣ вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію судебного врача, могутъ возникать также вопросы выдающейся важности, въ которыхъ необходимо участіе химика. Если, напр., дѣло идетъ о томъ, принадлежитъ ли извѣстная пуля къ тому запасу пуль, который найденъ былъ у заподозрѣннаго, то удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса получится только тогда, если будетъ не только доказано, что она имѣетъ тѣ же размѣры, форму, калибръ, вѣсъ, какъ и остальные пули, но и что по химическому составу она съ ними тождественна. Рѣдко пули отливаются изъ чистаго свинца, по большей части онѣ пред-

ставляютъ сплавъ изъ олова, цинка, антимонія, висмута, мышьяка и даже иногда серебра, и если химическій анализъ обнаружить, что составные элементы одинаковы въ обоихъ случаяхъ, то получается убѣдительно доказательство тождественности пуль. Такое химическое изслѣдованіе можетъ принести существенную пользу и въ другихъ случаяхъ. Предположимъ, что имѣются ружье и пуля лица заподозрѣннаго, и стволъ ружья покрытъ внутри свѣжимъ и значительнымъ осадкомъ свинца (освинцованъ), то химикъ можетъ извлечь часть этого осадка и подвергнуть его такому же анализу, какъ и пули. Если составъ ихъ окажется одинаковъ, т. е. въ обоихъ случаяхъ онъ окажется, напр., заключающимъ въ себѣ извѣстный и значительный процентъ какого-нибудь иного вещества, то есть основаніе предполагать, что пуля выпущена именно изъ этого ружья. Но даже въ томъ случаѣ, если нѣтъ возможности произвести такое сравнительное изслѣдованіе, если, напр., имѣется на лицо *только пуля*, то все-таки весьма полезно произвести химическій анализъ ея одной, такъ какъ анализъ этотъ, быть можетъ, выяснитъ присутствіе такой примѣси, которая, при недостаточности другихъ данныхъ, можетъ дать указаніе на личность виновнаго. Если пуля не имѣетъ характера домашней работы и оказывается продуктомъ фабричнаго производства, то полезно посредствомъ опредѣленія ея состава выяснитъ, съ какой фабрики она выпущена, такъ какъ почти каждая фабрика отливаетъ пули по своему рецепту, изъ своего матеріала. Наконецъ, по обстоятельствамъ дѣла даже изслѣдованіе копоти, осѣвшей на пулѣ, можетъ дать указаніе на родъ употребленнаго взрывчататаго вещества. Осадокъ пороховой копоти на пулѣ сохраняется и въ тѣлѣ человѣка послѣ выстрѣла: напр., слѣды этой копоти были ясно видны на одной французской пулѣ, которую дѣдъ мой въ продолженіе 46 лѣтъ (1799—1845) носилъ въ глазной впадинѣ за глазомъ, и которая была вынута только послѣ его смерти.

Особенно важное значеніе имѣетъ химическое изслѣдованіе въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о томъ, былъ ли сдѣланъ выстрѣлъ изъ извѣстнаго ружья и какъ давно. Какъ осуществить это изслѣдованіе, вопросъ объ этомъ, конечно, не долженъ составлять предмета особенныхъ заботъ со стороны С. С., но иное дѣло, если это изслѣдованіе, по даннымъ событія, можетъ выяснитъ, что выстрѣлъ изъ ружья былъ сдѣланъ въ *весьма недавнее время*. Если бы С. С., живущій въ захолустьи, вздумалъ послать ружье для такихъ изслѣдованій въ главный городъ округа, то изслѣдованіе было бы уже

несвоевременнымъ. Я нахожу цѣлесообразнымъ прибѣгать въ такихъ случаяхъ къ тому приему, который описанъ ниже и рекомендованъ Зонненшейномъ - Классеномъ въ его «Handbuch der gerichtlichen Chemie». Онъ такъ простъ, что можетъ быть исполненъ каждымъ врачомъ и даже аптекаремъ и часто можетъ приводить къ самымъ цѣннымъ результатамъ. Но этотъ приемъ можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда выстрѣлъ произведенъ посредствомъ обыкновеннаго пороха. Зонненшейнъ - Классенъ требуетъ, чтобы ружье, подлежащее изслѣдованію, было, какъ можно скорѣе, защищено отъ вліянія внѣшняго воздуха. Для этого стволъ слѣдуетъ плотно заткнуть шерстью, замокъ обвязать какимъ-нибудь сукномъ и подвергнуть ружье изслѣдованію немедленно. Изслѣдованіе это начинается тѣмъ, что стволъ откупоривается и промывается дистиллированной водой; получившійся такимъ образомъ растворъ фильтруется, и то, что получается, обрабатывается сѣрной кислотой (хлористымъ баріемъ), сѣрными соединениями щелочей (растворомъ свинцовыхъ соединений), желѣзистою солью (ціанистымъ соединеніемъ калия и желѣза). Если окажется, что стволъ имѣетъ синеваточерный цвѣтъ, и на немъ не выступаютъ ни ржавчина, ни зеленоватые кристаллы сѣрнокислаго желѣза, жидкость же будетъ имѣть слабый желтоватый цвѣтъ, будетъ издавать запахъ сѣрнистаго водорода и въ растворѣ свинцовыхъ соединений дастъ черный осадокъ, то это значитъ, что послѣ выстрѣла прошло не болѣе двухъ часовъ. Если цвѣтъ жидкости будетъ нѣсколько темнѣе и не проявится ни ржавчины, ни кристалловъ, но уже при реагированіи обнаружатся слѣды сѣрной кислоты, то это значитъ, что послѣ выстрѣла прошло болѣе двухъ, но менѣе 24 часовъ. Если же на стволѣ появятся многочисленныя пятна желѣзной окиси, въ водѣ же, которою было промыто ружье, реагенты ясно обнаружатъ присутствіе желѣза, то выстрѣлъ былъ сдѣланъ, по крайней мѣрѣ, 24 часа тому назадъ и, самое большее, 5 дней. Чѣмъ болѣе будетъ кристалловъ сѣрнокислаго желѣза, тѣмъ болѣе прошло времени послѣ выстрѣла. Если же явственно проявится масса желѣзной окиси, а въ жидкости не окажется совсѣмъ желѣзистой соли, то это значитъ, что съ момента выстрѣла прошло, по меньшей мѣрѣ, 10 дней и, самое большее, 50 дней. Когда же ружье послѣ выстрѣла было тотчасъ же вновь заряжено, но при этомъ не было прочищено, то цилиндрическая часть пыжа будетъ имѣть сѣроваточерный цвѣтъ въ первые 4 дня и въ слѣдующіе до двухъ недѣль станетъ сѣро-желтымъ, вода же, вливаемая въ стволъ,

будетъ содержать ясныя слѣды сѣрной кислоты. Если же ружье передъ вторичнымъ заряденіемъ было прочищено, то пыжъ имѣетъ слегка красноватый или красножелтый цвѣтъ въ теченіе двухъ дней, въ слѣдующіе дни цвѣтъ становится темнокраснымъ и спустя недѣлю или двѣ переходитъ въ совсѣмъ сѣрый. Порохъ принимаетъ красноватый оттѣнокъ вслѣдствіе присутствія желѣзной окиси и не реагируетъ при обработкѣ сѣрной кислотой. Если заряденіе произошло непосредственно послѣ выстрѣла, то пыжъ зеленевать, но скоро принимаетъ вышеупомянутые цвѣта. Когда же стволъ былъ промытъ холодной водой, то онъ принимаетъ красноватый оттѣнокъ. Пыжъ изъ бумаги, содержащей въ себѣ квасцы или гипсъ, извлеченный посредствомъ воды, не реагируетъ при обработкѣ сѣрной кислотой.

Рекомендуется при всѣхъ обстоятельствахъ производить осмотръ найденной пули при помощи лупы: этимъ путемъ можно узнать до нѣкоторой степени количество, характеръ и дальность выстрѣловъ, опредѣлить качество частицъ пыжа, приставшихъ къ свинцу, какъ и чѣмъ вбивалась пуля при заряденіи, и многіе другіе вопросы, имѣющіе нерѣдко важное значеніе для дѣла.

8. О лицахъ, свѣдущихъ по изслѣдованію письменныхъ документовъ.

Относительно изслѣдованій почерковъ и цѣнности такихъ изслѣдованій существуютъ самыя разнообразныя мнѣнія. Одни строятъ изъ таковыхъ изслѣдованій особую науку (графологию) и находятъ, что выводы этой науки не въ достаточной мѣрѣ оцѣниваются, а другіе считаютъ всѣ эти выводы плодами воображенія или по меньшей мѣрѣ преувеличеніемъ.

Нельзя требовать отъ С. С., чтобы онъ въ этомъ отношеніи принялъ тотъ или иной взглядъ, но онъ обязанъ уяснить себѣ, какъ отнестись къ этому вопросу, т. е. повѣрить ли выводамъ графологии, или нѣтъ. Но прежде, чѣмъ дать на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ, я совѣтую ему принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства.

Какъ скоро въ любой области знанія мы признаемъ установленными тѣ или другія положенія,—хотя бы и въ весьма узкихъ предѣлахъ,—никогда нельзя намѣтить границы ихъ дальнѣйшаго

развитія. Иными словами,—все, что установлено безспорно наукой, то способно къ дальнѣйшему развитію.

Едва ли кто будетъ отрицать, что каждый образованный человекъ, хотя бы никогда не занимался изученіемъ графологіи, тѣмъ не менѣе позволяетъ себѣ,—хотя бы въ общихъ чертахъ—сужденія о почеркахъ. Вѣдь каждому извѣстно, что почеркъ необразованнаго крестьянина вовсе не похожъ на письмо эlegantной дамы, что ребенокъ пишетъ иначе, нежели старикъ, и что, наконецъ, почеркъ чернорабочаго не можетъ быть принятъ за почеркъ ученаго.— Если же это такъ, то вотъ уже мы признали какъ существованіе графологіи, такъ и первыя ея основныя положенія. Если мы пойдемъ далѣе, то и противникъ графологіи найдетъ почерки, принадлежащіе педанту, легкомысленному, любопытному, нервному или энергичному; онъ признаетъ почерки особыя у аристократической дамы, у солдата, у торговца, у ученаго: такимъ образомъ онъ углубится въ изслѣдованія чисто графологическія, и было бы непослѣдовательно, если бы онъ вздумалъ утверждать, что его выводы не могутъ имѣть дальнѣйшаго научнаго развитія. Пусть будутъ собраны данныя въ большомъ числѣ, пусть будутъ произведены осторожныя и точныя опыты, пусть попробуютъ шагъ за шагомъ выдѣлять почерки индивидуальныя, сличать схожіе и дѣлать выводы— и мы получимъ науку, которая имѣетъ будущее, поскольку будетъ исполняться описанная предварительная обработка матеріала. Такимъ образомъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что графологія, если ея поступательное движеніе будетъ отличаться осторожностью и точностью, можетъ привести къ положеніямъ научной цѣнности.

Легко, конечно, видѣть границы, до которыхъ можно идти въ каждой области. Если бы, напр., кто-нибудь вздумалъ утверждать, что хиромантія (ученіе о связи линій на ладони человекъ съ его судьбой) можетъ быть наукою въ точномъ смыслѣ слова, то мы отвѣтили бы такъ: ни одинъ серьезномыслящій человекъ не будетъ утверждать, что въ хиромантіи есть немного безспорное, а гдѣ нѣтъ ничего абсолютно точнаго и истиннаго, тамъ не можетъ быть и рѣчи о развитіи. Въ графологіи же мы имѣемъ дѣло съ положительными данными дѣйствительнаго опыта, а потому мы имѣемъ право думать и о ея развитіи.

Изученіе почерковъ началось уже давно: еще въ 17-мъ столѣтіи появились книга Камилло Вальдо и сочиненіе подъ заглавіемъ: «*Ideographia Prosperi Aldorissi*», трактующія вопросъ о почеркахъ. Въ началѣ текущаго столѣтія появилась въ Парижѣ ано-

нимная книга: «L'art de juger du caractere des hommes par leur écriture». Гете и Лафатеръ интересовались этимъ же вопросомъ. Генце, печатавшій продолжительное время въ «Лейпцигской Иллюстрированной Газетѣ» свои разсужденія о почеркахъ, издалъ затѣмъ книгу подъ заглавіемъ: «Chirogrammatomantie». И въ другихъ повседневныхъ изданіяхъ занимались также изслѣдованіемъ почерковъ присылаемыхъ рукописей: во Франціи Мишонъ ¹⁾ сталъ извѣстенъ своею проницательностью и въ этомъ направленіи. Также Эрленмейеръ ²⁾ занимался физиологіей и патологіей письма. Изъ этихъ книгъ, а также и изъ сочиненій Циммерли, Мендіуса, Махмера и др. С. С. можетъ многое почерпнуть для себя полезное; сюда же относятся: Крепье-Жамэпъ (Traité pratique de graphologie) и «L'écriture et le caractère». 1895), Карль Ситтль (Die Wunder der Handschrift. 1881), Ломброзо (La grafologia. 1895), Л. Мейеръ (Handbuch der Graphologie. 1895), Вейнгартъ («Ueber Entdeckung von Urkundenfälschungen» и Handbuch f. d. Untersuchen von Brandstiftungen. 1895), Ф. Шольца (Die Handschrift und ihre charakteristischen Merkmale), В. Прейеръ (Zur Psychologie des Schreibens), Бюссе (Die Graphologie etc. 1895), Швидландъ («Die Graphologie», 1883), Зольтманнъ (Schrift und Spiegelschrift. 1890), Е. де-Варсъ (Histoire de la Graphologie. 1880), А. Варинарда (I. H. Michon: «La vie et ses oeuvres». 1883), Лангенбрухъ (Graphologische Studien. 1895), Мареръ (Die Graphologie), Буринскаго (О судебной фотографіи) и др. Но первое мѣсто въ этомъ отношеніи должно быть отведено личному изученію, личнымъ наблюденіямъ, которые требуютъ не мало труда и времени и въ концѣ концовъ приведутъ С. С. къ убѣжденію, что болѣе правы тѣ, которые стремятся придать изслѣдованіямъ почерковъ болѣе или менѣе научный характеръ. Изученіе почерковъ приноситъ пользу С. С. въ двоякомъ отношеніи: онъ учится по почеркамъ узнавать людей и приобрѣтаетъ навыкъ опредѣлять, имѣется ли достаточно данныхъ для сужденія о тождествѣ почерковъ, чтобы предложить ихъ на разсмотрѣніе свѣдущихъ лицъ. Никто, быть можетъ, не располагаетъ въ такой мѣрѣ средствами для приобрѣтенія въ этомъ отношеніи извѣстной опытности, какъ именно С. С., который не только наблюдаетъ почерки, но и можетъ изучать тѣхъ лицъ, которымъ они принадлежатъ. Въ личныхъ же сношеніяхъ

¹⁾ Systeme de graphologie. 1884 и Les mystères de l'écriture. 1872.

²⁾ Ueber die von Veränderungen im Gehirn abhängenden Schreibanomalien» и «Die Schrift».

своихъ съ людьми онъ имѣетъ постоянную возможность провѣрять тѣ выводы, которые онъ строитъ на основаніи ихъ почерковъ.

Богатый матеріалъ для этого представляетъ любое уголовное дѣло: почерки коллегъ, писцовъ, подписи свидѣтелей и обвиняемыхъ, нерѣдко различныя письма и другіе документы, прилагаемые къ дѣлу, открываютъ ему возможность каждодневнаго изученія. Для этого необходимо только любить свое дѣло, но это качество предполагается у каждаго ревностнаго С. С. Приемы же для того, чтобы достигнуть умѣнія разгадывать почерки, весьма просты: разсматривая почеркъ, слѣдуетъ стараться по его характернымъ особенностямъ извлечь (вычитать) все, что возможно, и добытыя наблюденія сопоставить съ тѣмъ, что извѣстно о личности иными путями, и тогда постараться привести въ ясность, почему именно въ томъ или другомъ наблюденіи произошла ошибка. Конечно, легко это сказать, осуществить же эти приемы требуетъ много времени и труда, но весь трудъ вознаградится съ избыткомъ какъ интересомъ работы, такъ и приобрѣтенными результатами. Особенно первая половина работы должна вестись въ строгомъ систематическомъ порядкѣ. Прежде всего должно стараться обнаружить употребленіе болѣе старинныхъ формъ буквъ, которыя обыкновенно встрѣчаются у людей пожилого возраста, при чемъ, однако, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что употребленіе старинныхъ буквъ еще не безусловно свидѣтельствуетъ о пожиломъ возрастѣ писавшаго, равно какъ и употребленіе буквъ новѣйшихъ формъ—о юномъ возрастѣ автора. Люди, учившіеся писать у лица престарѣлаго возраста и обладающіе малосамостоятельнымъ характеромъ, нерѣдко сохраняютъ заученныя формы буквъ надолго, часто на всю жизнь. Есть также люди, которые вслѣдствіе личной склонности къ какому-нибудь престарѣлому лицу или вообще къ старинѣ, усваиваютъ себѣ старинное письмо. Но съ другой стороны есть люди пожилого возраста, которые, вообще сохраняя юношескій нравъ, безъ всякихъ затрудненій оставляютъ «устарѣвшее письмо», какъ вышедшее изъ моды платье, и переходятъ къ буквамъ новыхъ формъ. Какъ бы то ни было, можно считать за правило, что лица, разъ привыкшія къ извѣстному почерку, потомъ, особенно въ позднѣйшіе годы, уже отъ него не отступаютъ. Удостоверившись въ этомъ чисто внѣшнемъ обстоятельстве, можно затѣмъ перейти къ опредѣленію того, привычнымъ или непривычнымъ почеркомъ писано то или другое письмо. Это не представляетъ трудности и, хотя нельзя выразить словами, почему именно тотъ или другой почеркъ представляется «впол-

нѣ привычнымъ», но все-таки каждый съумѣетъ отличить нетвердое, неуклюжее, такъ сказать безпомощное письмо отъ плавнаго, гибкаго и бойкаго. Въ цѣляхъ слѣдствія этимъ уже многое достигнуто, такъ какъ установленіемъ этого обстоятельства исключается цѣлый рядъ лицъ, которымъ данный почеркъ несвойствененъ.

Болѣе трудностей представляетъ вопросъ о различеніи почерка мужского отъ женскаго, хотя и здѣсь во многихъ случаяхъ даже тотъ, кто никогда не занимался изслѣдованіемъ почерковъ, безошибочно отличить одинъ почеркъ отъ другого. При нѣкоторой внимательности и навыкѣ можно и въ этомъ отношеніи настолько изощриться, что никогда, или точнѣе почти никогда не будетъ сдѣлано ошибки. Это умѣніе можетъ быть полезнымъ не только для того, чтобы разгадать, къ какому полу принадлежитъ писавшій, но и чтобы съ нѣкоторою увѣренностью находить въ рукописи мужчины особенности, присущія женщинѣ, и наоборотъ,—а это въ значительной степени способствуетъ познанію личности человѣка ¹⁾.—Слѣдующее, на что должно обратить вниманіе при изученіи внѣшнихъ особенностей почерковъ, есть различіе мужскихъ почерковъ по профессіямъ. Въ извѣстныхъ классахъ населенія эти особенности подмѣчаются легко. Такъ не трудно отличить быстрый, бѣглый, равномерный, разборчивый, съ своеобразно недописываемыми словами (напр., ц.—цѣна и т. п.) торговаго человѣка. Отличительная особенность почерка ученаго заключается въ томъ, что при всей своей неразборчивости почеркъ его имѣетъ сходство съ печатнымъ шрифтомъ, такъ какъ, благодаря постоянному чтенію, ученый невольно и въ письмѣ подражаетъ привычному для глаза шрифту. Солдатъ пишетъ довольно схоже съ купцомъ, только четче и тверже, такъ сказать увѣреннѣе, несомнѣннѣе. Чиновникъ имѣетъ почеркъ, который можно назвать «подержаннымъ». Учитель народной школы, который постоянно учитъ дѣтей писать образцово, никогда не достигаетъ этой роскоши имѣть самостоятельный почеркъ: онъ пишетъ и въ школѣ и въ жизни почеркомъ прописей, такъ же, какъ и врачъ, утружденный практикой, пишетъ свои частныя письма почеркомъ рецептовъ. Также часто въ почеркѣ отражаются и національныя особенности: и французы, и англо-американцы пишутъ не такъ, какъ другіе, и внимательно изучивъ ихъ почерки, можно почти придти къ заключенію, что истые французы или истые янки,

¹⁾ Объ этомъ у Гиршфельда: „Die uraische Mensch“. 1903 г.

по особенностямъ своего національнаго характера, и не могутъ писать иначе, нежели они пишутъ въ дѣйствительности.

Конечно, бываютъ и исключенія, но мы можемъ вполне согласиться съ д-ромъ Фр. Шольцомъ, который говоритъ: «когда ученый пишетъ, какъ канцелярскій писецъ, а купецъ, какъ художникъ, то они ошиблись въ выборѣ своей профессіи». Впрочемъ въ этихъ случаяхъ имѣютъ значеніе и различныя побочныя обстоятельства, напр. подражаніе почерку любимаго человѣка (напр. отца), подражаніе какому-нибудь образцу, который, быть можетъ, совершенно не соотвѣтствуетъ характеру подражающаго, но представляется удобнымъ, красивымъ и оригинальнымъ. Много значатъ также наслѣдственность и, наконецъ, извѣстныя физическія особенности, напр. близорукіе всегда пишутъ очень мелко. Но всѣ эти побочныя вліянія оказываютъ воздѣйствіе лишь на чисто внѣшнія стороны почерка (размѣры буквъ, положеніе строкъ и т. п.) и указываютъ на извѣстныя свойства характера (духъ подражанія, несамостоятельность).

Умѣніе заключить объ этихъ и другихъ свойствахъ характера по особенностямъ почерка является дѣломъ въ высокой степени труднымъ и въ то же время весьма важнымъ. «Мы пишемъ не только рукой, говоритъ Шольцъ, но и мозгомъ», и это совершенно справедливо. Лучше всего это подтверждается, если мы попробуемъ сравнить не почерки различныхъ лицъ съ разными характерами, но почерки однихъ и тѣхъ же лицъ въ различные моменты ихъ жизни. Съ полнымъ правомъ мы можемъ поэтому допустить постоянное факсимиле Наполеона, такъ какъ немногіе способны легко реагировать на всѣ жизненныя впечатлѣнія и въ то же время такъ много пережить, какъ онъ: 1804 г., 3 декабря 1805 г., 1806 г., 21 сентября 1812 г., 6 октября 1812 г., 13 октября 1813 г., актъ отреченія 4 апрѣля 1814 г. и наконецъ изгнаніе на островъ св. Елены. Какія превратности судьбы, какія перемѣны положеній и соотвѣтственно какая перемѣна почерковъ! Изученіе его почерковъ въ эти 8 періодовъ его жизни глубоко поучительно, болѣе, чѣмъ изученіе томовъ книгъ. Кажется совершенно невѣроятнымъ, но эти почерки можно смѣшивать, и подпись Наполеона въ эпоху высшаго его счастья и славы можно принять за подпись, данную на островѣ св. Елены!

Не будемъ останавливаться на тѣхъ особенностяхъ, которыя налагаютъ на почеркъ болѣзнь: выясненіе ихъ составляетъ обязанность врача. С. С. обязывается только въ случаяхъ, когда почеркъ

свидѣтелей или обвиняемыхъ представляетъ какія-нибудь новыя и рѣзкія измѣненія, приглашать врача ¹⁾). Къ такимъ измѣненіямъ относятся, напр., ошибочная разстановка буквъ или словъ, неспособность правильно написать сказанное или указанное (списать), странныя, необычныя очертанія буквъ, несогласованіе буквъ или словъ, говоря короче: все, что является выходящимъ изъ ряда вонъ и что не поддается никакому естественному объясненію. Вполнѣ справедливо отсюда заключаютъ, что многія душевныя болѣзни (особенно паралитическія формы) гораздо ранѣе обнаруживаются въ письмахъ заболѣвающихъ, нежели въ какихъ-нибудь физическихъ признакахъ. Для Суд. Слѣдователя имѣетъ значеніе еще одна подмѣченная любопытная особенность, что заики, а также нѣкоторые слабоумные пишутъ именно такъ, какъ они говорятъ. Такъ, заики часто дѣлаютъ среди письма непонятныя росчерки, перерывы, слабоумные же, напр., опускаютъ въ словахъ букву—р. Такъ какъ разныя подметныя письма часто пишутся идиотами, то вышеуказанныя особенности, замѣченныя въ анонимныхъ письмахъ, указываютъ на ихъ происхожденіе. Особенно полезно для С. С. и вовсе не трудно умѣть отгадывать вліяніе, оказываемое на почеркъ извѣстными внѣшними обстоятельствами: воздѣйствіе того или другого изъ этихъ обстоятельствъ легко узнать, если для сравненія взять одну или нѣсколько письменныхъ работъ одного и того же лица, на почеркъ которыхъ не вліяла ни одна изъ этихъ причинъ. Впрочемъ отгадать то или другое вліяніе возможно и при отсутствіи объекта для сравненія. Такъ напр., не трудно отгадать, что рукопись писана подъ диктовку, 1) по тѣмъ ошибкамъ, которыя можно объяснить ничѣмъ инымъ, какъ невнятнымъ произношеніемъ или невѣрнымъ воспріятіемъ слуха, 2) когда почеркъ и орфографія писавшаго свидѣтельствуютъ о гораздо меньшей степени образованія этого послѣдняго, нежели говорить о томъ самое содержаніе письма, 3) болѣе всего по тому признаку, что писавшій, повидимому, не прилагалъ къ работѣ умственнымъ усилій. Въ чемъ именно выражается это послѣднее, нельзя опредѣлить словами, но не трудно вскрыть это, если остановить свое вниманіе прежде всего на такой рукописи, которая,—какъ это достовѣрно извѣстно,—стоила тяжкихъ усилій самому писавшему. Тогда мы обнаружимъ то своеобразное

¹⁾ Весьма поучителенъ атласъ: „Die Schrift bei Geisteskranken. P. Кюстера: знакомство съ этимъ трудомъ для С. Сл. безусловно необходимо.

соотношеніе между почеркомъ и работой мысли, которое всегда отсутствуетъ въ диктантѣ.

То же слѣдуетъ сказать и относительно письменной работы, переписанной съ оригинала, т. е. копій: онѣ вообще исполняются тщательнѣе, нежели подлинникъ, поправки попадаются рѣдко, и вся работа носить характеръ равномернаго, заботливаго вниманія. Переписанную работу можно также узнать и по тѣмъ особенностямъ, которыя свойственны и подложнымъ бумагамъ: напр., важны моменты обмакиванія пера въ чернила. Возьмемъ прежде всего продиктованную работу или такой подлинникъ, которые на взглядъ казались бы написанными гладко, безъ значительныхъ промежутковъ. Если мы пишемъ однимъ перомъ, чернилами и т. д., то при каждомъ обмакиваніи пера захватываемъ приблизительно одинаковое количество чернилъ, и каждый разъ поэтому написано будетъ нами одинаковое количество буквъ одного оттѣнка, но когда чернила изсякаютъ на перѣ, то послѣднія буквы выходятъ блѣднѣе и ясно отличаются отъ слѣдующихъ ближайшихъ буквъ, написанныхъ уже съ новымъ запасомъ чернилъ ¹⁾. Эти блѣднаго оттѣнка мѣста ясно различаются въ хорошую лупу, и при помощи ея можно такимъ образомъ опредѣлить, когда обмакивалъ свое перо писавшій. Въ оказавшихся промежуткахъ можно даже сосчитать и число отдѣльныхъ буквъ. Если число ихъ хотя бы въ двухъ такихъ промежуткахъ будетъ приблизительно одинаковое, то передъ нами лежитъ или подлинникъ, или продиктованное письмо, такъ какъ писавшій обмакивалъ свое перо только по мѣрѣ того, какъ изсякали на немъ чернила.

Но если число буквъ въ этихъ промежуткахъ представить значительную разницу, то нужно продолжить изслѣдованіе. Если окажется, что извѣстное число буквъ остается неизмѣннымъ въ теченіи нѣсколькихъ такихъ промежутковъ, далѣе вдругъ рѣзко увеличивается и затѣмъ вновь понижается до прежняго числа, то надлежитъ остановить вниманіе на такихъ перерывахъ, происшедшихъ, повидимому, вслѣдствіе размысленій автора надъ письмомъ. Пишущій пріостанавливался, когда еще на перѣ было много чернилъ, нѣкоторое время размышлялъ и, начиная писать, вновь обмакивалъ перо. Такимъ образомъ въ этотъ разъ не получились блѣдныя буквы, и разстояніе отъ предшествующихъ блѣдныхъ буквъ до послѣдую-

¹⁾ Только очень нервныя и возбужденныя люди не ждутъ, пока на перѣ останется немного чернилъ: они обмакиваютъ перо гораздо ранѣе и потому нервность или возбужденность ихъ выражается на письмѣ въ томъ, что блѣдныя буквы совершенно отсутствуютъ.

щих оказывалось болѣе значительное. Конечно, и диктующій могъ дѣлать паузы, но при диктантѣ имѣются еще и другіе характерные признаки, и смѣшивать ихъ не слѣдуетъ.

При переписываніи или списываніи порядокъ обмакиванія пера иной. Переписчикъ обмакиваетъ перо не только тогда, когда чернила истощаются, но часто и тогда, когда онъ вновь прочиталъ фразу подлинника и усвоилъ ее себѣ. Кто присмотрится къ переписывающему, тотъ замѣтитъ, что онъ часто, написавъ одну фразу, приступаетъ къ другой съ новымъ запасомъ чернилъ, хотя бы это и не было нужно. Отсюда ясно, что блѣдныхъ мѣстъ въ переписанной работѣ мало, и они слѣдуютъ одно за другимъ неравномѣрно. Но если переписано настолько тщательно, что, напр., переданъ даже почеркъ подлинника, т. е. произведена поддѣлка рукописи, то, насколько мнѣ удавалось наблюдать, блѣдныя мѣста въ такихъ рукописяхъ почти совершенно отсутствуютъ. Поддѣлыватель воспроизводитъ штрихъ за штрихомъ или по меньшей мѣрѣ небольшія сочетанія штриховъ и послѣ каждого штриха или сочетанія ихъ всегда смотритъ на лежащее передъ нимъ письмо (оригиналъ); вслѣдствіе этого происходятъ небольшія паузы, и пишущій совершенно невольно пользуется ими для обмакиванія пера,—такъ что блѣдно очерченныхъ буквъ совсѣмъ нѣтъ.

Другое внѣшнее обстоятельство, присутствіе котораго также не трудно обнаружить, это—поспѣшность или нѣкоторое безпокойство при работѣ. Вліяніе торопливости характеризуется въ письмѣ *увеличенными*¹⁾, неоднобразными по формѣ, болѣе закругленными, безъ острыхъ угловъ, буквами; положеніе буквъ уклоняется отъ привычной нормы, т. е. крутой почеркъ выписывается наклонно, и наоборотъ; неправильно и разстояніе между строками; послѣдніе штрихи отдѣльнаго слова, особенно при окончаніи фразы, далеко заходятъ за поля, пробѣлы сверху, снизу, справа, слѣва—все это свидѣтельствуеетъ о недостаткѣ спокойствія въ работѣ. Совершенно обратное представляетъ письменная работа, на которой было сосредоточено самое серьезное вниманіе. Нерѣдко можно даже замѣтить, что для такой работы взято новое перо, о чемъ свидѣлствуютъ заостренныя очертанія буквъ и тонкіе, какъ волосъ, штрихи. Письмо становится мельче, углы буквъ—острѣе, точки, какъ знаки препина-

¹⁾ Это подтверждено А. Вьяне и Ж. Куртье. производившими опыты при помощи электрическаго пера Эдиссона (Rev. philosoph. 1893. 6.); объясняютъ это явленіе желаніемъ пишущаго восполнить неясность письма, неизбѣжную при быстромъ письмѣ.

нія, круглы (вправо не выдаются), фразы внимательно раздѣлены знаками препинанія, вообще внѣшности письма удѣлено не мало времени.

Заботливое вниманіе, обращенное на внѣшнія особенности почерка, достигаетъ высшей своей степеніи, когда писавшій старался скрыть свой собственный почеркъ, когда онъ поддѣлывался подъ чужой почеркъ и поэтому вынужденъ былъ слѣдить за каждою мелочью, за каждымъ штрихомъ. Эта старательность прямо бьетъ въ глаза въ тѣхъ случаяхъ, когда писавшій хотѣлъ въ то же время замаскировать и это самое усердіе и произвести впечатлѣніе, что письмо какъ будто писано бѣгло, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности слова выводились съ величайшими усиліями. Кто съумѣетъ такъ поддѣлать чужой почеркъ, что онъ дѣйствительно будетъ производить впечатлѣніе бѣгло написаннаго, о томъ можно сказать, что онъ достигъ въ этомъ отношеніи совершенства, потому что преодолѣлъ самое труднѣйшее въ искусствѣ поддѣлки. Но разъ эта техническая сторона подлога исполнена неудовлетворительно, то при первомъ же взглядѣ на рукопись чувствуется какое-то внутреннее въ ней противорѣчіе, хотя на первыхъ порахъ и не съумѣешь разгадать, въ чемъ оно заключается. Но какъ только начнешь тщательно всматриваться въ письмо, является мысль: «почеркъ кажется бѣглымъ, но на самомъ дѣлѣ онъ не таковъ».

Далѣе важно и также не трудно подмѣтить еще по особенностямъ почерка необычность обстановки. Когда мы сидимъ дома за своимъ письменнымъ столомъ, имѣемъ подъ рукой знакомый письменный приборъ и матеріалы, и когда ничто необычное насъ не тревожить, то мы всѣ пишемъ совершенно иначе, нежели когда намъ попало въ руку слишкомъ тонкое, дешеваго сорта перо, когда приходится писать на плохой бумагѣ, стоя, или согнувшись. Необычность положенія легко можно подмѣтить не только путемъ сравненія съ какой нибудь другой письменной работой того же лица, но и тогда, когда такой работы не имѣется, такъ какъ по нѣкоторымъ буквамъ всегда можно угадать, писаны ли онѣ лицомъ, много работающимъ перомъ, и наконецъ по общему характеру письма можно уловить нѣчто безпомощное, несоотвѣтствующее установившимся очертаніямъ буквъ. Но если писавшій вообще не имѣлъ привычки къ письму, то, конечно, въ этомъ случаѣ невозможно разгадать, писалъ ли онъ въ необычныхъ для него условіяхъ.

Самое важное, что можетъ извлечь С. С. изъ изученія почерковъ, это, несомнѣнно, умѣніе разгадать по почерку характеръ человѣка. Для этого требуется отчасти природная способность, отча-

сти навыкъ. Говоря о томъ, какъ приобрести этотъ послѣдній, мы въ то же время должны коснуться вообще способовъ анализа и оцѣнки почерковъ. Кто убѣжденъ, что изученіемъ почерковъ можно дѣйствительно достигнуть полезныхъ результатовъ, и кто пожелаетъ отнестись къ этому дѣлу серьезно, тотъ долженъ вести это изученіе систематически. Кто же намѣренъ лишь бѣгло ознакомиться съ этимъ дѣломъ, тотъ можетъ брать для изученія, что придется по желанію. Для систематическаго изученія должно прежде всего собрать почерки хорошо знакомыхъ лицъ, характеры которыхъ, возрастъ, занятія и т. п. точно извѣстны. Эти почерки должны послужить началомъ и ad hoc, т. е. въ нихъ слѣдуетъ вчитываться съ предвзятой цѣлью отличить въ почеркѣ ту или другую особенность характера. Такъ напр., изъ почерка престарѣлаго человѣка слѣдуетъ извлечь все, что только составляетъ въ этомъ почеркѣ свидѣтельство о старости: устарѣвшія выраженія, дрожащая рука, неуклюжія буквы, старинныя буквы и т. п. Все это должно записать и впослѣдствіи пытаться отыскивать и въ письмахъ другихъ стариковъ и даже лицъ иного возраста. И если случится подмѣтить эти характерныя особенности старческаго почерка въ письмахъ лицъ болѣе юнаго возраста, то слѣдуетъ постараться опредѣлить, почему эти особенности имѣютъ мѣсто въ письмѣ этого возраста, и затѣмъ выдѣлить всѣ отличительныя черты почерка даннаго возраста. Если же впослѣдствіи придется встрѣтить письмо этого возраста, то слѣдуетъ вновь провѣрить наличность тѣхъ же отличительныхъ признаковъ, и все подмѣченное вновь приобщить къ составленному списку. Этотъ списокъ въ началѣ работы будетъ сильно измѣняться, часто будутъ открываться новые признаки, но въ то же время всегда обнаруживаются и тѣ отличительныя особенности, которыя также свойственны данному возрасту и потому не подлежатъ включенію въ списокъ. Такимъ именно способомъ слѣдуетъ составлять списки во всѣхъ, какія только мыслимы, отношеніяхъ: по степенямъ возраста, пола, общественнаго положенія, сословія, профессіи, по умственному развитію, способностямъ, наклонностямъ, характеру, физическому сложенію, настроенію духа и вообще соотвѣтственно всѣмъ элементамъ, изъ которыхъ складывается духовная и физическая личность человѣка. Въ изслѣдованіяхъ этихъ слѣдуетъ идти двумя методами: одинъ ведетъ къ тому, чтобы отыскать въ почеркѣ всѣ характерныя особенности того состоянія или элемента, который въ дѣйствительности присущъ обладателю почерка. Предположимъ, что онъ извѣстенъ намъ, какъ поспѣшный или легко-

мысленный человекъ; слѣдовательно мы должны приложить усилія къ тому, чтобы уловить въ почеркѣ его виѣшнее выраженіе поспѣшности или легкомыслія. Если мы, по нашему мнѣнію, такіе признаки нашли, то запишемъ ихъ на память и будемъ повторять провѣрку правильности нашихъ выводовъ совершенно такъ же, какъ мы поступали при опредѣленіи характерныхъ особенностей старческаго почерка.

Второй методъ состоитъ въ томъ, что мы должны стараться опредѣлить по данному почерку все, что мы будемъ въ состояніи, и затѣмъ уже произвести провѣрку, соотвѣтствуетъ ли наше опредѣленіе тому, что дѣйствительно извѣстно о лицѣ, которому принадлежитъ этотъ почеркъ. При нѣкоторой опытности бываетъ, что составленное на основаніи почерка сужденіе о личности не будетъ соотвѣтствовать представленіямъ о томъ же лицѣ, сложившимся въ обществѣ, и что первое оказывается болѣе соотвѣтствующимъ правдѣ. Почеркъ въ этомъ отношеніи безошибочно разоблачитъ несоостоятельность общественнаго мнѣнія.

Когда такимъ образомъ собранъ будетъ достаточный матеріалъ почерковъ разнаго рода, то раздѣляютъ его на группы: сначала по возрастамъ, потомъ по поламъ, потомъ по другимъ качествамъ, по цѣли письма (бѣглая замѣтка, серьезный трудъ и т. п.). Раздѣливъ какую-нибудь группу съ извѣстной точки зрѣнія на болѣе мелкія части, слѣдуетъ провѣрять эти подраздѣленія и попытаться дѣлать обобщенія, что именно выражаетъ почеркъ такого или иного типа. Такая работа въ высшей степени интересна и увлекательна: кто разъ попробуетъ ею заняться, тотъ отдастъ ей со страстью, которая возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ постепенно выясняется вся степень приносимой ею пользы; самый трудъ становится все плодотворнѣе и вноситъ радостное оживленіе въ самое дѣло слѣдствія.

Этому способствуетъ еще и то, что уголовный судья располагаетъ такимъ обильнымъ и цѣннымъ матеріаломъ, какъ никто, — матеріаломъ, имѣющимся въ протоколахъ допросовъ: подписями допрашиваемыхъ лицъ, свѣдѣніями о ихъ личности и показаніями ихъ. Кто ревностно занимается изученіемъ почерковъ, тотъ въ каждомъ попавшемся въ руки протоколѣ съумѣетъ почерпнуть для себя кое-что полезное: такъ, *сначала* онъ разсмотритъ подпись, постарается разгадать по ней все, что въ состояніи, и затѣмъ уже по даннымъ, имѣющимся въ протоколѣ, провѣритъ правильность своихъ предположеній. Кто такъ дѣлаетъ, тотъ въ самое короткое время достигаетъ того, что всѣ потерянные минуты съ избыткомъ

будутъ вознаграждаться тѣмъ, что будетъ добыто въ другомъ направленіи. Дѣло идетъ обычнымъ порядкомъ, если только усвоить себѣ такой пріемъ. Быстрымъ взглядомъ на конецъ протокола опредѣлить: «мелкій ремесленникъ, 40—50 л., добродушный, храбрый, честный, невысокаго роста, мелочный, ограниченный», затѣмъ просмотрѣть заголовокъ протокола относительно положенія, возраста свидѣтеля—оказывается вѣрно, и наконецъ пробѣжать самое содержаніе протокола относительно другихъ его качествъ,—то же вѣрно. Нѣсколько болѣе времени требуется въ томъ случаѣ, когда заключеніе не соотвѣтствуетъ датамъ, и поэтому приходится выяснитъ, въ чемъ была ошибка. Но въ скоромъ времени такія ошибки будутъ рѣдки, а затѣмъ исчезнутъ совсѣмъ, занятіе это не будетъ сопряжено съ тратой времени и доставитъ разсѣяніе, разнообразіе впечатлѣній, интересъ и несомнѣнную пользу. Совѣтую такъ поступать каждому.

Наконецъ, существуетъ еще, такъ сказать, механическій способъ угадыванія характерныхъ особенностей почерка, а именно: по писанному водять сухимъ перомъ, заостренной спичкой или при нѣкоторомъ навыкѣ просто слѣдятъ глазами букву за буквой и стараются дѣлать это по возможности съ такой же быстротой, съ какой писалъ бы и самъ изслѣдователь. Отнюдь не преувеличеніе и не плодъ воображенія, если окажется, что при этой операціи на самомъ дѣлѣ приходишь въ особенное состояніе, совершенно соотвѣтствующее тому, въ которомъ въ свое время писана была изслѣдуемая рукопись. Испытываешь нервное возбужденіе, безпокойство, радость, гнѣвъ, тѣ самыя чувства, подъ вліяніемъ которыхъ писалъ собственникъ рукописи. Но не только такія скоропреходящія состоянія, которыя переживались авторомъ, но и его способности и качества характера, присущія ему, могутъ быть отгаданы при такомъ способѣ изслѣдованія,—при условіи, если изслѣдователь имѣетъ нѣкоторую въ этомъ отношеніи опытность и вообще обладаетъ впечатлительностью и воспримчивостью.

Полезно также въ этихъ случаяхъ производить вторичное изслѣдованіе почерка, если удалось впоследствии лучше и точнѣе опредѣлить характеръ и личность обладателя этого почерка. Предположимъ, что былъ изслѣдованъ почеркъ обвиняемаго и о личности его сложилось опредѣленное убѣжденіе; когда же впоследствии съ несомнѣнностью будетъ обнаружена виновность или невиновность его, то полезно вновь проанализировать его почеркъ и сопоставить добытыя данныя, прежнія и новыя.

Если представляется необходимымъ установить тождество двухъ почерковъ, то процессъ этого сличенія состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ примѣненіи совершенно тѣхъ же приѣмовъ, какіе употребляются при изслѣдованіи почерка отдѣльнаго лица. Кто полагаетъ, что для сличенія слѣдуетъ только положить двѣ рукописи рядомъ и отыскивать въ нихъ сходное и различное, тотъ или совсѣмъ ничего не достигнетъ, или достигнетъ весьма немногаго, и то въ самомъ легкомъ случаѣ. Дѣло сличенія почерковъ только тогда будетъ поставлено правильно, когда каждая рукопись будетъ подвергнута отдѣльному изученію сама по себѣ, и когда этимъ путемъ будетъ опредѣлено, въ чемъ именно окажутся тождественными *добытыя такимъ изученіемъ данныя*, но не самыя рукописи. Только послѣ того, какъ эта работа будетъ со всею тщательностью закончена, можно приступить и къ сличенію самыхъ рукописей для обнаруженія сходства и различія между ними. При этомъ выраженія: сходство и различіе должны быть понимаемы въ совершенно опредѣленномъ смыслѣ и отнюдь не заключающими въ себѣ только понятіе о тождественности и нетождественности очертаній буквъ. Каждый изъ насъ однѣ и тѣ же буквы въ разное время можетъ писать неодинаково, часто мѣняетъ ихъ очертанія на одной и той же строкѣ и, кромѣ того, допускаетъ иногда употребленіе и особенныхъ характерныхъ формъ буквъ. Поэтому тождество буквъ получается только тогда, когда онѣ продиктованы однимъ и тѣмъ же мозгомъ, когда въ основаніи ихъ лежитъ одна идея, одно стремленіе, одна личность. И только при этомъ условіи двѣ буквы могутъ выглядѣть совершенно одинаково. Но если онѣ продиктованы не однимъ мозгомъ, не принадлежать одному духу человѣка, то онѣ всегда выглядяютъ несходно. Это положеніе есть альфа и омега для всякаго сличенія почерковъ, и кто усвоитъ его, тотъ можетъ производить сличенія. Но, конечно, для этого существуютъ и нѣкоторые искусственные приѣмы, которые могутъ способствовать изслѣдованію.

Такъ, полезно на каждой подлежащей изслѣдованію рукописи проводить нѣкоторыя линіи, которыми тотчасъ же выясняются нѣкоторыя характерныя особенности почерка ¹⁾; мы называемъ эти линіи горизонтально-предѣльными.—Предположимъ, что мы имѣемъ

¹⁾ Если дѣло очень важно, то само собой разумѣется слѣдуетъ фотографировать сличаемыя рукописи, чтобы всѣ опыты производить со снимками безпрепятственно, кромѣ того, на фотографіяхъ обнаруживается многое, незамѣтное на оригиналахъ.

дѣло съ латинскимъ шрифтомъ, и проведемъ тѣ четыре линіи, которыя обыкновенно употребляются при первыхъ письменныхъ упражненіяхъ дѣтей. Проведемъ эти линіи не прямыми, а какъ бы ломанными (рис. 8), т. е.

такъ, чтобы онѣ коснулись самыхъ нижнихъ и самыхъ верхнихъ краевъ каждой отдѣльной буквы. Са-

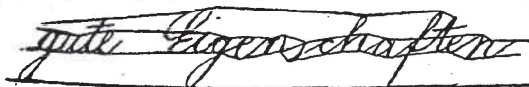

Рис. 8.

Горизонтально-предѣльные линіи буквъ.

мой прямой линіей будетъ та, которая соединяетъ нижній край маленькихъ буквъ (а, с, е, о, ш, п, и и т. д.), въ общемъ же всѣ эти 4 линіи обнаруживаютъ характерныя особенности каждаго почерка, такъ что онѣ имѣютъ важное значеніе при сличеніи.

Но если рукопись поддѣльна, слѣдовательно писана медленно и съ неоднократными перерывами, то очертаніе этихъ линій будетъ имѣть совершенно своеобразный видъ, такъ какъ послѣ каждаго сдѣланнаго перерыва перо уже не въ состояніи найти ту точку, съ которой должна продолжаться строка, съ такою же степенью вѣрности, какъ если бы перерыва не было. Такимъ образомъ линія выходитъ рѣзко ломаною, хотя разстояніе между строками въ общемъ будетъ сохранено правильно.

Затѣмъ должно обращать вниманіе и на перерывы въ отдѣльныхъ словахъ. Обыкновенно слова пишутся безъ перерывовъ, но бываютъ слѣдующія исключенія: 1) когда слово слишкомъ длинно, такъ что приходится передвигать на столѣ пишущую руку и съ нею перо; 2) когда—также въ болѣе длинныхъ словахъ—нужно поставить въ началѣ і съ точкой; если же такая буква приходится въ концѣ слова, то по большей части сначала будетъ написано все слово, и затѣмъ уже будетъ поставлена точка надъ і: иначе пришлось бы прервать слово, поставить точку и затѣмъ уже докончить слово; 3) когда извѣстныя буквы неудобно привязать къ слѣдующимъ, напримѣръ, нѣкоторыя латинскія прописныя В, L, D, и т. п. и 4) когда пишущій имѣетъ привычку останавливаться иногда безъ всякой причины.

Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ бываетъ характерно для даннаго почерка опредѣлить, почему и когда дѣлались перерывы: эти перерывы слѣдуетъ самымъ точнымъ образомъ подмѣтить на подлинникѣ (не подлежащемъ сомнѣнію оригиналѣ) и затѣмъ отыскать на сличаемой рукописи. Вотъ тогда-то и можетъ быть обнаружено, что въ рукописи (разъ она поддѣлана или подложная) дѣлались

перерывы чаще и безъ всякихъ видимыхъ причинъ, т. е. именно безъ тѣхъ четырехъ, о которыхъ мы упомянули. Вглядываясь въ рукопись, мы можемъ объяснить эти перерывы только тѣмъ, что писавшій приостанавливался для того, чтобы сличать сдѣланное или справляться съ текстомъ для продолженія. Это и есть безспорный и никакому сомнѣнiю не подлежащій признакъ того, что мы имѣемъ передъ собой отнюдь не подлинное письмо.

Не безразличенъ также и способъ нажиманiя пера (т. е. обоими кончиками сразу, или однимъ болѣе или менѣе сильно): далеко не такъ легко измѣнить способъ, которымъ кто-либо привыкъ держать и нажимать перо. И наконецъ, имѣетъ важное значенiе при этомъ и все вышесказанное нами относительно обмакиванiя пера и дѣлаемыхъ при этомъ остановокъ.

Отнюдь не слѣдуетъ въ такой степени основываться на орфографiи, какъ это дѣлаютъ въ большинствѣ случаевъ. Поддѣлывающiй рукопись можетъ умѣть писать правильно и дѣлать ошибки умышленно, онъ можетъ всегда писать съ ошибками, но при поддѣлкѣ каждое слово провѣрить по книгѣ и написать такимъ образомъ все совершенно правильно; наконецъ, онъ можетъ довѣрить кому нибудь исправленiе своей рукописи. Если даже въ подлинникѣ (не подлежащемъ сомнѣнiю) и въ сличаемой съ нимъ рукописи встрѣтятся орфографическiя ошибки и при томъ неодинаковыя, то и это ничего не доказываетъ. Не слѣдуетъ забывать, что только правильно пишущiй всегда соблюдаетъ требованiя грамматики, пишущiй же съ ошибками не руководствуется никакими правилами (по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ), одинъ разъ онъ сдѣлаетъ одну ошибку, другой разъ другую ошибку въ томъ же самомъ словѣ, третiй же разъ случайно напишетъ его правильно. Мы, криминалисты, имѣющiе постоянную возможность читать рукописи лицъ изъ самыхъ различныхъ слоевъ общества, хорошо знаемъ, какую неустойчивостью въ этомъ смыслѣ отличаются люди необразованные.

Нерѣдки случаи, въ которыхъ приходится имѣть дѣло съ рукописями дѣтей-школьниковъ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ школьники среди другихъ членовъ семьи больше всѣхъ занимаются письмомъ. Школьные тетради и части ихъ нерѣдко играютъ роль въ уголовныхъ дѣлахъ, и лучшимъ, часто единственнымъ экспертомъ въ такихъ случаяхъ является школьный учитель, который съ увѣренностью могъ опредѣлить почеркъ ученика.

Заканчивая этотъ параграфъ, я нахожу нужнымъ упомянуть

о слѣдующемъ. Бываютъ безспорно выдающіеся эксперты по сличенію почерковъ, которые работаютъ по совершенно научнымъ приемамъ и нерѣдко съ гениальною проникательностью. Имъ можно смѣло довѣрить любую экспертизу, но пусть каждый изъ насъ въ этомъ случаѣ предварительно попытается лично придти къ какимъ-нибудь выводамъ для того, чтобы затѣмъ, въ видахъ поученія, сравнить ихъ съ заключеніемъ свѣдущихъ лицъ. Бываютъ, однако, и такіе эксперты, которые относятся къ дѣлу, какъ ремесленники и поверхностно: если приходится имѣть дѣло съ таковыми, то лучше всего взять весь трудъ на себя.

9. О фотографіѣ.

а) значеніе фотографіи въ судебномъ отношеніи.

Фотографія, несомнѣнно, не есть ни искусство, ни наука, ибо все, что позаимствовано ею изъ разныхъ искусствъ и изъ многихъ наукъ, эта рожденная отъ свѣта отрасль знанія возвратила имъ съ огромною прибылью. Можно сказать, что нѣтъ въ настоящее время искусства и нѣтъ науки, которыя не пользовались бы услугами фотографіи и не были бы обязаны ей неисчислимыми и неоцѣненными открытіями ¹⁾.

Блестящимъ образомъ полезность фотографіи обнаруживается и въ примѣненіи къ уголовному процессу: еще такъ недавно она была введена впервые въ эту область, и уже столь многообразны случаи приложенія ея. Пока мы можемъ только предугадывать ея богатое будущее: мы знаемъ смутно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ фотографія оказывается полезною, но мы совершенно не представляемъ себѣ всей области примѣненія фотографіи, такъ какъ извѣстные намъ случаи составляютъ лишь неизмѣримо малую часть всей той пользы, какую фотографія можетъ оказывать дѣлу правосудія. Это особенно проявляется въ томъ, что мы не только одобрительно относимся къ непосредственно прямому назначенію фотографіи, но и сочувствуемъ каждому новому успѣху ея въ любой области знанія. Если кто будетъ просматривать фотографическіе журналы и при этомъ постоянно имѣть въ виду, въ какой степени можетъ быть полезно для насъ то или другое, тотъ долженъ прид-

¹⁾ Изъ многочисленныхъ руководствъ по фотографіи я считаю самымъ лучшимъ для насъ руководство Педиггедди, изд. 1892 г. (особенно важна 3-я часть). Стр. 249.

ти къ убѣжденію, что въ недалекомъ будущемъ намъ, быть можетъ, удастся установить совершенно новыя начала для освѣщенія, по крайней мѣрѣ, извѣстнаго ряда вопросовъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ и то обстоятельство, что между юристами находится немало любителей-фотографовъ, которые знаютъ, въ чемъ именно фотографія можетъ послужить на пользу дѣлу правосудія, и поэтому можно надѣяться, что всѣ, болѣе или менѣе цѣнныя, открытія въ этой сферѣ не останутся безрезультатными для насъ. Во всякомъ случаѣ въ этомъ направленіи мы должны работать систематически и подбирать все, что можетъ быть въ той или иной мѣрѣ пригоднымъ. Для удобства обзорѣнія мы всѣ успѣхи, достигаемые фотографіей, должны комментировать съ двухъ сторонъ: чего мы, криминалисты, можемъ въ *настоящее время* достигнуть посредствомъ фотографіи? и въ какихъ случаяхъ мы *могли бы* пользоваться ею впоследствии?

По первому вопросу необходимо, чтобы юристъ и любитель-фотографъ, или вообще всякій изъ насъ, кому извѣстна болѣе или менѣе сфера примѣненія фотографіи, всегда ставилъ вопросъ о томъ, можетъ ли быть примѣнена съ пользою къ данному практическому случаю фотографія. Во второмъ отношеніи каждый долженъ постоянно спрашивать себя, въ какомъ направленіи должна усовершенствоваться фотографія, чтобы разрѣшить тѣ или другія затрудненія. Для разрѣшенія же этихъ вопросовъ мы должны располагать обширнымъ, отовсюду собраннымъ, матеріаломъ. Нѣтъ возможности предугадать всей пользы, которую можетъ въ будущемъ принести фотографированіе при помощи рентгеновскихъ лучей. Вообще уже нынѣ можно сказать, что при помощи этихъ лучей мы можемъ найти у раненаго то же, что на трупѣ мы въ состояніи обнаружить только при помощи вскрытія. Наиболѣе полный обзоръ случаевъ, въ которыхъ лучи Рентгена принесли пользу судебному дѣлу, можно найти въ работахъ Гольдфельда (*Arch. f. Anthr. u. Krim. II. Гросса, т. VI, 161*), Левинсона (*ibid., т. II, 211*), Несселя (*ibid. т. XI, 228*), Гаспара (*Vierteljahrschrift f. ger. Med. XXIII*), Бенедикта (*Deutsche medicin. 23, 1902*), Гольцкнехта (*ibid. 24, 1902*), Штельцинга (*Zeitschr. f. Mediz. 13. 1902*) и Трэгера (*Friedreichs Blätter f. ger. Med. 54, стр. 241*).

Обращаясь прежде всего къ вопросу о личныхъ качествахъ фотографа, приглашаемаго въ качествѣ эксперта, слѣдуетъ провести нѣкоторое раздѣленіе, по крайней мѣрѣ теоретическое. Часто требуется только имѣть фотографическій снимокъ чего-либо, при чемъ на ходъ дѣла достоинство этого снимка вліянія не имѣетъ. При

этомъ даже грубыя ошибки фотографа можно исправить посредствомъ простыхъ оговорокъ на протоколѣ. Сюда относятся снимки пожараща, положенія трупа, желѣзнодорожнаго крушенія, обвала, взрывы и т. п. Если эти снимки неудачны, то въ протоколѣ дѣлаются замѣтки такого рода: «разстояніе между строеніями А и В не кажется на глазъ столь велико, какъ на снимкѣ; оно равняется двойной ширинѣ дома А по сдѣланному измѣренію», или «положеніе трупа не столь круто, какъ кажется на снимкѣ: почва, на которой лежитъ трупъ, имѣетъ уклонъ около 12 град.».

Такіе снимки, въ которыхъ требуется лишь вѣрность изображенія и правдивость впечатлѣнія, можетъ сдѣлать всякій занимающійся фотографіей, не только профессиональный фотографъ, но и фотографъ-любитель. И такъ какъ приглашеніе профессиональнаго фотографа всегда сопряжено съ затрудненіями и по меньшей мѣрѣ обходится дорого, то было бы желательно, чтобы большинство С. С. (также чины полиціи, жандармы) занялись фотографіей въ качествѣ любителей. Тогда было бы возможно во многихъ уголовныхъ дѣлахъ прилагать фотографическіе снимки, которые много облегчили бы и способствовали разъясненію дѣла.

Такъ извѣстный эксперт—химикъ д-ръ Павелъ Гезерихъ въ теченіи ряда лѣтъ постоянно указываетъ въ своихъ работахъ, какую пользу приносятъ въ судебныхъ дѣлахъ фотографія какъ вслѣдствіе своей совершенной объективности и неподкупности, такъ и потому, что въ снимкахъ запечатлѣваются и такіе моменты, важность которыхъ обнаруживается впоследствии и которые во время производства осмотра никѣмъ замѣчены не были. Въ виду этого можно съ полнымъ основаніемъ дать такой совѣтъ: дѣлать нѣсколько снимковъ съ различныхъ сторонъ, такъ какъ часто во время осмотра нельзя опредѣлить, съ какой стороны мѣстность или предметъ могутъ оказаться важными для дѣла.

Въ настоящее время мы имѣемъ уже многихъ С. С., сознавшихъ пользу и важность фотографическихъ снимковъ, и нерѣдко находимъ протоколы, снабженные фотографическими изображеніями, снятыми самимъ С. С. Несомнѣнно, что дѣло чрезвычайно облегчается благодаря такимъ снимкамъ и выплываетъ въ точности. Конечно, государство не можетъ требовать, чтобы каждый С. С. приобрѣлъ себѣ фотографическій аппаратъ и всѣ необходимыя къ нему приспособленія, чтобы онъ изучилъ всѣ нужные химическіе составы и занялся по истинѣ утомительной работой: проявленіемъ, копированіемъ, промывкой и наклеиваніемъ снимковъ,

но когда со временемъ важность фотографіи въ судебномъ отношеіи проникнетъ во всеобщее сознаніе, то государство должно придти на помощь и не только С. С., но и каждый болѣе значительный полицейскій участокъ должны имѣть фотографическій аппаратъ. Тогда, съ увѣренностью можно сказать, вездѣ найдется С. С. и тѣмъ болѣе полицейскій чиновникъ, знакомые съ употребленіемъ аппарата, которые и возьмутъ на себя трудъ сниманія. Съ увеличеніемъ потребностей эти аппараты станутъ дешевле, приносимая же ими польза щедро вознаградитъ за всѣ расходы ¹⁾.

Совсѣмъ иного характера тѣ случаи, въ которыхъ С. С. приходится обращаться къ услугамъ научно подготовленнаго фотографа, или точнѣе, человѣка науки, работающаго съ помощью фотографіи. Относящіеся сюда случаи именно и возводятъ фотографію на то неожиданно высокое положеніе, которое она заняла въ настоящее время въ сферѣ отправленія правосудія. Но мы стоимъ еще только въ преддверьи ея будущаго, каждый день раскрываетъ намъ новыя стороны ея примѣненія, и недалеко то время, когда для насъ невозможны будутъ какія бы то ни было разслѣдованія безъ ежечасной помощи *научно подготовленнаго* фотографа. Я думаю, что теперь даже невозможно вполнѣ оцѣнить то громадное значеніе, которое принадлежитъ фотографіи въ ближайшемъ будущемъ. Не слѣдуетъ только предаваться слишкомъ смѣлымъ надеждамъ, какъ доказываетъ слѣдующій замѣчательный случай, сообщенный Энглисомъ Роджерсомъ въ «Amateur Photographer»: послѣ того, какъ онъ непрерывно въ теченіе одной минуты, не отводя глазъ, смотрѣлъ на почтовую марку, наклеенную на черную бумагу, затемнили комнату и помѣстили чувствительную фотографическую пластинку на томъ же мѣстѣ, гдѣ была передъ тѣмъ почтовая марка; посмотрѣвъ неоднократно въ теченіе 20 минутъ на пластинку, Роджерсъ нашелъ затѣмъ два ясныхъ изображенія марки на пластинкѣ.

Какъ провести границу между дѣятельностью фотографа обыкновеннаго и научно подготовленнаго, опредѣлить не представляется возможнымъ. Съ одной стороны это зависитъ отъ природы дѣла, съ другой—отъ самаго фотографа. Одинъ и тотъ же случай можетъ

¹⁾ Въ настоящее время я, впрочемъ, смотрю на это нѣсколько иначе: не говоря, конечно, о нѣкоторыхъ случаяхъ, вообще же не слѣдуетъ С. С. быть предметомъ зрѣлища толпы, да и возня съ аппаратомъ и съемка могутъ отвлекать его отъ серьезнѣйшихъ обязанностей. Лучшее всего было бы, если бы С. С. имѣлъ къ своимъ услугамъ какого-либо любителя-фотографа.

казаться настолько простымъ, что будетъ по силамъ любому фотографу, и настолько труднымъ, что потребуетъ напряженія всѣхъ силъ человѣка науки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это зависитъ также и отъ степени образованія фотографирующаго, окажется ли онъ способнымъ для того или другого дѣла: С. С., напр., обладающій основательными познаніями въ рисованіи, физикѣ и т. п., можетъ рѣшиться на такія дѣйствія, о которыхъ не посмѣетъ и думать всякій другой, не имѣющій такихъ познаній. Такимъ образомъ въ послѣдующемъ изложеніи, при описаніи отдѣльныхъ примѣровъ, въ которыхъ требуется помощь фотографа, различія въ дѣятельности зауряднаго фотографа и научно-подготовленнаго мы указывать не будемъ: это различіе обусловливается природою случая и должно быть устанавливаемо самимъ С. С.

в) отдѣльные случаи примѣненія фотографіи.

Невозможность составленія исчерпывающаго списка всѣхъ случаевъ примѣненія фотографіи объясняется, во 1-хъ, собственно затруднительностью самаго собиранія ихъ и въ 2-хъ тѣмъ, что если бы даже сегодня этотъ списокъ и былъ составленъ, то завтра же онъ оказался бы неполнымъ. Перечисленіе это можетъ быть только примѣрнымъ для того, чтобы обозначить то направленіе, въ которомъ могутъ найтись новые случаи, требующіе помощи фотографа. Въ общемъ можно сказать, что къ фотографіи слѣдуетъ обращаться въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется безусловно объективный, доступный провѣркѣ и неизмѣняющійся доказательный матеріалъ (по выраженію д-ра Гезериха). «Свѣточувствительная пластинка, говоритъ проф. Фогель, есть новая сѣтчатая оболочка глаза изслѣдователя», поэтому фотографія должна примѣняться тамъ, гдѣ можно предположить, что фотографическій аппаратъ увидитъ болѣе, нежели нашъ глазъ, и затѣмъ тамъ, гдѣ онъ, хотя и отражаетъ на пластинкѣ не болѣе того, что доступно и зрѣнію человѣка, но за то долженъ сохранить это отраженіе и на послѣдующее время. Фотографія есть зеркало, задерживающее свои отраженія. Но уже это самое опредѣленіе говоритъ намъ о томъ, что какъ бы это ни звучало парадоксально—фотограмма показываетъ намъ болѣе, нежели наше зрѣніе, и въ то же время показываетъ намъ только то, что доступно зрѣнію. Когда живописецъ, особенно портретистъ, работаетъ надъ картиной въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, то онъ ставитъ ее по временамъ передъ зерка-

ломъ и разсматриваетъ отраженіе ея въ зеркалѣ: такимъ путемъ онъ часто открываетъ въ картинѣ грубыя ошибки, которыя онъ не былъ въ состояніи уловить зрѣніемъ на самой картинѣ. Это происходитъ отъ того, что мы все, на что смотримъ болѣе или менѣе продолжительное время, или даже что видимъ впервые, въ моментъ появленія, воспринимаемъ съ такой точки зрѣнія, съ которой не замѣчаемъ сдѣланной ошибки. Когда же мы смотримъ на тотъ же предметъ, отраженный въ зеркалѣ, то видимъ его уже въ обратномъ положеніи, т. е. съ иной точки зрѣнія, и поэтому все, что ранѣе не было замѣчено, становится очевиднымъ. При фотографированіи совершается то же самое: когда мы разсматриваемъ какой-нибудь предметъ со всею тщательностью и вниманіемъ, то получается рядъ извѣстныхъ впечатлѣній, но ничего болѣе выдѣляющагося глазъ не воспринимаетъ, потому что онъ уже освоился съ предметомъ (примелькался). Если же этотъ предметъ явится на фотографическомъ снимкѣ, то новая окраска, новые размѣры, новизна самаго изображенія, всего этого достаточно, чтобы создалась новая точка зрѣнія, и тогда обнаруживаются совершенно новыя стороны предмета, ранѣе неподмѣченныя.

Этимъ уже опредѣляется группа тѣхъ случаевъ, въ которыхъ съ пользой можетъ послужить фотографія, а именно, когда предметъ, его характерныя особенности, положеніе и т. п. или неполнѣ, или совсѣмъ не поддаются описанію. Такъ, напр., въ дѣлѣ о какомъ-нибудь несчастномъ смертномъ случаѣ, въ которомъ подозрѣвается злой умыселъ, можно неправильно представить себѣ самый ходъ преступленія, фотографическій же снимокъ мѣста событія устранить возможность ошибки, а въ послѣдствіи поможетъ разъясненію дѣла. Фотографія можетъ помочь и въ дѣлахъ о кражахъ со взломомъ, если возникаетъ сомнѣніе о способѣ, которымъ обвиняемый совершилъ взломъ; затѣмъ въ случаяхъ, когда положеніе трупа является особенно характернымъ, такъ что на основаніи этого положенія могутъ быть сдѣланы различныя заключенія, между тѣмъ одного описанія для этого недостаточно. Далѣе фотографія примѣняется для установленія внѣшняго вида той или иной раны, при сличеніи письменныхъ документовъ, при поджогахъ и т. д. Каждому изъ насъ знакомы такого рода впечатлѣнія: «на основаніи такого положенія (напр. трупа) я имѣлъ бы право придти къ очень важнымъ выводамъ, если бы только мнѣ удалось найти правильную позицію, правильную точку зрѣнія». Такое впечатлѣніе всегда указываетъ на настоятельную необходимость фотографировать пред-

метъ. Свѣтописное изображеніе открываетъ эту другую позицію, другую точку зрѣнія и часто ведетъ за собой искомое разъясненіе. Но пусть даже С. С., который видѣлъ дѣйствительное положеніе предмета, не найдетъ надлежащей точки зрѣнія,—другой, которому впоследствии можно показать фотографическій снимокъ, быть можетъ, найдетъ разгадку. Если же снимка не будетъ, то никто, не имѣя передъ глазами картины событія, не въ состояніи способствовать разъясненію дѣла.

Къ другой группѣ случаевъ, требующихъ примѣненія фотографіи, относятся всѣ тѣ, въ которыхъ С. С. имѣетъ цѣлью такъ изобразить и описать какой-нибудь предметъ и его положеніе, чтобы лицо, которому впоследствии придется читать дѣло, получило бы объ этомъ возможно точнѣйшее представленіе. По теоріи уголовного процесса, каждый судья, прокуроръ, экспертъ, защитникъ должны видѣть все, что видѣлъ С. С., а такъ какъ это часто невозможно, то С. С. и обязанъ давать описаніе всего видѣннаго, въ видѣ протоколовъ осмотра. И если къ его описаніямъ будутъ приложены фотографическіе снимки, то они чрезвычайно выигрываютъ въ ясности, убѣдительности и объективности. Поэтому слѣдуетъ прибѣгать къ фотографіи въ нижеслѣдующихъ случаяхъ: при описаніяхъ мѣста, въ которомъ совершилось убійство, гдѣ произошла драка, гдѣ былъ поброшенъ младенецъ, гдѣ произошелъ несчастный смертный случай; затѣмъ при описаніи пожара, картины желѣзнодорожнаго крушенія, взрыва котла, обрушившагося моста или дома, или другихъ построекъ, разломаннаго при совершеніи кражи зданія и т. п.

Какъ яркій примѣръ того, что фотографія можетъ и случайно оказать услуги дѣлу правосудія, приведу слѣдующій случай. Во время безпорядковъ, происшедшихъ въ Брюсселѣ вслѣдствіе свадьбы принца Круа, арестовано было нѣсколько молодыхъ людей, которые утверждали, что они къ дѣлу совсѣмъ не причастны, а только случайно и вопреки желанію попали въ суматоху и были увлечены толпой. Въ то же время одинъ изъ полицейскихъ чиновниковъ случайно замѣтилъ, что какой-то любитель-фотографъ производилъ изъ окна моментальные фотографическіе снимки уличныхъ сценъ. Любитель этотъ былъ розысканъ, и полученные отъ него снимки были значительно увеличены въ размѣрѣ. И тогда на одномъ снимкѣ оказались нѣкоторые изъ арестованныхъ «непричастныхъ зрителей»: ихъ можно было отчетливо узнать, и такъ какъ они, къ ихъ несчастью, изображены были съ раскрытыми ртами, т. е. кричащими,

съ высоко поднятыми руками, махающими палками, то они должны были отказаться отъ объясненія своего о томъ, что «лишь случайно замѣшались» въ толпу.

Подобный же случай имѣлъ мѣсто и во время убійства президента Макъ-Кинлея, по сообщенію газеты «Daily Express»: «во время послѣдняго и столь роковаго посѣщенія президентомъ Соединенныхъ Штатовъ выставки въ Буффало, естественно дѣйствовала и камера кинематографа безостановочно. Въ цѣломъ рядѣ превосходно удавшихся картинъ изображенъ президентъ, какъ онъ произносилъ свою рѣчь и пожималъ руку разнымъ лицамъ, приближавшимся къ нему. На пластинкѣ запечатлѣлись всѣ движенія президента вплоть до самаго момента, когда его сразила пуля убійцы. Когда на фабрикѣ Эдиссона въ недавнее время воспроизведены были эти живыя фотографы передъ нѣсколькими высшими сановниками и судебными чинами, то было сдѣлано открытіе, представляющее не бесполезнымъ для насъ. Въ тѣсной толпѣ людей, окружавшихъ Макъ-Кинлея, нельзя было не замѣтить выдѣляющуюся съ чрезвычайно ясною фігурою и лицо одного человѣка: это былъ Чолгошъ. Въ рядѣ изображеній можно было видѣть, какъ президентъ, взожда на эстраду, началъ свою рѣчь, и было видно, что одинъ человѣкъ съ трудомъ протискивался впередъ черезъ толпу и люди, которыхъ онъ при этомъ толкалъ, съ недовольнымъ лицомъ обращались къ нему. Не сбиваясь съ пути и раздвигая смыкавшуюся передъ нимъ живую стѣну людей, онъ вдругъ останавливается на секунду и, ничего не подозрѣвая, безотчетно взглядываетъ въ сторону камеры. Въ глазахъ его можно даже прочесть выраженіе мрачной рѣшимости. Еще нѣсколько толчковъ и вотъ онъ—непосредственно предъ президентомъ. Еще разъ взглядываетъ въ сторону, гдѣ находится фотографическій аппаратъ: на лицѣ его признаки смущенія и волненія. Вотъ вслѣдствіе движенія толпы шляпа его коснулась лица, но онъ быстро ее относитъ назадъ, и перелъ нами снова Чолгошъ. Онъ дико озирается кругомъ, какъ бы выматривая кого въ толпѣ и ожидая сигнала. На пластинкахъ отразились тысячи лицъ и почти всѣ они стоятъ къ камерѣ спиною; лица же тѣхъ, которыя оборачивались, были настолько ясны, что ихъ можно было узнать. Съ пластинокъ аппарата были сняты снимки и сыскная полиція надѣется, что съ помощью этихъ снимковъ будутъ обнаружены участники въ убійствѣ».

Такіе «случайные» фотографическіе снимки служили иногда и къ оправданію обвиняемыхъ. Такъ, по сообщенію «Amateur Pho-

tographer» (1901 г. № 17), въ Рио-Жанейро одинъ англійскій ком-ми обвинялся въ убійствѣ своего товарища, уроженца Бразиліи. Оба они за нѣсколько дней передъ тѣмъ весьма поспорили другъ съ другомъ, но затѣмъ помирились и уѣхали на небольшой яхтѣ покататься по морю. Вечеромъ возвратился въ живыхъ только одинъ, трупъ другого лежалъ въ лодкѣ. Англичанинъ утверждалъ, что смерть товарища его произошла по несчастной случайности, такъ какъ онъ упалъ съ вершины мачты на палубу. Но на лодкѣ не оказалось одного весла, и эксперты-врачи дали заключеніе, что смерть погибшаго произошла вслѣдствіе удара по головѣ, нанесеннаго тяжелою палкою или весломъ. Предшествовавшая ссора давала противъ обвиняемаго тяжкую улику. Но на одномъ пароходѣ пассажиръ производилъ моментальную съемку гавани и на пластинкѣ получилось темное пятно на бѣломъ парусѣ какой-то маленькой яхты. При увеличеніи снимка оказалось, что это было тѣло падающаго съ вершины мачты человѣка. Такое доказательство послужило къ оправданію подсудимаго.

Можно снимать также и отдѣльные предметы, которые не могутъ сохраниться: напр., *раны*, именно тогда, когда неизвѣстно оружіе, которымъ онѣ нанесены, или когда представляется неяснымъ, въ какомъ положеніи былъ нападавшій по отношенію къ тому, который водвергся нападенію, или когда существуетъ сомнѣніе, были ли нанесены раны убитому при жизни, или уже послѣ смерти. Затѣмъ, *слѣды отъ ногъ*, съ которыхъ не могутъ быть сняты слѣпки, или когда ихъ взаимное расположеніе имѣетъ въ дѣлѣ значеніе. Строго говоря, каждый слѣдъ долженъ быть сначала фотографированъ, а затѣмъ уже съ него слѣдуетъ снимать слѣпокъ, такъ какъ въ случаѣ неудачнаго слѣпка значеніе слѣда въ дѣлѣ, благодаря снимку, будетъ все-таки не менѣе прочно. Точно также могутъ быть фотографированы *отпечатки пальцевъ* на тѣлѣ потерпѣвшаго или на другихъ предметахъ для сужденія объ общей ихъ картинѣ, формѣ и величинѣ. Въ особенности же всегда слѣдуетъ снимать *положеніе трупа убитаго* и притомъ съ разныхъ сторонъ его, при условіи, если можно предположить, что положеніе трупа есть первоначальное, т. е. ни въ чемъ не было измѣнено кѣмъ-либо изъ первыхъ, прибывшихъ на мѣсто преступленія.

Мы можемъ рассчитывать въ этихъ случаяхъ даже на блестящіе результаты вслѣдствіе одного замѣчательнаго свойства фотографической пластинки, заключающагося въ томъ, что красный и коричневый цвѣта она проявляетъ темнѣе и рѣзче, чѣмъ они пред-

ставляются непосредственно нашему глазу; чувствительность ея къ этимъ цвѣтамъ настолько высока, что она воспроизводитъ ихъ даже тогда, когда они недоступны или незамѣтны для человѣческаго глаза. Этимъ именно свойствомъ и объясняется часто цитируемый случай о «женщинѣ въ оспѣ». Одна женщина, казавшаяся совершенно здоровой, пожелала снять съ себя фотографію, но когда фотографъ проявилъ ея изображеніе, то лицо ея и шея оказались усѣянными въ разныхъ мѣстахъ темными пятнами, хотя фотографъ положительно помнилъ, что таковыхъ не было во время сниманія. Его удивленіе возросло, когда онъ узналъ, что женщина, *стуся нѣсколько дней* послѣ сниманія, заболѣла оспой. Объясняется это явленіе именно тѣмъ, что хотя оспины и показались въ день сниманія, но были еще столь слабо окрашены, что были недоступны человѣческому зрѣнію, но восприняты чувствительной фотографической пластинкой.

Нѣчто подобное хорошо извѣстно студентамъ-корпорантамъ, на фотографическихъ карточкахъ которыхъ, въ особенности на щечкахъ, часто виднѣются ясные рубцы, которыхъ простымъ глазомъ не видно. Эти рубцы суть послѣдствіе плоскихъ ударовъ эспадронномъ, нанесенныхъ въ дуэляхъ и оставившихъ красноту, которая, будучи незамѣтна для глаза человѣка, воспроизводится, однако, аппаратомъ фотографа.

Эти случаи повели къ предположенію, что вообще возможно *незамѣтныя глазу красныя или коричневыя слѣды сдѣлать видимыми при помощи фотографіи*. Всякое нажатіе и давленіе на человѣческую кожу производитъ разрывъ или по меньшей мѣрѣ раздраженіе тончайшихъ кровеносныхъ сосудовъ: и то и другое сопровождается окрашиваніемъ кожи. Если давленіе было очень слабое, то, хотя краснота объективно и существуетъ, но она незамѣтна для взора. Такъ бываетъ именно при побояхъ, царапинахъ, покушеніи на удушеніе, толчкахъ, паденіяхъ, сжиманіяхъ, связываніи, затѣмъ при раздраженіи кожи ядовитыми веществами, вслѣдствіе жара, растираній и т. п., если всѣ эти дѣйствія были учпнены въ слабой степени. Но во многихъ случаяхъ для дѣла не столь важно, отличалось ли насиліе особой энергіей; часто достаточно бываетъ знать, что *насиліе* вообще имѣло мѣсто. Въ той же мѣрѣ полезно иногда обнаружить такіе слѣды и у лица нападавшаго, такъ какъ они могутъ указывать на оборону со стороны потерпѣвшаго. Относительно подвергшагося нападенію этимъ путемъ можетъ быть выясненъ важный вопросъ о томъ, что поврежденія были причинены

ему въ моментъ, когда онъ уже находился въ состояніи агоніи, и дѣятельность сердца его настолько ослабѣла, что оно было уже не въ состояніи вынести кровь къ поверхности изъ поврежденныхъ сосудовъ, и поэтому даже сильное давленіе вызвало лишь слабое окрашиваніе кожи.

Легко указать практическіе случаи подобнаго рода: напр., кто нибудь задушенъ подушкой или какимъ-либо инымъ мягкимъ предметомъ, такъ что внѣшніе признаки насилія отсутствуютъ и возможно предположить естественную смерть. Фотографическая пластинка въ этомъ случаѣ можетъ отчетливо проявить легкіе слѣды задушенія или слѣды насилія, указывающіе на то, что умершаго кто-либо держалъ крѣпко или давилъ. Такимъ же образомъ и у того, который, повидимому, повѣсился самъ, могутъ быть обнаружены ссадины кожи и кровоподтеки, незамѣтные для глаза, но хорошо воспроизведенные фотографической пластинкой и ясно свидѣтельствующіе о происходившей борьбѣ.

Не менѣе важно обнаруженіе слѣдовъ оказаннаго сопротивленія и на тѣлѣ заподозрѣннаго, такъ какъ легкіе удары, царапины, слѣды отъ попытокъ жертвы схватить нападавшаго за горло могутъ быть проявлены лишь фотографической пластинкой. Кромѣ того, эти знаки, быть можетъ, и замѣтные сначала, ко времени осмотра могутъ настолько изгладиться, что возстановленіе ихъ возможно будетъ только указаннымъ путемъ. Отсюда вытекаетъ безусловная необходимость во всѣхъ подозрительныхъ смертныхъ случаяхъ фотографировать умершаго и, когда есть основаніе предполагать оборону, то фотографировать и заподозрѣннаго, обращая вниманіе на всѣ красныя пятна на его тѣлѣ. Въ этихъ случаяхъ необходима поспѣшность, такъ какъ слѣды эти исчезаютъ быстро. Затѣмъ полезно фотографировать и тѣ поверхности, на которыхъ обыкновенно бывають кровяные слѣды, если есть основаніе думать, что они уничтожены, — напр. платки, полы, стѣны и т. п. Такіе предметы по размѣрамъ ихъ неудобно подвергать химикомикроскопическому изслѣдованію, но если ихъ фотографировать, то весьма возможно, что кровяныя пятна окажутся не вполне уничтоженными, и фотографическій аппаратъ укажетъ мѣста, гдѣ они находились. Послѣ этого можно приступить и къ химикомикроскопическому изслѣдованію найденныхъ пятенъ.

При извѣстныхъ обстоятельствахъ полезно также фотографировать внутренніе органы, напр. мозгъ, слизистую оболочку дыхательнаго горла или желудка, если возникаетъ предположеніе, что

обнаруженная въ нихъ краснота ненормальна. При отравленіяхъ этимъ путемъ возможно довольно точно опредѣлить и самое время совершенія преступленія. Если, напр., довольно сильная доза мышьяка находилась продолжительное время въ желудкѣ, то на слизистой оболочкѣ появляется краснота тѣмъ болѣе значительная, чѣмъ дольше мышьякъ находился на стѣнкахъ. Если такая краснота незамѣтна для глаза, то ее, быть можетъ, обнаружить фотографическій аппаратъ, и тогда получатся данныя для заключенія о томъ, какъ давно мышьякъ былъ принятъ внутрь ¹⁾).

По этому поводу слѣдуетъ вообще замѣтить, что при обыкновенномъ фотографированіи цвѣта получаются неправильные, т. е. различіе между свѣтлымъ и темнымъ проявляется не такъ, какъ мы наблюдаемъ это въ природѣ ²⁾. Красный и коричневый проявляются, какъ уже сказано, темными, синій и фіолетовый выходятъ по большей части свѣтлыми, а иногда и темными, въ зависимости отъ химической обработки красильнаго вещества. Флуоресцирующія тѣла воспроизводятъ цвѣтные тоны различнымъ образомъ; зеленый часто выходитъ очень темнымъ, но извѣстны предметы, напр. зелень крыжовника, которые проявляются на снимкахъ совершенно свѣтлыми. Естественные цвѣта проявляются лучше искусственныхъ: если фотографировать букетъ живыхъ цвѣтовъ, то въ цвѣтныхъ оттѣнкахъ получится гораздо болѣе точное соотвѣтствіе дѣйствительности, чѣмъ если бы мы этотъ букетъ самымъ точнымъ образомъ нарисовали красками и фотографировали это *изображеніе*. Эти характерныя свойства фотографической пластинки слѣдуетъ всегда имѣть въ виду.

Къ изложенному добавимъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ весьма полезно фотографировать — и при томъ нѣсколько разъ — симулянтовъ. Если, напр., обвиняемый упорно коверкаетъ свое лицо, выкатываетъ бѣлки, принимаетъ неподвижное выраженіе и вызываетъ подозрѣніе въ симулированіи, то слѣдуетъ ввести его въ приспособленную для фотографированія комнату, устроить над-

¹⁾ По вопросу о фотографированіи скрытыхъ красныхъ пятенъ на тѣлѣ потерпѣвшаго, на внутреннихъ органахъ убитаго и на другихъ поверхностяхъ я производилъ опыты, не вышедшіе еще изъ первоначальной стадіи. Позвоительно ожидать, однако, что опыты въ этомъ направленіи могутъ дать намъ цѣнный и богатый матеріалъ. Кто поинтересуется этимъ вопросомъ и будетъ производить опыты, того я убѣдительно прошу сообщить мнѣ о результатахъ этихъ опытовъ.

²⁾ И такъ называемыя ортохроматическія пластинки не устраняютъ вполне этого недостатка.

лежащее освѣщеніе и при этомъ по возможности приспособить такъ, чтобы незамѣтно наблюдать его черезъ какое-нибудь отверстіе. Такъ же незамѣтно должно устроить отверстіе и для фотографическаго аппарата, чтобы воспользоваться имъ въ ту минуту, когда обвиняемый сядетъ на указанное мѣсто и приметъ естественное выраженіе лица. Само собой разумѣется, это возможно лишь съ помощью моментальной фотографіи.

Не слѣдуетъ забывать, что иногда необходимость заставляетъ фотографировать при свѣтѣ зажженнаго магнія. Если, напр., найденъ трупъ на многолюдной улицѣ, или обнаружены на ней слѣды крови или человѣческихъ ногъ, между тѣмъ невозможно ожидать наступленія дня вслѣдствіе постояннаго движенія народа, то можно прибѣгнуть къ фотографированію и при этомъ искусственномъ освѣщеніи.

Перейдемъ теперь къ микро-фотографіи, примѣненія которой, конечно, нельзя требовать лично отъ С. С. Мнѣ думается, что въ недалекомъ будущемъ всѣ заключенія, основанныя на изслѣдованіяхъ микроскописта, всегда и неизбѣжно будутъ сопровождаться приложеніемъ фотографическихъ снимковъ, изображающихъ то, что экспертъ видѣлъ подъ микроскопомъ. Д-ръ Павелъ Гезерихъ долженъ быть признанъ первымъ, указавшимъ на необходимость такихъ фотограммъ. Онъ исходилъ при этомъ изъ тѣхъ соображеній, что на судебномъ слѣдствіи экспертамъ нерѣдко дѣлаютъ возраженія, не есть ли то, что они видѣли подъ микроскопомъ и приняли за кровь, ни болѣе, ни менѣе, какъ грибовидные ростки или крахмальныя зернушки. Трудно было ранѣе противопоставить что-либо такому возраженію, такъ какъ препараты, которые были подъ микроскопомъ, задолго до этого подвергались разложенію и разрушенію, и экспертиза уже не могла быть повторена на судѣ. Въ настоящее время затрудненія эти могутъ быть устранены тѣмъ, что отъ микроскописта требуютъ изготовленія и представленія фотограммъ всего имъ усмотрѣннаго. Этимъ исключается всякая возможность субъективныхъ заблужденій со стороны эксперта, который въ пылу усердія можетъ увидѣть подъ микроскопомъ нѣчто такое, чего и нѣтъ въ дѣйствительности. Прилагая фотограмму, онъ можетъ сказать для успокоенія своего и другихъ: пусть каждый смотритъ на это изображеніе и составляетъ на основаніи его собственное убѣжденіе.

И такія провѣрки возможны во всякое время, даже спустя годы, если только сохранилось дѣло, при которомъ приложены

были фотограммы. Но и помимо этого, какъ удобно демонстрировать ихъ передъ судомъ, особенно передъ присяжными засѣдателями!

Припомнимъ по этому поводу, какъ въ 1871 г. парижанами фотографія примѣнена была къ голубиной почтѣ. Отсылаемая письма и депеши наклеивались рядами на большой стѣнѣ, поверхность которой имѣла нѣсколько квадратныхъ метровъ, и эта стѣна подвергалась съемкѣ, такъ что получался такимъ образомъ листокъ въ нѣсколько квадратныхъ сантиметровъ. Листокъ этотъ свертывался, вкладывался въ тонкое перо и укрѣплялся на хвостѣ почтового голубя. Доставленная въ извѣстное мѣсто, эта миниатюрная фотографія съ сотней писемъ увеличивалась посредствомъ микроскопа, и изображеніе наводилось на бѣлую стѣну. Тогда всякій, кто ожидалъ письма, могъ подойти и читать его.— Попробуемъ примѣнить этотъ приемъ и въ нашей сферѣ: микрофотографическое изображеніе какого-нибудь своеобразнаго предмета или предметовъ (для сличенія) будетъ увеличено въ залѣ судебного засѣданія, проявлено на стѣнѣ и разъяснено экспертами судьямъ. Нельзя не согласиться, что это есть одно изъ превосходнѣйшихъ средствъ поставить предѣлъ возможнымъ ошибкамъ въ сферѣ правосудія.

Такой способъ изображенія можетъ быть примѣненъ и въ залѣ суда въ разнообразныхъ случаяхъ. Кому приходилось предьявлять въ судѣ изображеніе какого-нибудь предмета, имѣющаго важное значеніе для дѣла, но незначительнаго по размѣрамъ,— знаетъ недостаточность такого приема. Предположимъ, нужно предьявить такое изображеніе присяжнымъ засѣдателямъ, суду, прокурору, защитнику, гражданскому истцу и нѣсколькимъ свидетелямъ; вотъ уже мы имѣемъ передъ собою болѣе 20 лицъ, изъ которыхъ одновременно развѣ только два что-нибудь увидятъ, такъ что предсѣдательствующій долженъ или разъ 12 повторять свое разъясненіе, или же оставить въ невѣдѣніи большую часть присутствующихъ,— что, конечно, недопустимо. Каждому извѣстно, какъ все это утомительно, продолжительно и какъ не достигаетъ цѣли. Но представимъ себѣ, что въ залѣ суда имѣется для подобныхъ случаевъ гладкая, выбѣленная стѣна или рама съ натянутою бумагою или холстомъ, и всѣ необходимыя изображенія, въ нѣсколько разъ увеличенныя при помощи аппарата, отражаются на приготовленной поверхности, гдѣ всѣ участвующія въ дѣлѣ лица могутъ видѣть и одновременно получать о видѣнномъ объясненіе. Такимъ способомъ могутъ быть предьявлены не только диапозити-

вы, но и рисунки, фотографическія карточки, отпечатки, чертежи, рукописи и т. д., короче, все, что можетъ быть изображено на пропускающей свѣтъ бумагѣ. Кто разъ испыталъ этотъ способъ демонстрированія, тотъ едва ли будетъ въ состояніи представить себѣ разбирательство какого-либо важнаго дѣла на судѣ безъ такого увеличивающаго аппарата. Что же касается до необходимой въ этихъ случаяхъ темноты въ залѣ засѣданія, то въ этомъ отношеніи особенныхъ затрудненій быть не можетъ ¹⁾.

Примѣненіе фотографіи полезно и въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется установить тѣ или другія спектроскопическія качества предмета. Одинъ изъ интереснѣйшихъ случаевъ подобнаго рода слѣдующій: трупъ владѣльца сгорѣвшаго дома былъ найденъ въ полу-обугленной видѣ и возникло подозрѣніе, что онъ былъ убитъ. Известно, что свѣжая кровь представляетъ опредѣленные спектральныя свойства, которыя существенно измѣняются подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ химическихъ веществъ, но если кровь подверглась вліянію ядовитой угольной кислоты, то ея характерныя свойства остаются безъ измѣненія. Вопросъ состоялъ въ томъ, задохся ли умершій, или же былъ мертвымъ до пожара. Въ первомъ случаѣ кровь должна представлять всѣ признаки насыщенности угольной кислотой. Д-ръ Гезерихъ произвелъ изслѣдованіе двухъ капелекъ крови, которыя были найдены въ сердцѣ трупа, и былъ въ состояніи доказать, что смерть послѣдовала не вслѣдствіе задушенія газами. Одновременно съ этимъ д-ръ Гезерихъ фотографировалъ полученные имъ спектры, и его снимки, за уничтоженіемъ, вслѣдствіе разложенія, вещественныхъ доказательствъ, имѣли большое значеніе на судебномъ слѣдствіи. Тотъ же ученый въ наиболѣе серьезныхъ случаяхъ предьявлялъ суду и снимки волосъ, подвергнутыхъ имъ микроскопическому изслѣдованію, благодаря чему судьи какъ бы сами получали возможность наблюдать изслѣдованія эксперта.

Важное значеніе принадлежитъ фотографіи при изслѣдованіи рукописей. Мы уже упоминали, что при каждомъ сравнительномъ изслѣдованіи рукописей необходимо ихъ фотографировать, чтобы производить на снимкахъ разные чертежи, вообще все, что недопустимо на оригиналахъ. Но фотографіи эти могутъ служить кромѣ того и непосредственно въ качествѣ вещественнаго доказательства,

¹⁾ Предложеніе это въ настоящее время начинаетъ получать практическое осуществленіе.

такъ какъ на нихъ отчетливо воспроизводится многое, что недоступно глазу на оригиналѣ. Первые изслѣдованія по этому вопросу принадлежатъ Лезериху въ Берлинѣ, Гоберту въ Парижѣ и Эдеру въ Вѣнѣ. Благодаря имъ стало извѣстно, что на фотограммахъ подскобленныя мѣста рукописи вообще превосходно обнаруживаются, и даже можно возстановить уничтоженныя буквы, никоимъ образомъ неуловимыя простымъ глазомъ. Посредствомъ удачнаго выбора проявителя и др. можно до такой степени усилить контрасты, что даже самые незначительные остатки подчищеннаго слова будутъ отчетливо воспроизведены. Такимъ же образомъ вскрывается и употребленіе на рукописяхъ различныхъ химическихъ средствъ, такъ какъ на фотограммахъ всѣ мѣста бумаги, подвергнутыя дѣйствию такихъ веществъ, окрашиваются иначе. Очень часто при этомъ уничтоженныя (вытравленныя) слова становятся вновь доступными зрѣнію. Въ американскихъ газетахъ сообщается въ этомъ направленіи о поразительныхъ опытахъ (еще съ примѣненіемъ лучей Рентгена).

Такъ же важно приложеніе фотографіи и для доказательства того, что на извѣстной рукописи употреблялись различныя чернила,—какое обстоятельство нерѣдко ведетъ къ изобличенію подлога. Поддѣльвателю часто приходится съ большимъ трудомъ добывать чернила такого же цвѣта, которыми написанъ подлинникъ. Но эти чернила кажутся одинаковыми лишь для невооруженнаго глаза: стоитъ только фотографировать эту рукопись при условіи правильнаго ея освѣщенія и умѣлаго обращенія съ пластинкой, какъ обнаружатся два цвѣта чернилъ, казавшіеся на глазъ совершенно одинаковыми: одни слова (или буквы) будутъ свѣтлосѣрыми, другіе — черными. При сличеніи почерковъ фотографія полезна также и въ другомъ отношеніи. Прежде всего съ обѣихъ изслѣдуемыхъ рукописей (*corpus delicti* и взятая для сличенія) должно снять фотограммы одинаковаго размѣра, чѣмъ существенно облегчается возможность сравненія. При этомъ устраняется столь мѣшающее подчасъ различіе въ качествѣ бумаги обѣихъ рукописей, такъ какъ обѣ фотограммы снимаются на бумагѣ одного сорта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сличеніе рукописей можно облегчить еще и другимъ способомъ, а именно (по совѣту Лезериха): снявъ одну изъ рукописей на прозрачной желатинной пластинкѣ, наложить этотъ снимокъ на другую рукопись. Тогда съ поразительной точностью обнаружится сходство почерка до малѣйшаго штриха.

Наконецъ дѣло сличенія облегчается еще и путемъ фотогра-

фированія рукописей и увеличенія этихъ снимковъ до послѣдней степени возможности. При продолжительномъ разсматриваніи рукописи, въ особенности мелкаго письма, зрѣніе утомляется (темнѣетъ въ глазахъ), утрачивается зоркость взгляда и даже приходится приостанавливать работу. Но когда имѣешь предъ собой рукописи, писанныя огромными буквами, то не только трудъ сличенія въ высокой степени облегчается, но и всѣ мелочи, всякое малѣйшее сходство и различіе, нерѣшительность почерка, мѣста обмакиванія пера, перерывы и т. п. выступаютъ настолько ясно, что въ большинствѣ случаевъ изслѣдованіе тутъ же и заканчивается выводами, не подлежащими сомнѣнію.

Иногда при помощи фотографіи можно читать даже такія слова или буквы, которыхъ такъ сказать и нѣтъ въ дѣйствительности. Если напр. въ записной книжкѣ твердымъ карандашомъ что нибудь написать, то написанное слово оттиснется и на слѣдующей страницѣ записной книжки. Для невооруженнаго глаза на такомъ листѣ бумаги ничего незамѣтно, но если его фотографировать въ сильно увеличенномъ видѣ, то оттиснутое слово можно прочесть совершенно свободно.

Въ одномъ очень поучительномъ случаѣ дѣло шло о подложности подписи одного умершаго на роспискѣ, будто бы имъ выданной. Готовы были отказаться уже отъ сомнѣній въ этомъ отношеніи, какъ вдругъ случайно косые лучи солнца, упавшіе на эту росписку, освѣтили неисписанную часть ея и въ этомъ мѣстѣ явственно обнаружилась другая подпись. Стало ясно, что имъ на другомъ листѣ бумаги дѣлались опыты подражанія подписи и нажимы пишущаго оттиснулись на листѣ, лежащемъ внизу, а этотъ послѣдній впоследствии былъ употребленъ для составленія росписки. При помощи фотографіи этими оттисками подложность подписей доказана была внѣ сомнѣній.

Фотографическимъ способомъ можно изслѣдовать не только собственно рукопись, но и обнаружить все, что вообще такъ или иначе было въ соприкосновеніи съ рукописью. Такъ, въ Берлинѣ эксперту химику д-ру Бэйну былъ предложенъ въ судѣ шеффеновъ вопросъ, была ли наклеена на данномъ векселѣ гербовая марка. Онъ фотографировалъ этотъ вексель и одновременно вексельный бланкъ, на которомъ на самое короткое время была наклеена марка. Различіе получилось настолько рѣзкое, что предложенный вопросъ могъ быть разрѣшенъ съ полною достовѣрностью («Фот. Арх.» 1891 г. № 681). Именно случай этотъ, по моему мнѣнію,

ясно доказываетъ намъ, въ какой массѣ случаевъ самаго разнообразнаго свойства фотографія можетъ оказывать намъ неоцѣненные услуги. Слѣдуетъ только отыскать эти случаи!

Идя дальше, мы можемъ себѣ представить даже случаи фотографирования человѣка въ томъ видѣ, въ которомъ его нынѣ предъ нами уже не существуетъ. Я имѣю въ виду фотографированіе типа, о которомъ такъ много говорилось и писалось въ недавнее время, производящееся при помощи аппарата, работающаго крайне медленно, требующаго для снятія снимка скажемъ 60 секундъ. Изъ приглашенныхъ 20 лицъ, каждое экспонировалось по 3 секунды, съ примѣненіемъ одной и той же пластинки. Такимъ образомъ отъ cadaго изъ этихъ двадцати лицъ получались слѣды его физиономіи, отражавшіяся на пластинкѣ въ теченіе $\frac{1}{20}$ всего времени, бывшаго съ распоряженіемъ фотографа, или, отъ всѣхъ 20 вмѣстѣ въ теченіе 60 секундъ, совокупность снимковъ, среднее изображеніе всѣхъ 20 лицъ, т. е. такъ наз. типъ, напр. типъ негра, типъ школьника, типъ солдата и т. д. Небезполезно использовать этотъ способъ фотографирования также и для нашихъ цѣлей. Допустимъ, напр., С. С., имѣя предъ собой задержаннаго обвиняемаго, встрѣчаетъ надобность предъявить его другимъ лицамъ въ томъ именно видѣ, какой онъ имѣлъ 6 лѣтъ тому назадъ. Если при этомъ будетъ добыта фотографическая карточка задержаннаго, снятая 10 лѣтъ тому назадъ, то С. С. можетъ распорядиться о фотографированіи задержаннаго съ соблюденіемъ размѣровъ, положенія, прически, волосъ и формы бороды, какъ они изображены на старомъ снимкѣ и объ изготовленіи изъ обоихъ снимковъ, стараго и новаго, одного общаго комбинированнаго изображенія. Продолжительность экспонирования обоихъ снимковъ, конечно, должна соответствовать давности ихъ изготовленія.

Относительно фотографическихъ снимковъ слѣдуетъ вообще замѣтить, что они очень часто въ отношеніи размѣра, положенія и въ особенности общаго впечатлѣнія расходятся съ дѣйствительностью. Причины этого выяснены Генрихомъ Штрейнцемъ ¹⁾, но устранить эти недостатки невозможно при имѣющихся въ продажѣ большей части фотографическихъ аппаратовъ. Лишь до нѣкоторой степени они могутъ быть устранены, если только мы всегда ясно

¹⁾ „Die Tiefenperspective in der Photographie“ („Photographische Correspondenz“, Октябрь—Ноябрь 1892 г.).

представляемъ себѣ, что хорошая фотографія изображаетъ дѣйствительность гораздо отчетливѣе, нежели мы ее наблюдаемъ. Если, напр., мы видимъ въ извѣстномъ отдаленіи крышу изъ черепиць, то мы не различаемъ отдѣльныхъ черепиць. Живописецъ и считается съ этимъ обстоятельствомъ, изображая крышу эту только такъ, что даетъ ей общую соотвѣтственную окраску. Японцы, по-видимому, отличаются большею зоркостью, нежели мы, и разрисовываютъ предметы до мельчайшихъ подробностей, поэтому рисунки ихъ кажутся намъ слишкомъ рѣзкими. Тѣмъ же свойствомъ отличается и фотографическій аппаратъ: въ нашемъ примѣрѣ онъ даетъ вполне точное изображеніе крыши, хотя мы въ дѣйствительности вмѣсто отдѣльныхъ черепиць видимъ лишь бурый тонъ. Вслѣдствіе этого фотографія и воспроизводитъ намъ нѣчто чуждое и несоотвѣтствующее дѣйствительности, а такъ какъ она даетъ еще иныя сочетанія свѣта и тѣней и совсѣмъ иныя перспективы, то, говоря короче, изображеніе намъ кажется совсѣмъ невѣрнымъ. Какъ мы уже упоминали, эти недостатки должны быть оговорены въ протоколѣ.

Слѣдуетъ отмѣтить, однако, что далеко еще не разрѣшенъ вопросъ, дѣйствительно ли фотографическій аппаратъ воспроизводитъ невѣрно, и дѣйствительно ли мы воспринимаемъ предметы правильно (въ перспективномъ отношеніи). Если я, напр., къ лицу, сидящему напротивъ, протягиваю обѣ руки такъ, чтобы одна рука была на полметра ближе другой, то глазу сидящаго противъ меня обѣ руки будутъ представляться одинаковой длины; при фотографированіи же одна рука будетъ воспроизведена гораздо длиннѣе другой. По законамъ перспективы, это *последнее*—болѣе правильно. Между тѣмъ, мы при непосредственномъ созерцаніи не видимъ этого, дѣлая выводы эмпирическимъ путемъ: мы знаемъ, что обѣ руки въ дѣйствительности равной длины, и это знаніе настолько въ насъ могущественно, что мы видимъ равныя руки тамъ, гдѣ по закону перспективы этого не должно быть. Когда же мы видимъ фотографическій снимокъ этихъ рукъ, то уже не въ такой степени подчиняемся вліянію опыта; однако, наблюдая на снимкѣ правильное въ перспективномъ отношеніи, ясно означенное различіе въ длинѣ рукъ, мы склонны думать, что это ошибка. Что это такъ, можно доказать, какъ мнѣ думается, математически. Возьмемъ тотъ же примѣръ: я стою противъ кого-либо въ разстояніи 3 метровъ, держа лѣвую руку у головы, надъ плечомъ, и протянувъ правую прямо впередъ, вслѣдствіе чего моя лѣвая рука отъ наблюдателя прибли-

зительно на 75 сантиметровъ дальше, чѣмъ правая. Прибавимъ да-
лѣе, что за мною находится стѣна, оклеенная обоями съ изящны-
ми рисунками, на которые проектируются мои руки (съ точки зрѣ-
нія наблюдателя). Послѣ этого предложимъ наблюдателю опредѣ-
лить, какое пространство на обояхъ прикрываетъ кисть каждой изъ
моихъ рукъ; онъ обнаружитъ, что кисть правой руки, несмотря на
очевидную для него одинаковую величину обѣихъ рукъ, покрыва-
етъ значительно большее пространство, чѣмъ лѣвая. Если же по-
ставить на мѣсто наблюдателя фотографическій аппаратъ, то на
снимкѣ получится тотъ же только-что описанный результатъ, обна-
руженный наблюдателемъ. Ибо—если на фотографическомъ снимкѣ
правая рука оказалась бы чрезмѣрно увеличенной, то она, конечно,
закрывала бы гораздо большее пространство на обояхъ, нежели при
наблюденіи глазами. Пусть не возражаютъ, что аппараты (т. наз.
Weitwinkel-Apparate), производящіе одновременно съемку двухъ сто-
ронъ комнаты, доказываютъ противное. Эти аппараты воспроизводятъ
предметы такими, каковы они суть въ дѣйствительности, но
мы не въ состояніи воспринять ихъ таковыми сразу, *однимъ* взгля-
домъ. Вполнѣ ясно мы схватываемъ зрѣніемъ сразу только очень
немногое: на разстояніи 4—5 м. мы видимъ вполнѣ отчетливо
только одинъ предметъ, величиной не болѣе стула (не передвигая
глазами); что находится вправо и влѣво отъ него, мы видимъ только
мелькомъ; отчетливо же мы видимъ окружающіе предметы, только
обращая на нихъ глаза. Но такъ какъ аппаратъ «Weitwinkel» вос-
производитъ *сразу* двѣ стѣнки комнаты на разстояніи 4—5 м., то
получаемое изображеніе намъ совершенно чуждо, такъ какъ мы не
въ состояніи однимъ взглядомъ такъ много видѣть въ природѣ. Сня-
мокъ этотъ намъ кажется «невѣрнымъ», хотя всѣ предметы въ *от-
дельности* воспроизведены совершенно правильно и отчетливо.
Лупа показываетъ также болѣе, чѣмъ мы видимъ простымъ гла-
зомъ, но вѣдъ ея показанія мы считаемъ же вѣрными.

Кромѣ того, слѣдуетъ имѣть въ виду, что тѣ фотографы, кото-
рые по большей части оказываются подъ рукой, рѣдко обладаютъ
правильнымъ пониманіемъ того, что они должны сдѣлать: они от-
лично сумѣютъ достигнуть, чтобы изображеніе хорошо выглядѣло,
но не знаютъ, какъ сдѣлать, чтобы оно было вѣрно. Поэтому всегда
слѣдуетъ руководить фотографированіемъ и слѣдить при этомъ за
слѣдующимъ:

1) чтобы солнце было въ сторонѣ и сзади аппарата, отчего
изображеніе дѣлается въ высшей степени яснымъ. Если солнце на-

ходится сзади снимаемого предмета, то изображение получается блѣднѣе, какъ будто въ пасмурную погоду. Этимъ обстоятельствомъ можно при случаѣ и пользоваться, если почему-либо желательно достигнуть такого впечатлѣнія, что во время снятія была туманная погода;

2) если производятся снимки людей на открытомъ воздухѣ, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что освѣщеніе спереди дѣлаетъ лицо откосымъ, плоскимъ, а свѣтъ сверху—нѣсколько мрачнымъ и серьезнымъ, между тѣмъ какъ при прямомъ освѣщеніи солнца лица выходятъ покрытыми пятнами и кажутся суровыми;

3) если нужно снять внутреннія помѣщенія дома, то сниманіе должно происходить при искусственномъ свѣтѣ магнія, при чемъ свѣтъ оконъ не мѣшаетъ. Если же этого сдѣлать нельзя, то необходимо по крайней мѣрѣ темныя мѣста комнаты освѣщать отраженнымъ свѣтомъ посредствомъ *быстро переводимыхъ* зеркалъ;

4) въ случаѣ надобности, если напр. необходимо произвести снятіе немедленно ночью, и если нельзя почему-либо устроить освѣщеніе посредствомъ магнія, то его можно замѣнить тѣми освѣтительными матеріалами, которые можно найти въ любой аптекѣ, а именно: 6 частей селитры, 2 части сѣры и одну часть сѣрнаго антимонія слѣдуетъ истолочь въ порошокъ и ссыпать въ бумажную гильзу, слегка его нажимая. Или же можно взять селитры, растопить на спиртовой лампѣ въ глиняной чашѣ и всыпать небольшую дозу сѣрнаго порошка: какъ только сѣрный порошокъ соединяется съ растопленной селитрой, онъ загорается яркимъ огнемъ. Однако, это освѣщеніе слѣдуетъ примѣнять только въ томъ случаѣ, если можно устранить развивающіеся при этомъ сильно пахучіе газы. Если время позволяетъ потратить нѣсколько часовъ на фотографированіе внутренняго помѣщенія, то для освѣщенія достаточно и нѣсколькихъ керосиновыхъ лампъ;

5) на всѣхъ снимкахъ нужно отмѣчать сравнительное соотношеніе размѣровъ изображенія съ дѣйствительностью; лучше всего снимать одновременно и масштабъ. Если же снимается *вертикальная* плоскость, напр. фасадъ дома, измѣнить размѣры котораго оказывается невозможнымъ, удаляя или приближая фотографическій аппаратъ, то можно ставить вблизи человѣка и снимать его вмѣстѣ съ домомъ,—чѣмъ и опредѣлится пропорціональное отношеніе стѣны;

6) при каждомъ сниманіи слѣдуетъ отмѣчать число, часъ дня, погоду, способъ освѣщенія, положеніе относительно странъ свѣта время проявленія, также родъ аппарата и какія примѣнялись чечевицеобразныя стекла;

7) слишком свѣтлыя или блестящія вещи составляютъ большое затрудненіе для фотографа: прежде всего слѣдуетъ избѣгать стирать съ нихъ пыль, такъ какъ онѣ выйдутъ еще менѣе пластичными. Если возможно, то блестящія вещи слѣдуетъ окрашивать въ какой-нибудь безвредный, нейтральный цвѣтъ, напр. желѣзныя вещи и стеклянныя—растворомъ свинца или смѣсью углекислой магнезіи и молока, или даже русскимъ саломъ и скипидаромъ. Такіе составы не вредятъ ни вещамъ, ни снимку и легко уничтожаются;

8) если фотографируются машины (напр. послѣ несчастныхъ смертныхъ случаевъ), то должно выбрать такое время, когда въ помѣщеніи вообще не производится работы, такъ какъ вслѣдствіе сотрясенія воздуха отъ другихъ машинъ изображенія получаются совершенно неясныя;

9) фотографировать мало рельефные предметы, напр. надписи поврежденія на вещахъ, капиллярныя линіи можно только при сильномъ освѣщеніи сбоку, такъ какъ вслѣдствіе образующейся тѣни выигрываетъ пластичность предмета; если же тѣни выступаютъ черезъ мѣру, слишкомъ пластично, то объ этомъ слѣдуетъ отмѣтить въ протоколѣ.

с) обнаруженіе личностей при помощи фотографіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ обществѣ сталъ распространяться обычай имѣть свои фотографическія карточки, почти повсюду вошло въ употребленіе производить розыски скрывшихся лицъ посредствомъ ихъ фотографическихъ изображеній, но надлежащую организацію этотъ вопросъ получилъ впервые въ большихъ центрахъ населенія по почину полицейскихъ властей. Особенное вниманіе было обращено на него въ Парижѣ, какъ объ этомъ можно судить изъ небольшой книги Альфонса Бертільона, начальника полиціи по отдѣлу обнаруженія личностей задержанныхъ: «La photographie judiciaire».

Не подлежитъ, однако, ни малѣйшему сомнѣнію, что дѣло это должно быть организовано повсемѣстно, а не въ однихъ только большихъ городахъ. Фотографированіе преступниковъ по общему образцу, взаимный обмѣнъ карточекъ и правильная ихъ рассортировка представляютъ дѣло международнаго значенія, и оно непременно должно быть приведено въ систему. Разъ это будетъ достигнуто, то трудно исчислить всѣ благія послѣдствія этой мѣры. Хотя и невозможно надѣяться на скорое осуществленіе ея на практикѣ

вслѣдствіе сопряженныхъ съ нею большихъ расходовъ, тѣмъ же менѣе, выработать опредѣленные правила для снятія заподозрѣнныхъ и преступниковъ и употребленія ихъ карточекъ необходимо теперь же.

Придерживаясь цитированнаго сочиненія Бертильона, я приведу важнѣйшія изъ этихъ правилъ:

1) Вопросъ о томъ, какое положеніе лица фотографируемаго наиболѣе достигаетъ цѣли, опредѣляется самою цѣлью сниманія. Для *опредѣленія сходства* двухъ фотографій, или фотографической карточки съ лицомъ, несомнѣнно самымъ лучшимъ является фотографическое изображеніе въ чистый профиль, такъ какъ при этомъ всѣ черты лица обрисовываются самымъ отчетливымъ и характернымъ образомъ, отдѣльныя части лица не подвергаются послѣдствіямъ проекціи, и такъ какъ въ этомъ положеніи легче всего производить измѣренія въ цѣляхъ сравненія. Совсѣмъ иное, если дѣло идетъ о томъ, чтобы *узнать* кого-нибудь по фотографической карточкѣ,—для этого изображеніе въ профиль уже не пригодно. Профиль человѣка можно видѣть только въ одномъ его положеніи, между тѣмъ какъ во всѣхъ остальныхъ положеніяхъ мы видимъ въ большей или меньшей степени именно все лицо человѣка. Мы часто даже и не знаемъ профиля человѣка, хотя бы и очень хорошо были съ нимъ знакомы, и удивляемся, какъ человѣкъ этотъ, столь часто нами видѣнный, выглядитъ въ профиль совсѣмъ иначе, чѣмъ мы думали. Однако, хотя полный обликъ человѣка (*en face*) и представляется намъ болѣе знакомымъ, но онъ не характеристиченъ, потому что носъ человѣка въ этомъ положеніи, по законамъ проекціи, представляется плоскимъ и вслѣдствіе этого неправильно выглядитъ, а также еще и потому, что уши, столь помогающія намъ узнать человѣка, видны неясно. Поэтому такъ называемый профиль въ три четверти (*Dreiviertelprofil*) будетъ самымъ удобнымъ положеніемъ для того, чтобы узнать лицо по карточкѣ, такъ какъ при этомъ очертанія носа представляются отчетливо, и видно одно ухо, и такъ какъ каждый изъ насъ видитъ другихъ лицъ преимущественно въ этомъ положеніи. Такимъ образомъ, собственно необходимы два снимка: чистый профиль и профиль въ три четверти,—чѣмъ, конечно, удваиваются какъ расходы по фотографированію, такъ и число подлежащихъ храненію карточекъ. Въ Англіи и по примѣру ея кое-гдѣ въ Германіи и въ Австріи это затрудненіе устраняется тѣмъ, что фотографируемаго ставятъ въ профиль три четверти и около лица его располагаютъ зеркало такъ, чтобы въ немъ отражался его чистый профиль. При этомъ правый нижній

уголь зеркала отрѣзывается, такъ чтобы оставить мѣсто для плеча, и вслѣдствіе этого зеркало можетъ быть поставлено въ требуемой близости къ лицу. Такимъ образомъ на одномъ снимкѣ получаются рядомъ два изображенія въ чистый профиль и профиль три четверти. Бертильонъ отрицаетъ цѣлесообразность этого способа на томъ основаніи, что каждый, кому будетъ предъявлено такое изображеніе, тотчасъ же догадывается, что имѣетъ дѣло съ лицомъ, заподозрѣннымъ въ какомъ-нибудь преступленіи. Но, въ большинствѣ случаевъ, это обстоятельство и безъ того всѣмъ извѣстно; главное же неудобство этого способа заключается въ томъ, что зеркало даетъ изображенія обратныя, т. е. рубецъ на правой щекѣ отразится въ изображеніи на лѣвой щекѣ; кромѣ того, зеркальное изображеніе часто бываетъ неясно; по этимъ причинамъ описанный способъ съемки примѣняется все рѣже и рѣже.

2) Относительно положенія фотографируемаго возникаетъ и другой вопросъ, предпочтительнѣе ли изображеніе поясное, или во весь ростъ. Вообще можно сказать, что лицо человѣка тѣмъ легче узнать, чѣмъ оно больше, поэтому поясному изображенію слѣдуетъ отдать преимущество. Но если внѣшность человѣка имѣетъ какія-нибудь рѣзко замѣтныя особенности, то должно снять его во весь ростъ. Такой снимокъ имѣетъ и ту выгоду, что въ случаѣ надобности впоследствии можно сдѣлать увеличенное изображеніе одной головы. Само собой разумѣется, не слѣдуетъ при этомъ впадать въ ту ошибку, что опредѣленныя, бросающіяся въ глаза, манеры относятся къ осанкѣ или наружности. Но если кто-нибудь отличается дѣйствительно своеобразной манерой (держатъ голову и т. п.), то рекомендуется изготовить только поясное его изображеніе, такъ какъ свидѣтель—и не только необразованный,—если видитъ изображеніе человѣка во весь ростъ, всегда ищетъ въ немъ знакомую осанку и, разъ не находитъ ея, признаетъ изображеніе непохожимъ.

3) Относительно размѣровъ снимка Бертильонъ утверждаетъ, что самый лучший размѣръ—въ $1\frac{1}{7}$ естественной величины ¹⁾. Этотъ размѣръ дѣйствительно удобенъ и давно примѣняется современными фотографами (размѣръ визитныхъ карточекъ). На этихъ

¹⁾ При такомъ форматѣ голова (при поясномъ изображеніи) отъ темени до подбородка имѣетъ въ вышину $3-3\frac{1}{2}$ сант., т. е. тѣ же размѣры, какъ и на нашихъ фотографическихъ карточкахъ визитнаго формата съ такъ называемой „большой головой“.

карточках изображение головы получается достаточно велико для того, чтобы его могли узнать даже лица, непривыкшія къ фотографическимъ снимкамъ. Но, по моему мнѣнію, въ сущности масштабъ вовсе не такъ существенъ: совершенно безразлично, въ $\frac{1}{6}$, или $\frac{1}{8}$ долю естественной величины снято изображение, а важно то, чтобы мы *при всѣхъ съемкахъ* пользовались всегда однимъ масштабомъ. Обмѣнъ фотографическихъ карточекъ долженъ совершаться на большомъ районѣ, сравненіе же двухъ фотографій одинаковаго размѣра гораздо легче, нежели фотографій разнаго масштаба, почему слѣдуетъ серьезно подумать объ установленіи одного масштаба для всѣхъ фотографическихъ изображеній, снимаемыхъ въ судебныхъ или полицейскихъ цѣляхъ. Это даже не сопряжено ни съ какими затрудненіями: путемъ письменныхъ сношеній можно было бы установить общій для всѣхъ масштабъ и выработать при этомъ общія правила сниманія, — что принесло бы огромную пользу дѣлу розыска.

4) Что касается окраски фотографическихъ изображеній, долженъ ли онъ быть болѣе свѣтлымъ, или болѣе темнымъ, т. е. проявленіе негативовъ должно быть болѣе короткимъ, или болѣе продолжительнымъ, то въ этомъ отношеніи нельзя установить чего-либо опредѣленнаго. Такъ, характерныя особенности какой-либо фizioноміи удачно выходятъ только при одномъ тонѣ и отнюдь — не при другомъ. Опытный фотографъ опредѣляетъ всегда по одному взгляду на человѣка, будетъ ли болѣе сходства при свѣтломъ, или при темномъ тонѣ. Если же онъ не сумѣетъ это сдѣлать на взглядъ, то ему остается лишь испробовать, какой тонъ болѣе соответствуетъ изображенію; различіе же, благодаря тому или другому тону, получается настолько велико, что далеко безразлично рѣшить вопросъ, какой именно нуженъ тонъ въ данномъ случаѣ.

5) Иногда приходится неизбежно отступать отъ обычнаго размѣра снимковъ и другихъ установленныхъ требованій, а именно, когда дѣло идетъ о сравненіи имѣющейя фотографической карточки съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ объектомъ. Если напр. сообщены примѣты известнаго лица, то слѣдуетъ снимокъ сдѣлать такъ, чтобы самыя существенныя изъ этихъ примѣтъ были проявлены на снимкѣ; если же прислана и фотографическая карточка этого лица, то слѣдуетъ снять съ нея новый снимокъ такого же размѣра, тона, въ той же позѣ и, если можно, даже па такой же бумагѣ, для того, чтобы сравненіе съ первой фотографической карточкой было по возможности облегчено.

6) Если нужно определить сходство двух фотографических изображений, при чем на той и другой карточке оказывается различие в примѣтахъ, касающихся волосъ и бороды (напр. на одной человекъ имѣетъ густые волосы на головѣ и большую бороду, а на другой карточкѣ онъ изображенъ обритымъ и остриженнымъ), то на обоихъ снимкахъ слѣдуетъ закрыть тѣ части лица, гдѣ растутъ волосы и борода. Бертильонъ употребляетъ для этого особую вырѣзку изъ бумаги, которая, впрочемъ, пригодна только при одинаковомъ размѣрѣ карточекъ и изображеній въ одной позѣ. Наиболее удобенъ слѣдующій способъ: на стекло окна помѣщаютъ фотографическое изображение и сверхъ него листъ бѣлой бумаги, на которомъ и очерчиваютъ карандашомъ границы волосистыхъ частей головы и лица въ такомъ порядкѣ: по верху лба по линіи волосъ, затѣмъ виски внизъ до щекъ, отсюда вверхъ по линіи бороды до носа, затѣмъ опять внизъ къ щекѣ и вверхъ къ виску. Эта линія обводится острымъ ножичкомъ. То же слѣдуетъ продолжать и съ фотографическими изображеніями лицъ стриженныхъ и обритыхъ, т. е. обвести черту по границамъ волосистыхъ частей. Если же фотограммы наклеены на картонной бумагѣ, то ихъ слѣдуетъ отмочить въ водѣ и затѣмъ снять съ картона, или же сдѣлать первый рисунокъ на прозрачной бумагѣ и затѣмъ перенести на писчую бумагу. Когда такимъ образомъ получатся два вырѣзка, то слѣдуетъ накладывать ихъ на фотографическія карточки и сличать. Если карточки принадлежать одному лицу, то впечатлѣніе сходства получится поразительное: фотографическія изображенія, кажется, совсѣмъ не походятъ одно на другое, но стоитъ закрыть на обоихъ волосы и бороду, получается самое несомнѣнное сходство.

7) Далѣе рекомендуется производить осмотръ снимковъ при помощи хорошей лупы, такъ какъ можно обнаружить при этомъ одинаковые рубцы, пятна, бородавки и т. п., незамѣтные для невооруженнаго глаза. Впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ не слѣдуетъ особенно много довѣрять лупѣ, такъ какъ при слишкомъ сильномъ увеличеніи выступаетъ шероховатость бумаги и мѣшаетъ наблюденіямъ.

8) слѣдуетъ строго соблюдать правило — никогда не примѣнять ретушевки. Пусть занимаются ею коммерсанты-фотографы, которые стараются дѣлать портреты «покрасивше». Для цѣлей же правосудія требуется лишь достигать *сходства*, а ретушь, какая бы она ни была, только вредитъ этому. Если придется отъ другихъ получать ретушированныя фотографіи, то прежде всего слѣ-

дуеть удалить ретушь. Бертильонъ совѣтуетъ въ этомъ случаѣ осторожно протереть изображеніе ватой, пропитанной терпентиномъ, и затѣмъ просушить ¹⁾). Только въ одномъ случаѣ можно допустить ретушевку, а именно, если фотографіи изготовляются не для собственнаго употребленія, а для другого судебного мѣста, и если *пластинка* оказалась несовсѣмъ удачной, такъ что на снимкѣ получились пятнышки или штрихи. Ихъ можно принять за рубцы, бородавки и т. п., и для того, чтобы не произошло недоразумѣнія, ихъ необходимо уничтожить.

9) При сличеніяхъ фотографическихъ изображеній могутъ быть слѣдующіе случаи: сравниваются два изображенія, изображеніе съ арестованнымъ, съ находящимся на свободѣ и находящимся въ отсутствіи, т. е. заочно, по памяти:

а) *Изображеніе съ другимъ изображеніемъ.* Въ рѣдкихъ случаяхъ, если оба снимка совершенно одинаковаго размѣра, можно тотчасъ же приступить къ измѣреніямъ посредствомъ циркуля. Если разница оказывается въ волосахъ и бородѣ, то ихъ закрываютъ, какъ сказано выше; если же имѣются особья примѣты (бородавки, рябины, пятна, и т. п.), то ихъ слѣдуетъ отыскать и на другомъ снимкѣ. Если онѣ отсутствуютъ на одномъ изъ нихъ, то должно обратить вниманіе на время съемки и въ случаѣ надобности обратиться за разъясненіемъ къ судебному врачу. Если фотографіи по размѣру неодинаковы, то слѣдуетъ увеличить меньшую до размѣра большей, и если онѣ будутъ различаться въ отношеніи тона, то слѣдуетъ измѣнить на какой-либо изъ нихъ и тонъ. Лучшее всего, конечно, обѣ фотографіи снять вновь и въ одинаковомъ масштабѣ. Какъ уже упомянуто, только тогда можно работать съ увѣренностью, если всѣ постороннія и случайныя различія устранены.

б) *Фотографическое изображеніе съ арестованнымъ.* Никогда не слѣдуетъ считать излишнимъ въ этихъ случаяхъ одѣвать арестанта въ платье, которое походило бы на имѣющееся на карточкѣ. Если же дѣло серьезно, то слѣдуетъ фотографировать арестанта такъ, чтобы изображеніе его было по величинѣ и въ другихъ от-

¹⁾ Такъ совѣтуетъ Бертильонъ. Но я не совсѣмъ понимаю, какъ онъ это себѣ представляетъ. Есть два способа класть ретуши: на негативной пластинкѣ посредствомъ карандаша, значить на позитивѣ уже ничего нельзя измѣнить; и на позитивномъ изображеніи посредствомъ водяныхъ красокъ. Эта послѣдняя ретушь можетъ быть устранена при помощи воды (но не терпентина).

ношеніяхъ сходно съ имѣющимся снимкомъ; гораздо легче слышать двѣ карточки, нежели карточку съ человѣкомъ.

с) *Фотографическое изображеніе съ лицомъ, находящимся на свободѣ.* Сюда относятся случаи, когда по фотографической карточкѣ должно составить себѣ представленіе о лицѣ, подлежащемъ розыску. Порученія полицейскимъ чинамъ о производствѣ розысковъ въ этихъ случаяхъ только тогда могутъ сопровождаться успѣхомъ, если ими усвоенъ въ памяти вполне опредѣленный образъ розыскиваемого лица. Они не должны вынимать изъ кармана карточку и производить сравненіе въ случаѣ, если имъ встрѣтится это лицо: его образъ долженъ быть твердо запечатлѣнъ въ ихъ умѣ. Между тѣмъ, каждый изъ насъ наблюдалъ, что люди, обыкновенно мелькомъ взглянувъ на портретъ, полагаютъ, что совершенно ознакомились съ нимъ. Поэтому слѣдуетъ требовать отъ нихъ, чтобы они запомнили всѣ черты лица на карточкѣ, для чего провѣрять знаніе ихъ путемъ вопросовъ относительно подробностей: волосъ, линіи, отдѣляющей волосистая части головы, формы бровей, положенія глазъ, скулъ, носа, ушей, бероды и т. д., затѣмъ объ особенностяхъ примѣтахъ, объ осанкѣ, взглядѣ и пр. Я положительно утверждаю, что первой провѣрки *ни одинъ* изъ нихъ не выдержитъ, если даже онъ и увѣренъ, что изображеніе ему очень хорошо извѣстно. Когда же онъ такимъ образомъ изучитъ фотографію наизусть, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ узнаетъ розыскиваемого при первой встрѣчѣ.

д) *фотографическое изображеніе и представленіе о какомъ-нибудь лицѣ по памяти.* Этотъ способъ признанія лица по карточкѣ заслуживаетъ вѣры лишь тогда, когда свидѣтель часто встрѣчалъ это лицо въ дѣйствительности. Если онъ долженъ узнать то лицо, которое онъ видѣлъ всего разъ или два, напр. лицо, совершившее у него кражу, грабежъ, мошенничество, ранѣе же этого и послѣ никогда не видѣнное, то утвердительный или отрицательный отвѣтъ его въ этомъ случаѣ одинаково сомнительны. Но если свидѣтель узналъ это лицо изъ нѣсколькихъ *похожихъ* фотографій и при томъ не потому только, что обвиняемый имѣлъ бороду и изъ предложенныхъ карточекъ только на одной былъ человѣкъ съ бородой, то показаніе его заслуживаетъ большаго довѣрія. Вообще же въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ всегда соблюдать величайшую осторожность, ибо каждый изъ насъ знаетъ по горькому опыту, что свидѣтель, въ особенности простой, необразованный человѣкъ, рѣдко видѣвшій фотографіи, прямо неспособенъ опредѣлять сходство та-

кимъ путемъ. Приведу только одинъ примѣръ. Почти во всѣхъ городахъ, въ которыхъ расположены войска, вблизи кавалерійскихъ казармъ можно найти фотографа, имѣющаго въ запасѣ большія карточки, раскрашенныя литографіи, изображающія скачущихъ драгунъ, артиллеристовъ, гусаръ и т. п. съ высоко поднятыми шашками. Вновь поступающіе рекруты въ большомъ количествѣ являются къ этому фотографу, снимаются, отрѣзываютъ на снимкѣ голову и старательно приклеиваютъ ее на соответствующей по величинѣ карточкѣ, изображающей гусара или улана, и такое изображеніе посылаютъ къ родителямъ. Такой именно фотографъ рассказывалъ мнѣ, что онъ однажды фотографировалъ болѣе 12 драгунъ и получилъ деньги и вмѣстѣ адреса для отсылки карточекъ къ роднымъ ихъ, но затѣмъ потерялъ списокъ, кому какая карточка принадлежитъ. Тогда онъ разослалъ карточки по адресамъ наудачу, и тѣмъ не менѣе ни отъ кого не послѣдовало возраженія, хотя, быть можетъ, ни одна родительская чета изъ числа 14—16 не получила настоящаго портрета своего сына. Этотъ примѣръ можетъ служить доказательствомъ, какъ мало способны простые люди къ распознаванію сходства и различія между фотографическими изображеніями.

10) Небезполезно, быть можетъ, упомянуть, на какомъ разстояніи вообще люди могутъ узнавать другъ друга. По словамъ д-ра Винцента (въ его: «*Traité de Medecin légale de Legrand du Saule*»), при условіи нормальнаго зрѣнія и хорошаго дневнаго свѣта, можно узнать:

a) очень хорошо знакомыхъ лицъ—на разстояніи 40—80 метр.; въ случаѣ же какихъ-либо особо замѣтныхъ признаковъ — на 100 метр. и въ исключительныхъ случаяхъ—на разстояніи 150 м.

b) мало знакомыхъ людей, съ которыми рѣдко приходилось встрѣчаться,—на разстояніи 25—30 м.

c) людей, которыхъ видѣли одинъ разъ—на 15 м.

При свѣтѣ луны можно узнать людей: въ первую четверть—въ 2—6 метрахъ, при полнолуніи—7—10 м. и въ самую ясную ночь—очень хорошо знакомыхъ людей въ 15—17 м.

Точность этихъ данныхъ въ нѣкоторомъ отношеніи не можетъ быть оспариваема, но практическая цѣнность ихъ незначительна. Самыя выраженія: нормальное зрѣніе и хорошее дневное освѣщеніе весьма мало опредѣлительны, и разныя побочныя обстоятельства иногда могутъ имѣть болѣе важное и даже рѣшающее значеніе. Такъ, воздухъ города, наполненный испареніями, уменьшаетъ зоркость сравнительно съ чистой атмосферой горныхъ высотъ при-

близительно на 10⁰/₆. Высота солнца, задній фонъ, вѣтеръ и температура въ совокупности, быть можетъ, вліяютъ въ такой же степени. И, наконецъ, могутъ быть условія, безсознательно не приняты въ расчетъ, которыя въ состояніи разрушить возможность точныхъ предположеній по этому вопросу. Если, напр., кто-нибудь на разстояніи 200 м. замѣтилъ человѣка, вышедшаго изъ дома А, въ которомъ А живетъ одинъ, и если замѣченный по фигурѣ будетъ случайно соответствовать А, то наблюдатель *предположитъ*, что это и былъ А, и затѣмъ будетъ утверждать, что ясно *видѣлъ* А. Но на самомъ дѣлѣ онъ не видѣлъ его, а свое воспріятіе дополнилъ умозаключеніемъ, которое можетъ быть и ошибочнымъ. Въ этихъ случаяхъ превосходною мѣрою для провѣрки является производство испытанія на мѣстѣ, въ той же обстановкѣ. Это *обязательно* во всѣхъ серьезныхъ случаяхъ, въ дѣлахъ же менѣе важныхъ опытъ можетъ быть произведенъ и въ условіяхъ, которыя насколько возможно точно соответствовали бы дѣйствительной обстановкѣ происшествія. Не слѣдуетъ также полагаться на показанія свидѣтелей относительно разстоянія въ шагахъ или метрахъ, такъ какъ весьма немногіе знаютъ, какъ велико въ дѣйствительности разстояніе въ 50 шаговъ.

11) Наконецъ, важно бываетъ иногда перевести негативъ на такъ называемую позитивную бумагу. Бертильонъ утверждаетъ, что въ случаѣ крайней необходимости можно изготовить за одну ночь нѣсколько тысячъ экземпляровъ. Нельзя отрицать, что въ серьезныхъ дѣлахъ быстрое изготовленіе тысячи портретовъ заподозрѣннаго можетъ имѣть огромное значеніе.

12) Добавимъ, что быстрое заготовленіе фотографій въ большомъ количествѣ возможно лишь при помощи цинкогравюры, такъ какъ цинковая пластинка вмѣстѣ съ приспособленіемъ изъ дерева можетъ быть вдвинута безъ всякихъ затрудненій въ станкахъ для отпечатанія въ любой газетѣ. Цинкогравюра представляетъ собой штемпельный приборъ, грани котораго соответствуютъ штрихамъ рисунка. Поэтому каждый рисунокъ можетъ быть переведенъ на цинкъ, но только не фотограммы, которыя состоятъ лишь изъ однихъ тоновъ. Такимъ образомъ, если необходимо съ возможною скоростью сдѣлать извѣстное количество карточекъ для розыска человѣка, котораго мы имѣемъ лишь одно фотографическое изображеніе, или отпечатать это изображеніе въ газетѣ, то слѣдуетъ поступить такимъ образомъ (по рецепту, приведенному въ фотографическихъ журналахъ). На самой фотограммѣ должно изобразить

при помощи какогонибудь мало-мальски опытного рисовальщика всё ея *контуры* совершенно точно и правильно. Это дѣло нѣсколькихъ минутъ. Затѣмъ фотографическая карточка выбѣливается двухлористой ртутью, такъ что остается только рисунокъ, не подвергающийся вліянію двухлористой ртути. Такой рисунокъ, по фотографированіи его «мокрой пластинкой», гравирруется на цинкъ, зажимается въ станокъ и отпечатывается въ газетѣ. Рисунки эти не очень красивы, но по нимъ часто легче узнать изображеніе того или другого человѣка, нежели по настоящимъ фотографіямъ.

Если желательно какую-нибудь фотографію, рисунокъ или вообще что-нибудь написанное, напечатанное, нарисованное получить во многихъ экземплярахъ, то можно прибѣгнуть къ простому, вѣрному и испытанному свѣтовому способу при помощи копировальнаго прибора (см. цитир. Архивъ, т. III, 345). О современныхъ превосходныхъ способахъ копирования см. Р. А. Рейсса (*Le photographie judiciaire*. Парижъ. 1903): способы Юста, Гарбера, Штоля, особенно практикуемый въ Парижѣ способъ копирования при помощи броможелатинныхъ пластинокъ.

10. Объ антропометріи.

Ниже я долженъ буду повторить все то, о чемъ я писалъ и въ первомъ изданіи этой книги (1892 г.). Съ того времени антропометрія, или, какъ часто говорятъ, система Бертильона, получила болѣе широкое распространеніе, какъ объ этомъ и слѣдовало предполагать,—хотя умы косные и невѣжественные сначала и считали эту систему излишнею и даже называли шарлатанствомъ. Въ настоящее время система Бертильона примѣняется всюду, гдѣ только полиція болѣе или менѣе правильно организована, никто уже не отрицаетъ великой важности ея, и остается только спросить, *есть* ли еще что-либо, получившее большее распространеніе и примѣненіе. Во всемъ этомъ дѣлѣ высокой важности я, однако, встрѣчаю одно затрудненіе: оно создано тѣми людьми, которые внесли въ систему Бертильона болѣе или менѣе важныя измѣненія и улучшения. Никто, конечно, не будетъ утверждать, что Бертильонъ сразу создалъ систему настолько совершенную, что она не нуждается въ поправкахъ; но достовѣрно то, что онъ, какъ гениальный человѣкъ, не могъ создать ничего дѣйствительно не цѣлесообразнаго. Съ самаго начала я доказывалъ, хотя и безъ успѣха до на-

стоящаго времени, что величайшее значеніе системы Бертильона въ ея международности, въ ея одинаковой приложимости въ любомъ культурномъ государствѣ земного шара. Но это возможно только при условіи, если она будетъ примѣнена повсюду одинаково, съ измѣреніями однообразными, съ мѣрами одинаковыми до мельчайшей точности, безъ малѣйшихъ увеличеній, уменьшеній и улучшеній, такъ чтобы по телеграфу сообщенный рядъ чиселъ былъ понятъ повсемѣстно одинаково и точно. Тогда бы не посылались такія телеграммы; ростъ— x , въ сидячемъ положеніи— y , длина распростертыхъ рукъ— z ,—а означались бы только: x , y , z . Если же какое нибудь государство не будетъ дѣлать, на примѣръ, измѣреній ступни, а замѣнитъ ихъ измѣреніями колѣнъ въ окружности, то получится путаница. И въ дѣлѣ улучшеній Бертильонъ оказался умнѣ своихъ послѣдователей: надо педантически точно слѣдовать его правиламъ, дѣйствовать «точно по Бертильону», тогда только дѣлу нашему будетъ оказана великая польза. Самые сильные враги всякаго нововведенія, это тѣ, которые вносятъ *свои* улучшенія, поправки.

Антропометрія есть ученіе о наиболѣе цѣлесообразныхъ способахъ измѣренія человѣческаго тѣла для установленія такимъ путемъ тождества личностей. Къ антропометріи относятся и тѣ случаи, когда при описаніи человѣка опредѣляютъ его ростъ, когда отмѣчаютъ, какъ особы примѣты, поразительно короткія или длинныя руки или ноги, когда сличаютъ человѣческіе слѣды отъ ногъ, когда изслѣдуютъ папиллярныя линіи на пальцахъ и т. п. Особенное значеніе это дѣло получило благодаря Альфонсу Бертильону, который примѣнилъ антропометрію къ полицейскимъ цѣлямъ для обнаруженія преступниковъ-рецидивистовъ, скрывавшихъ свое настоящее званіе. Много спорили при этомъ о томъ, что именно слѣдуетъ измѣрять, и вопросъ былъ разрѣшенъ въ такомъ смыслѣ, что подлежитъ измѣренію все, что у взрослога человѣка не подвержено измѣненіямъ, т. е. то, что состоитъ изъ хрящей и костей. Мускулы, жиръ, железа и т. п. находятся въ состояніи непрерывнаго обмѣна и могутъ въ самое короткое время убывать и прибывать, кости же и хрящи сохраняютъ свои размѣры за нѣкоторыми исключительными случаями. Такимъ образомъ подлежатъ измѣренію: ростъ, высота туловища (у сидящаго человѣка отъ сидѣнія до темени), разстояніе между распростертыми руками въ горизонтальномъ положеніи (отъ конца средняго пальца до конца того же пальца другой руки), длина нижней части руки

предплечья, длина ноги, длина голени и отдѣльныхъ пальцевъ. Затѣмъ идутъ собственно измѣренія головы, а именно: въ ширину (надъ ушами) и въ длину (отъ лба къ затылку) и, наконецъ, измѣренія носа и обеихъ ушей (обеихъ, потому, что часто наблюдается различіе у одного и того же человѣка).

Для такихъ измѣреній, само собою разумѣется, требуются особые инструменты и для того, чтобы производить ихъ быстро и правильно, необходимо имѣть особый навыкъ. Въ Парижѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ съ этою цѣлью устроены особыя полицейскія бюро, гдѣ производятся измѣренія и хранятся всѣ списки.

Со временемъ такія бюро должны быть устроены повсемѣстно, такъ какъ польза ихъ внѣ всякаго сомнѣнія, и случаи обращенія къ нимъ со стороны С. С. многочисленны. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда С. С. почему-либо долженъ произвести такія измѣренія самъ, онъ долженъ имѣть въ виду, что только измѣренія костей и хрящей представляютъ, какъ было уже сказано, величину постоянную, и что измѣренія эти должны производиться, какъ говорятъ спеціалисты, «угломъ», а отнюдь не тесьмой, которая, какъ средство измѣренія, должна быть отброшена. Напр., для опредѣленія роста теловѣкъ долженъ быть поставленъ у стѣны, затѣмъ на его голову ставятъ деревянный прямоугольникъ, одну сторону котораго вплотную прикладываютъ къ стѣнѣ, а другую также вплотную къ головѣ. Для измѣренія же длины ноги слѣдуетъ поставить ее на полъ и затѣмъ плотно къ пяткѣ и также плотно къ краю большого пальца помѣстить четырехгранныя призматическія тѣла, на примѣръ, ящикъ, толстую книгу, кирпичъ, такъ, чтобы двѣ противолежащія стороны призмъ были взаимно параллельны. Послѣ этого измѣряется разстояніе между двумя призмами и при томъ не тесьмой или лентой, такъ какъ можно взять неточно начало и конецъ отмѣренной части, и такъ какъ лента можетъ лечь по неровностямъ нога.

Если приходится производить измѣренія по фотографіямъ, то онѣ должны быть сильно увеличены, при чемъ результаты получаются только приблизительной точности. При этомъ не требуется, чтобы снимки были точно одинаковой величины, такъ какъ сравненіе можно произвести весьма удобно и посредствомъ отысканія между ними численнаго отношенія. Но безусловно необходимо, чтобы увеличеніе производилось съ помощью *одного* аппарата, для того, чтобы всѣ оказавшіяся на увеличенныхъ фотографіяхъ по-

грѣшности проявились на нихъ въ одинаковой мѣрѣ. Приступая затѣмъ къ измѣреніямъ, начинаютъ съ всего лица и затѣмъ измѣряютъ его отдѣльныя части; въ высшей степени любопытны данныя измѣренія ушныхъ раковинъ, которыя по большей части отличаются характерными особенностями.

Но такіе случаи, въ которыхъ С. С. самому приходится производить измѣренія, весьма рѣдки. Надобность въ такихъ измѣреніяхъ появится только съ учрежденіемъ антропометрическихъ бюро, изъ которыхъ и можно будетъ получать всѣ данныя. Чтобы дать представленіе, въ чемъ заключается работа въ такомъ бюро, я заимствую изъ книги «Appendice sur la classification et l'identification anthropométriques» Альфонса Бертильона ту главу, въ которой авторъ излагаетъ, какъ пользуются фотографіями, имѣющимися въ распоряженіи парижской полиціи. По словамъ Бертильона, парижская полиція имѣетъ въ послѣднее время (1893 г.) ¹⁾ около 120 тысячъ парижскихъ преступниковъ; въ томъ числѣ около 20.000 женщинъ и 10.000 мужчинъ не старше 20-ти лѣтъ. Когда задерживается какой-нибудь преступникъ, то прежде всего необходимо установить, не рецидивистъ ли онъ, т. е. имѣется ли его изображеніе въ альбомѣ преступниковъ. Если подъ его именемъ будетъ найдена въ альбомѣ и его карточка, то вопросъ исчерпанъ. Если же карточки не оказалось, то слѣдуетъ провѣрить, нѣтъ ли его въ альбомѣ подъ другимъ именемъ, но такъ какъ невозможно для всѣхъ арестантовъ, которые ежедневно задерживаются, пересматривать каждый разъ всѣ 90.000 карточекъ, то для этого прибѣгаютъ къ такому способу. Прежде всего, каждый арестованный подвергается тѣмъ измѣреніямъ, которыя и безъ того должны быть сдѣланы и сами по себѣ могутъ повести къ обнаруженію личности. Всѣ 90.000 карточекъ раздѣлены на три группы, каждая изъ нихъ дѣлится въ свою очередь на три группы и т. д.

Первое дѣленіе на группы сдѣлано на основаніи *длины головы*, такъ что имѣются три группы, по 30.000 карточекъ въ каждой, имѣющихъ головы большой, средней и малой длины.

Каждая изъ этихъ 3 группъ въ свою очередь распадается на три группы, по 10.000 карточекъ въ каждой, имѣющихъ *головы въ ширину* большія, среднія и малыя. Эти послѣднія дѣлятся снова на 3 группы, приблизительно по 3.300 человекъ, *по длинѣ средняго пальца*. Новая затѣмъ группировка производится *по длинѣ*

¹⁾ Съ того времени число это увеличилось вчетверо.

ноги, при чемъ въ каждой группѣ по 1.100 человекъ, далѣе *по длинѣ предплечья* каждая группа уже по 400 человекъ, а эта послѣдняя вновь на 3 группы, по 130 человекъ въ каждой, *по росту*. Эти группы подраздѣляются далѣе по длинѣ мизинца на пачки изъ 43 карточекъ, которыя дѣлятся далѣе по цвѣту глазъ на пачки по 14 карточекъ, эти послѣднія дѣлятся еще по длинѣ ушей.

Само собою разумѣется, для каждой группы должны быть установленныя предѣльныя мѣры. Напримѣръ, нужно вполне точно знать, что означаютъ понятія: нога большой длины, средней длины и малой длины, чтобы въ этомъ отношеніи никогда не возникало никакихъ недоразумѣній.

Приведемъ одинъ примѣръ. Человекъ имѣетъ голову длиной а миллим., слѣдовательно онъ принадлежитъ къ группѣ въ 30000, имѣющихъ голову средней длины; такимъ образомъ уже исключены изъ счета 60 тысячъ фотографій. *Въ ширину* его голова b миллим. и онъ принадлежитъ поэтому къ группѣ численностью 10.000 человекъ, имѣющихъ голову малой ширины. Онъ имѣетъ средній палецъ с милл. длиной и относится къ группѣ въ 3.300 человекъ съ среднимъ пальцемъ большой длины. Нога его имѣетъ d миллим., почему онъ принадлежитъ къ группѣ 1.100 человекъ, имѣющихъ ноги средней длины. Онъ имѣетъ предплечье длиной e миллим. и относится къ группѣ въ 400 человекъ съ длиннымъ предплечьемъ. Ростомъ онъ f сант. и относится къ группѣ малорослыхъ. *Каріе* глаза, длина мизинца и длина ушей позволяютъ отнести его къ еще меньшему подраздѣленію, и такимъ образомъ остается отыскать карточку его изъ числа нѣсколькихъ. Такимъ остроумнымъ способомъ на самомъ дѣлѣ достаточно всего нѣсколько минутъ, чтобы съ математическою точностью опредѣлить, находится ли онъ въ числѣ 120 тысячъ. Но, само собою разумѣется, этому долженъ предшествовать огромный и тяжелый трудъ измѣренія 120 тысячъ преступниковъ и затѣмъ всѣхъ ежедневно поступающихъ (около 100 лицъ).

Измѣренія эти составляютъ первую часть труда; затѣмъ слѣдуетъ составленіе описанія лица (лба, носа, ушей, волосъ, стана и пр.) и третью часть труда составляетъ перечисленіе т. наз. особыхъ примѣтъ и рубцовъ. По Бертильону такихъ примѣтъ должно быть по меньшей мѣрѣ 5, такъ какъ, по его словамъ, у каждаго имѣется не менѣе 8—12 рубцовъ или иныхъ примѣтъ: стоитъ только внимательно осмотрѣть свое тѣло, и каждый не мало найдеть у себя подобныхъ примѣтъ. При внимательномъ изслѣдованіи

въ этомъ направленіи, мы получимъ такое изображеніе, которое по вѣрности, точности и неизмѣняемости далеко оставляетъ за собой лучшее фотографическое изображеніе. И вотъ результаты: парижская полиція въ теченіе года при помощи системы Бертильона обнаруживаетъ личности преступниковъ, въ среднемъ около 450—460 человѣкъ, которые иначе остались бы необнаруженными, на свободѣ, подъ вымышленными именами. Другими словами, въ теченіе 3 дней полиція г. Парижа обнаруживаетъ 4 преступниковъ, скрывающихъ свои имена!

Въ книгѣ своей «Ecole pénitenciaire supérieure» Бертильонъ дѣлаетъ еще одинъ шагъ впередъ, рекомендуя составленіе памятныхъ описаній при помощи т. наз. «говорящихъ портретовъ»; съ такимъ описаніями полицейскіе агенты разыскивали преступниковъ съ полною увѣренностью, какъ бы послѣдніе ни старались измѣнить свою внѣшность. Успѣхи, которыхъ достигли Бертильонъ и его послѣдователи сверхъ всякаго ожиданія послѣ 15 уроковъ, въ высокой степени поразительны. На конгрессѣ гигиены и фотографіи 1894 г., бывшемъ въ Будапештѣ, директоръ Гильомъ далъ описаніе одного опыта, произведеннаго Бертильономъ передъ учеными и вызвавшаго всеобщее изумленіе. Въ послѣднее время измѣренія Бертильона оказали такія услуги, что начинаютъ думать даже объ общемъ измѣреніи всѣхъ лицъ мужского пола въ государствѣ, которые достигли 20-ти-лѣтняго возраста, такъ какъ измѣренія эти полезны были бы не только въ случаяхъ преступленій, но и по отношенію къ погибшимъ внезапною смертію, и самоубійцамъ, сумасшедшимъ, при удостовѣреніяхъ тождества лицъ и т. д.

11. О дактилоскопії.

Какъ бы цѣнны и геніальны ни были измѣренія Бертильона, тѣмъ не менѣе они раздѣлили общую судьбу всѣхъ человѣческихъ открытій, которыя съ теченіемъ времени замѣнялись иными, болѣе усовершенствованными. Я говорю о старинномъ ученіи дактилоскопії,—которое сэромъ Францисъ Гальтономъ вызвано было изъ забвенія и поставлено имъ и другими на научную почву, именно о тѣхъ различіяхъ, которыя наблюдаются между людьми по папиллярнымъ линіямъ каждаго на внутренней сторонѣ оконечностей пальцевъ. Какъ пойдетъ это дѣло въ будущемъ, мы не знаемъ, но

имѣются основанія думать, что оно можетъ принести намъ болѣшую пользу, нежели измѣренія Бертильона. Въ небольшомъ, изданномъ начальникомъ дрезденской полиціи ф. Кѳттигомъ, сочиненіи о дактилоскопій приведены весьма обстоятельно всѣ преимущества ея, сравнительно съ системою Бертильона.

Сравненіе системъ: антропометрической и дактилоскопической для обнаруженія личностей преступниковъ.

1. Антропометрія.

1. Инструменты—дороги, легко портятся и купить ихъ можно только у немногихъ поставщиковъ.

2. Производящіе измѣренія должны весьма основательно къ этому подготовиться.

3. Измѣренія эти могутъ быть произведены только въ определенныхъ пунктахъ полицейскихъ и при этомъ спеціально подготовленными чиновниками.

4. Если измѣренія произведены неточно или ошибочно продиктованы или записаны, то ошибки эти не могутъ быть обнаружены и исправлены въ томъ учрежденіи, гдѣ карточки съ записями остались на храненіи.

5. Производство измѣреній требуетъ много времени, такъ какъ для достиженія достовѣрности каждое измѣреніе должно быть продѣлано три раза.

6. Для того, чтобы отмѣтить всѣ рубцы и особыя примѣты необходимо преступнику обнажать тѣло.

7. Лица въ юношескомъ возрастѣ, недостигшія полной физической зрѣлости, подлежатъ значительнымъ измѣненіямъ.

8. При измѣреніяхъ частей тѣла возможно ошибочное опредѣленіе границъ въ мельчайшихъ доляхъ. При обнаруженіи личности преступника, въ силу этого, необходимы весьма тщательныя и повторныя розысканія.

II. Дактилоскопія.

1. Необходимыя для нея принадлежности: кусокъ олова, резиновый валикъ и типографской краски—можно достать вездѣ и за недорогую цѣну.

2. Послѣ получасоваго упражненія каждый легко можетъ получить отчетливые снимки оттисковъ пальцевъ.

3. Каждымъ полицейскимъ чиновникомъ эти оттиски пальцевъ могутъ быть отпечатаны въ любомъ мѣстѣ.

4. Эти оттиски пальцевъ суть абсолютной вѣрности, въ томъ смыслѣ, что отпечатки ихъ исключаютъ возможность ошибокъ.

5. Оттиски 10 пальцевъ могутъ быть отпечатаны менѣе, чѣмъ въ четверть того времени, какое требуется для измѣреній по системѣ Бертильона.

6. Вовсе не требуется описанія примѣтъ и рубцевъ, такъ что преступнику нѣтъ надобности раздѣваться.

7. Расположеніе папиллярныхъ линій остается неизмѣннымъ на всю жизнь.

8. Такъ какъ ошибки со стороны лица, дѣлающаго снимки, невозможны, то нѣтъ надобности, при сличеніяхъ, производить провѣрку.

Я не могу дать подробнаго описанія приемовъ сниманія папиллярныхъ линій, такъ какъ вкратцѣ этого сдѣлать нельзя, а въ выше цитированномъ сочиненіи Камилла Виндта эти приемы описаны весьма обстоятельно. Могу привести здѣсь лишь нѣкоторыя руководящія указанія.—Обращая вниманіе на внутреннюю сторону оконечностей нашихъ пальцевъ, мы замѣчаемъ на нихъ своеобразно-расположенныя тонкія и рельефныя линіи, о происхожденіи которыхъ мы знаемъ только одно, что онѣ обусловлены распредѣленіемъ такъ называемыхъ «сосочковъ»; что ногти на концахъ пальцевъ не имѣютъ причинной связи съ этими линіями, какъ это иногда думаютъ, доказывается тѣмъ, что линіи эти особенно отчетливо обрисовываются на мякишѣ ладони (ниже мизинца, у сгиба кисти), а также на пяткѣ и мякишѣ ступни.

Давно извѣстно, что линіи эти расположены у каждаго человека совершенно различно, въ то же время эти линіи у каждаго въ теченіи многихъ лѣтъ не измѣняютъ своего расположенія, а только то сближаются, то раздвигаются,—если только, конечно, кожа не будетъ повреждена рубцами или иными поврежденіями¹⁾. Такъ

¹⁾ Такъ, антропологъ Велькеръ произвелъ сличеніе отпечатковъ линій своей ладони, сдѣланныхъ въ 1886 г. и въ 1897 г. и убѣдился въ ихъ полномъ тождествѣ (*Anthropol. Archiv.* 1898. 2. 3). Въ естественно-историч. музеѣ въ Вѣнѣ на тысячелѣтнихъ муміяхъ можно наблюдать отчетливо сохранившіяся на пальцахъ папиллярныя линіи. Линіи эти можно наблюдать и на трупахъ, пролежавшихъ нѣсколько дней въ водѣ, такъ какъ исчезновеніе ихъ наступаетъ лишь въ состояніи полнаго разложенія трупа. Если даже кожа на концахъ пальцевъ случайно или умышенно почему-либо срывается или удаляется, то на новой кожѣ появляется тотъ же самый отпечатокъ.

китайцы еще въ глубокой древности пользовались этими линиями для установленія тождества личностей, и сэръ Вилльямъ Гершель, во время управленія Индіей, употреблялъ при сношеніяхъ съ туземцами эти линіи вмѣсто подписи, и въ настоящее время въ индійской арміи отъ солдатъ отбираются и сохраняются оттиски трехъ среднихъ пальцевъ правой руки.

Всѣ эти старыя мысли были собраны англичаниномъ Гальтономъ, который при помощи продолжительныхъ наблюденій и сопоставленій и объединилъ ихъ въ систему, съ помощью которой онъ надѣялся обнаруживать личности преступниковъ. Дѣло это настолько интересно и важно, что мы остановимся на немъ подробнѣе.

Приведу тотъ докладъ, который Гальтонъ дѣлалъ въ Королевскомъ Обществѣ и въ «XIX Century». Онъ начинается съ описанія линій на концахъ пальцевъ; эти линіи расположены большею частью параллельно съ очертаніями пальцевъ, тогда какъ линіи, имѣющіяся на среднихъ фалангахъ пальцевъ, расположены поперекъ. (Первыя изъ нихъ, какъ видно при одномъ взглядѣ на руку, имѣются также и на ручныхъ ладыжкахъ, на ладони, у самого основаніи пальцевъ, и на наружномъ мякишѣ ладони). Между этими двумя крайними формами: сильно искривленными линіями на концахъ пальцевъ и параллельныхъ на фалангахъ, наблюдаются всевозможныя промежуточныя формы; въ большинствѣ случаевъ переходныя мѣста имѣютъ видъ системы замкнутыхъ кривыхъ, поля которыхъ замыкаются съ одной стороны самой нижней кривой; а съ другой—самой верхней прямой линіей. Намъ интересуется преимущественно топографія этого поля, представляющагося на первый взглядъ въ видѣ запутаннаго лабиринта; однако въ немъ скоро можно ориентироваться такимъ способомъ. Существованіе этого поля обусловлено тѣмъ, что по крайней мѣрѣ съ одной стороны его обѣ предѣльныя линіи: самая нижняя кривая и самая верхняя прямая, идущія въ нѣкоторомъ разстояніи близко одна отъ другой, развѣтвляются, слѣдовательно образуютъ уголь. Обыкновенно этотъ уголь, благодаря небольшой поперечной линіи, получаетъ видъ треугольника, въ центрѣ котораго иногда замѣчается небольшое изолированное возвышеніе. Этотъ треугольникъ, который каждый можетъ найти на своихъ пальцахъ безъ затрудненій, представляетъ собою отличную отправную точку для нашей ориентировки. Весьма часто имѣются даже два такихъ треугольника, по одному на каждой сторонѣ пальца, и тогда можно мысленно представить

себѣ между ними прямую соединительную линію, въ срединѣ которой перпендикуляръ составитъ собою ось фигуры. Но и въ томъ случаѣ, если такой треугольникъ имѣется лишь на одной сторонѣ пальца, представляется обыкновенно возможнымъ мысленно представить себѣ такую ось и въ соотношеніи съ нею опредѣлить мѣстоположеніе каждаго, достойнаго вниманія, пункта средняго поля. Рисунокъ этого средняго поля можетъ быть двоякаго рода: онъ можетъ представлять собою систему или спирали, или петель.

Такимъ образомъ мы раздѣлили всѣ разнообразныя рисунки линій пальцевъ прежде всего на три главныхъ группы: въ первой переходъ отъ прямыхъ къ кривымъ линіямъ бываетъ непосредственно: нѣтъ промежуточнаго поля, а вторая и третья группы имѣютъ такія поля, которыя заполнены спиралями или петлями. Каждую изъ этихъ трехъ группъ можно раздѣлить на двѣ подгруппы: въ первой изъ нихъ наблюдается симметричная ось, проходящая приблизительно по направленію отъ конца указательнаго пальца къ основанію мизинца. Къ второй подгруппѣ относятся всѣ прочія расположенія съ осью другого направленія или вовсе не имѣющія оси.

Такимъ образомъ Гальтонъ опредѣлилъ существованіе 6-ти группъ, легко отличимыхъ одна отъ другой; каждая имѣетъ свой № по порядку. I и II—для рисунковъ безъ промежуточныхъ линій, III и IV—для рисунковъ съ спиральными линіями и, наконецъ, V и VI—для рисунковъ съ системою петель. При изслѣдованіи каждый палецъ будетъ отнесенъ къ тому или другому № и если опредѣлить этотъ № для всѣхъ 10 пальцевъ челоуѣка въ принятомъ порядкѣ, то мы получимъ совокупность цифръ, которыя могутъ послужить прекраснымъ основаніемъ для классификаціи, и которыя сами по себѣ представляютъ характерную примѣту того или другого лица. Тѣ руки, при изслѣдованіи которыхъ получатся одни и тѣ же номера, иными словами, которыя окажутся принадлежащими къ той или другой группѣ,—требуютъ продолженія изслѣдованія, въ виду остальныхъ особенностей ихъ. Ибо одно установленіе ряда тождественныхъ цифръ еще не исчерпываетъ всей задачи.

При помощи увеличительнаго стекла слѣдуетъ отыскать на рисункахъ всѣ возможныя детали, которыя тщательно отмѣтить; при этомъ мы увидимъ, что одна изъ линій въ одномъ мѣстѣ то прерывается, то развѣтвляется на двѣ отдѣльныя линіи, которыя затѣмъ вновь соединяются. Всѣ эти отличительныя особенности даютъ возможность установить съ достовѣрностью или различіе въ

тѣхъ рисункахъ, которые будутъ отнесены къ одной группѣ, или же тождество двухъ рисунковъ одного и того же пальца, воспроизведенныхъ въ оттискахъ въ разное время. Тутъ мы приходимъ къ кардинальному пункту всей работы. Поразительны эти линіи, появляющіяся у человѣка за 3 мѣсяца до его рожденія и исчезающія послѣ его смерти лишь при окончательномъ разложеніи трупа! Въ теченіе всей жизни онѣ сохраняютъ свой видъ до мельчайшихъ деталей! Для примѣра укажу на вышеупомянутые два рисунка указательнаго пальца правой руки Вильяма Гершеля 1860 г. и 1888 г. Хотя послѣдній рисунокъ и представляется болѣе широкимъ и линіи его, благодаря преклонному возрасту, нѣсколько сглажены, тѣмъ не менѣе тождество ихъ видно съ перваго взгляда, и при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что всѣ детали изображенія 1860 г. сохранились неизмѣнно также въ позднѣйшемъ оттискѣ 1888 г. И такимъ же образомъ Гальтонъ провѣрилъ изображенія линій на пальцахъ 8 лицъ, сдѣланные черезъ болѣе или менѣе значительные промежутки, и отмѣтилъ всего 2% особенныхъ детальныхъ отличій,—которые имѣлись на первыхъ оттискахъ и затѣмъ, лишь за однимъ исключеніемъ, были найдены и на позднѣйшихъ оттискахъ. Поэтому едва ли можно болѣе сомнѣваться въ неизмѣнности рисунковъ на оттискахъ, у которыхъ могутъ измѣниться лишь размѣры ихъ, но характерныя особенности которыхъ всегда останутся неизмѣнными, совершенно подобно кружеву, которое можно растянуть въ любомъ направленіи и которое отъ этого не потеряетъ своего узора.

Нельзя, однако, отрицать трудности такихъ изслѣдованій. Прежде всего слѣдуетъ постараться получить вѣрные снимки такъ, чтобы ихъ можно было хранить и ими пользоваться для сличеній, говоря короче, чтобы ими можно было пользоваться съ большимъ удобствомъ, нежели самими пальцами. Для полученія такихъ оттисковъ Гальтонъ указываетъ два способа. Можно напр. стеклянную или металлическую пластинку закоптить надъ огнемъ и затѣмъ нажать пальцемъ: на всѣхъ мѣстахъ, къ которымъ прикасаются выпуклости кожи, копоть снимается и получается изображеніе, которое и слѣдуетъ сохранить отъ уничтоженія посредствомъ фиксирующаго состава. Другой способъ заключается въ томъ, чтобы приложить палецъ къ металлической или фарфоровой пластинкѣ, покрытой по возможности равномерно типографской краской, и послѣ того оттиснуть этотъ палецъ на листъ бумаги. При данномъ способѣ краска прилипаетъ къ выпуклостямъ пальца и отъ нихъ пере-

ходить на бумагу. Этотъ способъ въ настоящее время и принятъ должностными лицами и учрежденіями.

Не слѣдуетъ конечно упускать изъ виду, что при этомъ способѣ мы получаемъ изображенія выпуклостей черными, тогда какъ въ первомъ случаѣ такимъ цвѣтомъ окрашены были углубленія: такимъ образомъ оба изображенія относятся другъ къ другу, какъ негативъ къ позитиву. Наиболѣе простымъ способомъ является конечно второй способъ и заслуживаетъ предпочтенія предъ другими оттисками, напр. на гипсѣ или размягченномъ сургучѣ.

Въ настоящее время наблюденія Гальтона получили значительное развитіе и научное обоснованіе. Какъ доказываетъ Виндтъ, формы папиллярныхъ линій приведены въ опредѣленную систему, а «типы» ихъ раздѣлены на 4 группы: дуговыя линіи, петлевыя, спиральныя и сложныя линіи. Въ видахъ сокращенія, эти типы носятъ названія алгебраическіе и арифметическіе, такъ что при такомъ исчисленіи получаютъ 1024 комбинаціи, послужившія основаніемъ для весьма остроумной регистраціи, изобрѣтенной Е. К. Генри въ Лондонѣ. Если снятіе папиллярныхъ линій на 10 пальцахъ у задержаннаго посредствомъ типографской краски совершается быстро, тѣмъ скорѣе можно отыскать въ регистратурѣ требуемую справку. Въ недавнее время способъ выясненія тождества личности по папиллярнымъ линіямъ признавался лишь дополненіемъ къ системѣ Бертильона, въ настоящее же время, при развитіи этого способа, благодаря трудамъ совѣтника полиціи Виндта въ Вѣнѣ и старш. совѣтника ф. Кеттига въ Дрезденѣ, онъ явился серьезнымъ конкурентомъ системы Бертильона и весьма возможно, что способъ этотъ вполнѣ замѣнитъ послѣднюю систему.

12. Опредѣленіе тождества личностей геометрическимъ путемъ.

W. Mathews («Brith Journal Almanac» 1890 г.) предложилъ остроумный способъ ¹⁾ для опредѣленія съ точностью тождества лицъ по ихъ фотографическимъ снимкамъ, хотя бы истекли цѣлые годы между съемками. Онъ исходитъ при этомъ изъ совершенно вѣрнаго предположенія, что на лицѣ челоуѣка разъ сложившіяся

¹⁾ Ср. Пидигелли „Руководство фотографіи“.

разстоянія частей его затѣмъ уже не измѣняются, если только не произошло какихъ-нибудь болѣзней или поврежденій черепа.

Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что прежде всего обѣ сравниваемые фотографическія карточки возможно тщательно и по одному масштабу увеличиваются (т. е. старое и новое фотографическія изображенія, или же прежняя фотографическая карточка и только что снятая съ человѣка, для опредѣленія тождества его личности). Чѣмъ сильнѣе увеличеніе, т. е. чѣмъ большаго размѣра получаются обѣ карточки, тѣмъ отчетливѣе работа, тѣмъ незначительнѣе мелкія погрѣшности, которыя бывають иногда при измѣреніи.

Затѣмъ проводится черезъ средину зрачковъ основная линія oo (datum line) (рис. 9), разстояніе между серединой обоихъ зрачковъ дѣлится пополамъ и черезъ полученную точку проводится другая перпендикулярная линія aa и двѣ параллельныя ей черезъ середины зрачковъ (bb и cc); послѣ этого проводятся параллельныя основной линіи (oo) вверху до линіи волосъ и внизу до подбородка и отмѣчаются 1, 2, 3 и 1', 2', 3'. На рисункѣ разстояніе горизонтальныхъ линій равняется точно діаметру радужной оболочки.

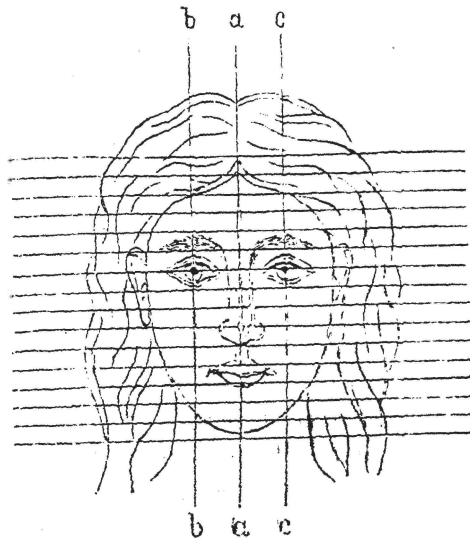

Рис. 9.

Опредѣленіе сходства можетъ быть сдѣлано двоякимъ путемъ:

- 1.—разрѣзываютъ обѣ карточки по линіи aa и примѣриваютъ половину одной къ половине другой: если фотографіи принадлежатъ одному лицу, то всѣ линіи должны точно совпасть;
- 2.—не разрѣзая карточекъ, одну накладываютъ на другую такъ, чтобы совпали линіи oo и aa : если линіи совпадаютъ, то изображенія тождественны. Я думаю, что въ серьезныхъ случаяхъ этотъ способъ можетъ быть рекомендованъ, но впрочемъ при одномъ условіи: если оба снимка сдѣланы точно en face.

13. О вознагражденіи свѣдущихъ лицъ.

Въ заключеніе я считаю нужнымъ остановиться на одномъ обстоятельстве, на первый взглядъ имѣющемъ второстепенное значеніе, на самомъ же дѣлѣ играющемъ капитальную роль въ нашемъ дѣлѣ: я говорю о вознагражденіи свѣдущихъ лицъ.

Я хорошо знаю, что въ общемъ судебныя мѣста справедливо относятся къ вопросу объ опредѣленіи свѣдущимъ лицамъ вознагражденія; но подчасъ бываетъ, что вслѣдствіе ли мелочной бережливости, недостатка ли просвѣщеннаго отношенія, или, быть можетъ, еще и по другимъ основаніямъ, вознагражденіе, требуемое свѣдущими лицами, самымъ безразсуднымъ образомъ урѣзывается. Какъ назвать настоящимъ именемъ это постоянное урѣзываніе требуемыхъ суммъ? Вѣдь косвеннымъ образомъ эксперту даютъ понять, что онъ оцѣниваетъ свои услуги болѣе, нежели онъ въ дѣйствительности стѣять, что онъ стремится къ личному обогащенію непозволительными и непохвальными средствами. Только стѣсняются высказывать это обвиненіе открыто тѣ, которые однимъ взмахомъ пера сокращаютъ требуемую имъ сумму напр. вмѣсто 20 гульденовъ на 15.

Поставимъ теперь вопросъ такъ: какія могутъ быть послѣдствія этого? Часто случается, что въ томъ или другомъ Судѣ принято за правило требуемую экспертомъ сумму сокращать, положимъ, на пятую часть. Но если экспертъ пожелаетъ получить вознагражденіе въ настоящемъ его размѣрѣ, то онъ разсуждаетъ такъ: «за свой трудъ я заслужилъ по закону и совѣсти 20 гульденовъ, но если я потребую 20, то пятая часть будетъ урѣзана, и я получу слишкомъ мало, поэтому я потребую 25, пятая часть будетъ вычтена и я получу 20, т. е. сумму, которую я и заслужилъ». Судья въ этомъ случаѣ играетъ незавидную роль того покупателя, о которомъ торговецъ знаетъ, что онъ, не торгуясь, ничего не купитъ и поэтому назначаетъ ему, слишкомъ высокія цѣны сравнительно съ тѣми, которыя онъ предлагаетъ болѣе благоразумному покупателю, не имѣющему привычки торговаться.

Но кромѣ такихъ случаевъ, въ которыхъ экспертъ всетаки получаетъ то, что ему принадлежитъ по справедливости, и когда судья лишь ставитъ себя въ смѣшное положеніе своею скупостью, могутъ быть и такіе случаи, что свѣдущее лицо получить или слишкомъ мало или слишкомъ много.

Если онъ получаетъ слишкомъ мало, потому что ему несправедливо сократили вполнѣ заслуженное вознагражденіе, то отсюда проистекають многообразныя вредныя послѣдствія. Прежде всего несправедливо по существу, если кто получаетъ менѣе, чѣмъ онъ заслужилъ. Затѣмъ экспертъ вполнѣ будетъ прилагать свой трудъ и знанія уже въ мѣру крайней необходимости, какъ бы ни былъ серьезень случай. И наконецъ ненормально и то, что расчетливый судья съ своей стороны обнаруживаетъ свое непониманіе, а экспертъ, которому для дачи заключенія потребовались всѣ знанія его, пріобрѣтенныя многолѣтними трудами, который долженъ былъ употребить новыя изысканія и изощрять свое остроуміе, производить утомительныя сопоставленія, долженъ волей-неволей выслушать упрекъ въ томъ, что онъ будто бы стремился получить отъ государства болѣе, чѣмъ онъ имѣлъ право требовать. А между тѣмъ въ сущности назначавшій вознагражденіе судья не въ состояніи оказался взвѣсить, какъ много времени, труда и знаній потребовалось свѣдущему лицу для производства экспертизы. Если вы попробуете предложить судьямъ вопросъ, — имѣли ли они какой-либо масштабъ для таксировки услугъ эксперта, напр. назначая плату за вынесенное психіатромъ заключеніе о тяжелой формѣ душевнаго заболѣванія, или за сложный химическій анализъ какого ниб. органическаго яда, — присутствовали ли они съ начала до конца при изслѣдованіи врачомъ душевно больного или при производствѣ химическаго анализа, — вы въ нѣкоторыхъ случаяхъ услышите такой отвѣтъ: масштаба мы не имѣемъ, но сумма, требуемая экспертомъ, — слишкомъ велика! — Такой отвѣтъ можетъ ли быть достойнымъ судьи? Но если экспертъ имѣетъ дурную привычку требовать не по заслугамъ, то пусть устраняють его отъ возложенныхъ на него обязанностей и смѣло изображаютъ его поведеніе такимъ, каково оно есть, ибо, если экспертъ способенъ поступиться своею совѣстью изъ-за одного лишняго гульдена, который онъ требуетъ, то онъ недостойнъ того высокаго довѣрія, которое оказывается свѣдущему лицу и должно оказываться; но разъ ему довѣряють въ такой степени свободу и доброе имя согражданъ, то пусть же окажутъ ему довѣрія настолько, чтобы онъ не былъ вынужденъ таксировать свои услуги выше того, чѣмъ позволяетъ ему это его совѣсть.

Совершенно подобное мы должны сказать и относительно вознагражденія свидѣтелей. Вслѣдствіе повсемѣстно практикуемой системы крайней экономіи и въ этомъ отношеніи, почти всегда причитающееся свидѣтелю вознагражденіе по мѣрѣ возможности сокра-

щается. Какъ бы ни были стѣснительны въ этомъ отношеніи законодательныя постановленія, тѣмъ не менѣе примѣненіе ихъ можетъ носить характеръ строгій и мягкій. Пусть же каждый по мѣрѣ силъ поступаетъ гуманнѣе: ибо не соответствуетъ достоинству государственной власти отказывать въ небольшой суммѣ гражданину, на котораго возлагаются извѣстныя обязанности, который совершаетъ значительный путь, прерываетъ обычныя занятія, терпитъ часто непоправимый ущербъ въ дѣлахъ, между тѣмъ какъ эта маленькая сумма удовлетворила бы его вполне и государству никакого ущерба не принесла бы. Въ дѣйствительности же свидѣтель становится недоброжелателемъ и негодуетъ. Но кромѣ того эта система сокращенія вознагражденія свидѣтелямъ нехозяйственна и потому лишена практическаго смысла. Кто хоть разъ былъ въ свидѣтеляхъ и получилъ за это ничтожное вознагражденіе, или даже кто знаетъ объ этомъ отъ другихъ, тотъ будетъ употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы только не быть вызваннымъ или не стать извѣстнымъ, если ему пришлось случайно быть очевидцемъ какого либо преступленія. И вмѣсто этого единственнаго очевидца приходится вызывать десять другихъ въ качествѣ свидѣтелей, которые въ состояніи удостовѣрить лишь незначительныя данныя и показанія которыхъ, взятыя вмѣстѣ, быть можетъ, не имѣютъ той цѣны, какую имѣло бы одно показаніе важнѣйшаго свидѣтеля. Финансовыя же послѣдствія такого порядка выражаются въ томъ, что вмѣсто одного свидѣтеля вознаграждаются десять. Какъ часто приходится слышать: «только не попадайся въ свидѣтели, потратишь время, измучаешься и за все получишь жалкое вознагражденіе». Свидѣтели на судѣ отбываютъ повинность и если она вызываетъ неудовольствіе, то отбывается она, конечно, неудовлетворительно; неудовольствіе же возникаетъ именно потому, что заслуженное свидѣтелями вознагражденіе всегда урѣзывается.